

Полное собрание стихотворений. Сергей Александрович Есенин

Юношеские стихотворения, не опубликованные при жизни Сергея Есенина

ПОЭТ

Он бледен. Мыслит страшный путь.

В его душе живут виденья.

Ударом жизни вбита грудь,

А щеки выпили сомненья.

Клоками сбиты волоса,

Чело высокое в морщинах,

Но ясных грез его краса

Горит в продуманных картинах.

Сидит он в тесном чердаке,

Огарок свечки режет взоры,

А карандаш в его руке

Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,

Он ловит сердцем тень былого.

И этот шум... душевный шум...

Снесет он завтра за целковый.

1910–1912

НОЧЬ

Усталый день склонился к ночи, Затихла шумная волна,

Погасло солнце, и над миром

Плывет задумчиво луна.

Долина тихая внимает

Журчанью мирного ручья.

И темный лес, склоняся, дремлет

Под звуки песен соловья.

Внимая песням, с берегами,

Ласкаясь, шепчется река.

И тихо слышится над нею

Веселый шелест тростника.

1911–1912

ЗВЕЗДЫ

Звездочки ясные, звезды высокие!

Что вы храните в себе, что скрываете?

Звезды, таящие мысли глубокие, Силой какой вы душу пленяете?

Частые звездочки, звездочки тесные!

Что в вас прекрасного, что в вас могучего?

Чем увлекаете, звезды небесные, Силу великую знания жгучего?

И почему так, когда вы сияете, Маните в небо, в объятья широкие?

Смотрите нежно так, сердце ласкаете, Звезды небесные, звезды далекие!

1911

И. Д. РУДИНСКОМУ

Солнца луч золотой

Бросил искру свою

И своей теплотой

Согрел душу мою.

И надежда в груди

Затаилась моей;

Что-то жду впереди

От грядущих я дней.

Оживило тепло,

Озарил меня свет.

Я забыл, что прошло

И чего во мне нет.

Загорелась кровь

Жарче дня и огня.

И светло и тепло

На душе у меня.

Чувства полны добра,

Сердце бьется сильней.

Оживил меня луч

Теплотою своей.

Я с любовью иду

На указанный путь,

И от мук и тревог

Не волнуется грудь.

1911

ВОСПОМИНАНИЕ

За окном, у ворот

Вьюга завывает,

А на печке старик

Юность вспоминает.

«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.
А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю.
Погулял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.
Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.
Ну и что ж, покорюсь,—
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя».

1911–1912

МОЯ ЖИЗНЬ

Будто жизнь на страданья моя обречёна; Горе вместе с тоской заградили мне путь; Будто с радостью жизнь навсегда разлучёна, От тоски и от ран истомилася грудь.

Будто в жизни мне выпал страданья удел; Незавидная мне в жизни выпала доля.

Уж и так в жизни много всего я терпел, Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит, А дойду — только слышатся вздохи да слезы.

Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит

И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман, Не ропщу на свою незавидную долю.

Не страдает душа от тоски и от ран, Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

1911–1912

ЧТО ПРОШЛО — НЕ ВЕРНУТЬ

Не вернуть мне ту ночь прохладную, Не видать мне подруги своей,

Не слышать мне ту песню отрадную, Что в саду распевал соловей!

Унеслася та ночь весенняя,

Ей не скажешь: «Вернись, подожди».

Наступила погода осенняя,

Бесконечные льются дожди.

Крепким сном спит в могиле подруга, Схороня в своем сердце любовь.

Не разбудит осенняя вьюга

Крепкий сон, не взволнует и кровь.

И замолкла та песнь соловьиная, За моря соловей улетел,

Не звучит уже более, сильная, Что он ночью прохладною пел.

Пролетели и радости милые,

Что испытывал в жизни тогда.

На душе уже чувства остывшие.

Что прошло — не вернуть никогда.

1911–1912

НОЧЬ

Тихо дремлет река.

Темный бор не шумит.

Соловей не поет

И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.

Ручеек лишь журчит.

Своим блеском луна

Все вокруг серебрит.

Серебрится река.

Серебрится ручей.

Серебрится трава

Орошенных степей.

Ночь. Вокруг тишина.

В природе все спит.

Своим блеском луна

Все вокруг серебрит.

1911–1912

ВОСХОД СОЛНЦА

Загорелась зорька красная

В небе темно-голубом,

Полоса явилась ясная

В своем блеске золотом.

Лучи солнышка высоко

Отразили в небе свет.

И рассыпались далеко

От них новые в ответ.

Лучи ярко-золотые

Осветили землю вдруг.

Небеса уж голубые

Расстилаются вокруг.

1911–1912

К ПОКОЙНИКУ

Уж крышку туго закрывают,

Чтоб ты не мог навеки встать, Землей холодной зарывают,

Где лишь бесчувственные спят.

Ты будешь нем на зов наш зычный, Когда сюда к тебе придем.

И вместе с тем рукой привычной

Тебе венков мы накладем.

Венки те красотою будут,

Могила будет в них сиять.

Друзья тебя не позабудут

И будут часто вспоминать.

Покойся с миром, друг наш милый, И ожидай ты нас к себе.

Мы перетерпим горе с силой,

Быть может, скоро и придем к тебе.

1911–1912

ЗИМА

Вот уж осень улетела

И примчалася зима.

Как на крыльях, прилетела

Невидимо вдруг она.

Вот морозы затрещали

И сковали все пруды.

И мальчишки закричали

Ей «спасибо» за труды.

Вот появились узоры

На стеклах дивной красоты.

Все устремили свои взоры,

Глядя на это. С высоты

Снег падает, мелькает, вьется, Ложится белой пеленой.

Вот солнце в облаках мигает,

И иней на снегу сверкает.

1911–1912

ПЕСНЯ СТАРИКА РАЗБОЙНИКА

Угасла молодость моя,

Краса в лице завяла,

И удали уж прежней нет,

И силы — не бывало.

Бывало, пятерых сшибал

Я с ног своей дубиной,

Теперь же хил и стар я стал

И плачуся судьбиной.

Бывало, песни распевал

С утра до темной ночи,

Теперь тоска меня сосет

И грусть мне сердце точит.

Когда-то я ведь был удал,

Разбойничал и грабил,

Теперь же хил и стар я стал,

Все прежнее оставил.

1911–1912

БОЛЬНЫЕ ДУМЫ

Нет сил ни петь и ни рыдать,

Минуты горькие бывают,

Готов все чувства изливать,

И звуки сами набегают.

1911–1912

Я ль виноват, что я поэт

Тяжелых мук и горькой доли,

Не по своей же стал я воле —

Таким уж родился на свет.

Я ль виноват, что жизнь мне не мила, И что я всех люблю и вместе ненавижу, И знаю о себе, чего еще не вижу,—Ведь этот дар мне муза принесла.

Я знаю — в жизни счастья нет, Она есть бред, мечта души больной, И знаю — скучен всем напев унылый мой, Но я не виноват — такой уж я поэт.

1911–1912

ДУМЫ

Думы печальные, думы глубокие, Горькие думы, думы тяжелые,

Думы, от счастья вечно далекие, Спутники жизни моей невеселые!

Думы — родители звуков мучения, Думы несчастные, думы холодные, Думы — источники слез огорчения, Вольные думы, думы свободные!

Что вы терзаете грудь истомлённую, Что заграждаете путь вы мне мой?..

Что возбуждаете силу сломлённую

Вновь на борьбу с непроглядною тьмой?

Не поддержать вам костра догоревшего, Искры потухшие... Поздно, бесплодные.

Не исцелить сердца вам наболевшего, Думы больные, без жизни, холодные!

1911–1912

ЗВУКИ ПЕЧАЛИ

Скучные песни, грустные звуки, Дайте свободно вздохнуть.

Вы мне приносите тяжкие муки, Больно терзаете грудь.

Дайте отрады, дайте покоя,

Дайте мне крепко заснуть.

Думы за думами смутного роя,

Вы мне разбили мой путь.

Смолкните, звуки — вестники горя, Слезы уж льются из глаз.

Пусть успокоится горькая доля.

Звуки! Мне грустно от вас!

Звуки печали, скорбные звуки, Долго ль меня вам томить?

Скоро ли кончатся тяжкие муки, Скоро ль спокойно мне жить?

1911–1912

СЛЕЗЫ

Слезы... опять эти горькие слезы, Безотрадная грусть и печаль;

Снова мрак... и разбитые грезы

Унеслись в бесконечную даль.

Что же дальше? Опять эти муки?

Нет, довольно... Пора отдохнуть

И забыть эти грустные звуки,

Уж и так истомилася грудь.

Кто поет там под сенью березы?

Звуки будто знакомые мне —

Это слезы опять... Это слезы

И тоска по родной стороне.

Но ведь я же на родине милой, А в слезах истомил свою грудь.

Эх... лишь, видно, в холодной могиле

Я забыться могу и заснуть.

1911–1912

Не видать за туманною далью,

Что там будет со мной впереди, Что там... счастье, иль веет печалью, Или отдых для бедной груди.

Или эти седые туманы

Снова будут печалить меня,

Наносить сердцу скорбные раны

И опять снова жечь без огня.

Но сквозь сумрак в туманной дали?

Загорается, вижу, заря;

Это смерть для печальной земли, Это смерть, но покой для меня.

1911–1912

ВЬЮГА НА 26 АПРЕЛЯ 1912 г.

Что тебе надобно, вьюга?

Ты у окна завываешь,

Сердце больное тревожишь,

Грусть и печаль вызываешь.

Прочь уходи поскорее,

Дай мне забыться немного,

Или не слышишь — я плачу,

Каюсь в грехах перед Богом?

Дай мне с горячей молитвой

Слиться душою и силой.

Весь я истратился духом,

Скоро сокроюсь могилой.

Пой ты тогда надо мною,

Только сейчас удалися

Или за грешную душу

Вместе со мной помолися.

1912

ПРЕБЫВАНИЕ В ШКОЛЕ

Душно мне в этих холодных стенах, Сырость и мрак без просвета.

Плесенью пахнет в печальных углах — Вот она, доля поэта.

Видно, навек осужден я влачить

Эти судьбы приговоры,

Горькие слезы безропотно лить, Ими томить свои взоры.

Нет, уже лучше тогда поскорей

Пусть я иду до могилы,

Только там я могу, и лишь в ней, Залечить все разбитые силы.

Только и там я могу отдохнуть, Позабывать эти тяжкие муки,

Только лишь там не волнуется грудь

И не слышны печальные звуки.

1911–1912

ДАЛЕКАЯ ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Далеко-далеко от меня

Кто-то весело песню поет.

И хотел бы провторить ей я,

Да разбитая грудь не дает.

Тщетно рвется душа до нея,

Ищет звуков подобных в груди, Потому что вся сила моя

Истощилась еще впереди.

Слишком рано я начал летать

За мечтой идеала земли,

Рано начал на счастье роптать, Разбираясь в прожитой дали.

Рано пылкой душою своей

Я искал себе мрачного дня

И теперь не могу вторить ей,

Потому что нет сил у меня.

1911–1912

МОИ МЕЧТЫ

Мои мечты стремятся вдаль,

Где слышны вопли и рыданья,

Чужую разделить печаль

И муки тяжкого страданья.

Я там могу найти себе

Отраду в жизни, упоенье,

И там, наперекор судьбе,

Искать я буду вдохновенья.

1911–1912

БРАТУ ЧЕЛОВЕКУ

Тяжело и прискорбно мне видеть, Как мой брат погибает родной.

И стараюсь я всех ненавидеть, Кто враждует с его тишиной.

Посмотри, как он трудится в поле, Пашет твердую землю сохой,

И послушай те песни про горе, Что поет он, идя бороздой.

Или нет в тебе жалости нежной

Ко страдальцу сохи с бороной?

Видишь гибель ты сам неизбежной, А проходишь его стороной.

Помоги же бороться с неволей, Залитою вином, и с нуждой!

Иль не слышишь, он плачется долей

В своей песне, идя бороздой?

1911–1912

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИЗБЕНКА

Ветхая избенка

Горя и забот,

Часто плачет вьюга

У твоих ворот.

Часто раздаются

За твоей стеной

Жалобы на бедность,

Песни звук глухой.

Все поют про горе,

Про тяжелый гнет,

Про нужду лихую

И голодный год.

Нет веселых песен

Во стенах твоих,

Потому что горе

Заглушает их.

1911–1912

ОТОЙДИ ОТ ОКНА

Не ходи ты ко мне под окно

И зеленой травы не топчи;

Я тебя разлюбила давно,

Но не плачь, а спокойно молчи.

Я жалею тебя всей душою,

Что тебе до моей красоты?

Почему не даешь мне покою

И зачем так терзаешься ты?

Все равно я не буду твоею,

Я теперь не люблю никого,

Не люблю, но тебя я жалею,

Отойди от окна моего!

Позабудь, что была я твоею,

Что безумно любила тебя;

Я теперь не люблю, а жалею —

Отойди и не мучай себя!

1911–1912

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Тихо струится река серебристая

В царстве вечернем зеленой весны.

Солнце садится за горы лесистые, Рог золотой выплывает луны.

Запад подернулся лентой розовой, Пахарь вернулся в избушку с полей, И за дорогою в чаще березовой

Песню любви затянул соловей.

Слушает ласково песни глубокие

С запада розовой лентой заря.

С нежностью смотрит на звезды далекие

И улыбается небу земля.

1911–1912

И надо мной звезда горит,

Но тускло светится в тумане,

И мне широкий путь лежит,

Но он заросший весь в бурьяне.

И мне весь свет улыбки шлет,

Но только полные презренья,

И мне судьба привет несет,

Но слезы вместо утешенья.

1911–1912

ПОЭТ

Не поэт, кто слов пророка

Не желает заучить,

Кто язвительно порока

Не умеет обличить.

Не поэт, кто сам боится,

Чтобы сильных уязвить,

Кто победою гордится,

Может слабых утратить.

Не поэт и кто имеет

К людям разную любовь,

Кто за правду не умеет

Проливать с врагами кровь.

Тот поэт, врагов кто губит,

Чья родная правда — мать,

Кто людей как братьев любит

И готов за них страдать.

Он все сделает свободно,

Что другие не могли.

Он поэт, поэт народный,

Он поэт родной земли!

1912

КАПЛИ

Капли жемчужные, капли прекрасные, Как хороши вы в лучах золотых, И как печальны вы, капли ненастные, Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения, Как велики вы в глазах у других

И как вы жалки во мраке падения, Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите

На душу грусти вы чувства тяжелого.

Тихо скользите по стеклам и бродите, Точно как ищете что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые, С болью в душе вы свой век доживаете.

Милое прошлое, вам не забытое, Часто назад вы его призываете.

1912

Грустно... Душевные муки

Сердце терзают и рвут,

Времени скучные звуки

Мне и вздохнуть не дают.

Ляжешь, а горькая дума

Так и не сходит с ума...

Голову кружит от шума.

Как же мне быть... и сама

Моя изнывает душа.

Нет утешенья ни в ком.

Ходишь едва-то дыша.

Мрачно и дико кругом.

Доля! Зачем ты дана!

Голову негде склонить,

Жизнь и горька и бедна,

Тяжко без счастья жить.

1913

И слезы горькие на землю упали, И было тяжело и так печально мне, И все же мы друг друга не поняли.

Умчалась ты в далекие края,

И все мечты мои увяну ли без цвета, И вновь опять один остался я

Страдать душой без ласки и приветя.

И часто я вечернею порой

Хожу к местам заветного свиданья, И вижу я в мечтах мне милый образ твой, И слышу в тишине тоскливые рыданья.

1913

У МОГИЛЫ

На память об усопшем

В этой могиле под скромными ивами

Спит он, зарытый землей,

С чистой душой, со святыми порывами, С верой зари огневой.

Тихо погасли огни благодатные

В сердце страдальца земли,

И на чело, никому не понятные, Мрачные тени легли.

Спит он, а ивы над ним наклонились, Свесили ветви кругом,

Точно в раздумье они погрузились, Думают думы о нем.

Тихо от ветра, тоски напустившего, Плачет, нахмурившись, даль.

Точно им всем безо времени сгибшего

Бедного юношу жаль.

1912–1913

Н. А. Сардановскому

Упоенье — яд отравы,

Не живи среди людей,

Не меняй свои забавы

На красу бесцветных дней.

Все пройдет, и жизни холод

Сердце чуткое сожмет,

Все, чем жил, когда был молод, Глупой шуткой назовет.

Берегись дыханья розы,

Не тревожь ее кусты.

Что любовь? Пустые грезы,

Бред несбыточной мечты.

1914

ЮНОСТЬ

Мечты и слезы,

Цветы и грезы

Тебе дарю.

От тихой ласки

И нежной сказки

Я весь горю.

А сколько муки

Святые звуки

Наносят мне!

Но силой тертой

Пошлю все к черту.

Иди ко мне.

1914

ИСПОВЕДЬ САМОУБИЙЦЫ

Простись со мною, мать моя,

Я умираю, гибну я!

Больную скорбь в груди храня, Ты не оплакивай меня.

Не мог я жить среди людей,

Холодный яд в душе моей.

И то, чем жил и что любил,

Я сам безумно отравил.

Своею гордою душой

Прошел я счастье стороной.

Я видел пролитую кровь

И проклял веру и любовь.

Я выпил кубок свой до дна,

Душа отравую полна.

И вот я гасну в тишине,

Но пред кончиной легче мне.

Я стер с чела печать земли,

Я выше трепетных в пыли.

И пусть живут рабы страстей —Противна страсть душе моей.

Безумный мир, кошмарный сон,

А жизнь есть песня похорон.

И вот я кончил жизнь мою,

Последний гимн себе пою.

А ты с тревогою больной

Не плачь напрасно надо мной.

1913–1915

Я положил к твоей постели

Полузавядшие цветы,

И с лепестками помертвели

Мои усталые мечты.

Я нашептал моим левкоям

Об угасающей любви,

И ты к оплаканным покоем

Меня уж больше не зови.

Мы не живем, а мы тоскуем.

Для нас мгновенье красота,

Но не зажжешь ты поцелуем

Мои холодные уста.

И пусть в мечтах я все читаю: «Ты не любил, тебе не жаль»,

Зато я лучше понимаю

Твою любовную печаль.

1913–1915

ЧАРЫ

В цветах любви весна-царевна

По роще косы расплела,

И с хором птичьего молебна

Поют ей гимн колокола.

Пьяна под чарами веселья,

Она, как дым, скользит в лесах, И золотое ожерелье

Блестит в косматых волосах.

А вслед ей пьяная русалка

Росою плещет на луну.

И я, как страстная фиалка,

Хочу любить, любить весну.

1914

БУРЯ

Дрогнули листочки, закачались клены, С золотистых веток полетела пыль...

Зашумели ветры, охнул лес зеленый, Зашептался с эхом высохший ковыль...

Плачет у окошка пасмурная буря, Понагнулись ветлы к мутному стеклу

И качают ветки, голову понуря, И с тоской угрюмой смотрят в полумглу...

А вдали, чернея, выползают тучи, И ревет сердито грозная река, Подымают брызги водяные кручи, Словно мечет землю сильная рука.

1914–1915

Ты ушла и ко мне не вернешься, Позабыла ты мой уголок

И теперь ты другому смеешься, Укрываясь в белый платок.

Мне тоскливо, и скучно, и жалко, Неуютно камин мой горит,

Но измятая в книжке фиалка

Все о счастье былом говорит.

1913–1915

На небесном синем блюде

Желтых туч медовый дым.

Грезит ночь. Уснули люди.

Только я тоской томим.

Облаками перекрещен,

Сладкий дым вдыхает бор.

За кольцо небесных трещин

Тянет пальцы косогор.

На болоте кричат цапля,

Четко хлюпает вода,

А из туч глядит, как капля,

Одинокая звезда.

Я хотел бы в мутном дыме

Той звездой поджечь леса

И погнуть вместе с ними,

Как зарница — в небеса.

1913–1915

Стихотворения 1910 года

Вот уж вечер. Роса

Блестит на крапиве.

Я стою у дороги,

Прислонившись к иве.

От луны свет большой

Прямо на нашу крышу.

Где-то песнь соловья

Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,

Как зимой у печки.

И березы стоят,

Как большие свечки.

И вдали за рекой,

Видно, за опушкой,

Сонный сторож стучит

Мертвой колотушкой.

1910

Там, где капустные грядки

Красной водой поливает восход, Клененочек маленький матке

Зеленое вымя сосет.

1910

Поет зима — аукает,

Мохнатый лес баюкает

Стозвоном сосняка.

Кругом с тоской глубокою

Плывут в страну далекую

Седые облака.

А по двору метелица

Ковром шелковым стелется,

Но больно холодна.

Воробышки игривые,

Как детки сиротливые,

Прижались у окна.

Озябли пташки малые,

Голодные, усталые,

И жмутся поплотней.

А вьюга с ревом бешеным

Стучит по ставням свешенным

И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные

Под эти вихри снежные

У мерзлого окна.

И снится им прекрасная,

В улыбках солнца ясная

Красавица весна.

1910

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу, Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок, Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй

С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня, Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить.

Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадилный канон, Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет, Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.

Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

Дымом половодье

Зализало ил.

Желтые поводья

Месяц уронил.

Еду на баркасе,

Тычусь в берега.

Церквами у прясел

Рыжие стога.

Заунывным карком

В тишину болот

Черная глухарка

К всенощной зовет.

Роща синим мраком

Кроет гольтьбу...

Помолюсь украдкой

За твою судьбу.

1910

Сыплет черемуха снегом,

Зелень в цвету и росе.

В поле, склоняясь к побегам,

Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,

Пахнет смолистой сосной.

Ой вы, луга и дубравы, —

Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,

Светятся в душу мою.

Думаю я о невесте,

Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,

Пойте вы, птахи, в лесу.

По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

1910

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,

Выпивали под окнами квасу,

У церкви пред затворами древними

Поклонялись пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю, Пели стих о сладчайшем Иисусе.

Мимо клячи с поклажею топали, Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,

Говорили страдальные речи:

«Все единому служим мы господу, Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо

Для коров сбереженные крохи.

И кричали пастушки насмешливо: «Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

1910

Стихотворения 1911 года

Под венком лесной ромашки

Я строгал, чинил челны,

Уронил кольцо милашки

В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,

Как коварная свекровь.

Унесла колечко щука,

С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,

Я пошел с тоски на луг,

Мне вдогон смеялась речка:

«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:

Там смеются надо мной,

Повенчаюсь в непогоду

С перезвонною волной.

1911

Темна ноченька, не спится,

Выйду к речке на лужок.

Распоясала зарница

В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка

В лунных перьях серебра.

Выходи, мое сердечко,

Слушать песни гусяра.

Залюбуюсь, загляжусь ли

На девичью красоту,

А пойду плясать под гусли,

Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый, На шелковы купыри,

Уведу тебя под склоны

Вплоть до маковой зари.

1911

Хороша была Танюша, краше не было в селе, Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.

У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.

Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой: «Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».

Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.

Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу, Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».

Не заутренние звоны, а венчальный переклик, Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня, На виске у Тани рана от лихого кистеня.

Алым венчиком кровинки запеклися на челе, — Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

Стихотворения 1912 года

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе, Кто-то помолился: «Господи Исусе».

Полыхают зори, круятся туманы, Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.

Где-то мышь скребется в затворенной клетки...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба, Ели, словно копыя, уперлися в небо.

Закадили дымом под рососою рощи...

В сердце почивают тишина и мощи.

1912

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор, Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

Матушка в Купальницу по лесу ходила, Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи, Плакала родимая в кудрях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила, Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.

Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове, Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю

Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

ПЕСНЬ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ

За поемами Улыбыща

Кружат облачные вентери.

Закурилася ковыльница

Подкопытною танагою.

Ой, не зымь лузга-заманница

Запоршила переточкины, —

Подымались злы татаровья

На Зарайскую сторонушку.

Не ждала Рязань, не чуяла

А и той разбойной допоти,

Под фатой варяжьей засынькой

Коротала ночку темную.

Не свиный ух защурился,

И не волчья пасть оскалилась, —То Батый с холма Чурилкова

Показал орде на зарево.

Как взглянули звезды-ласточки, Загадали думу-полымя:

Чтой-то Русь захолынулася,

Аль не слышит лязгу бранного?

Щебетнули звезды месяцу:

«Ой ты, желтое ягнятище!

Ты не мни траву небесную,

Перестань бодаться с тучами.

Подыми-ка глаза-уголья

На рязанскую сторонушку

Да позарься в кутомарине,

Что там движется-колышется?»

Как взглянул тут месяц с привязи, А ин жвачка зубы вытерпла,

Поперхнулся с перепужины

И на землю кровью кашлянул.

Ой, текут кровя сугорами,

Стонут пасишные пажити,

Разыгрались злы татаровья,

Кровь полониками черпают.

Впереди сам хан на выпячи,

На коне сидит улыбисто

И жует, слюнявя бороду,

Кус подохлой кобылятины.

Говорит он псиним голосом:

«Ой ли, титники братанове,

Не пора ль нам с пира-пображни

Настремнить коней в Московию?»

От Олышан до Швивой Заводи

Знают песни про Евпатия.

Их поют от белой вызнати

До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,

Да ни слову не уважено,

Не сочесть похвал той удали,

Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,

В три ряда на плечи падали.

За гленищем ножик сеченый

Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,

Лошадей ковал да бражничал,

Да пешневые угорины
Двумя пальцами вытягивал.
Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.
Не один рукав молодушек,
Утираясь, продырявился.
Да не любы, вишь, удалому
Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Что ль рязанская сторонушка.
Ой, не совы плачут полночью, —За Коломной бабы хныкают,
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.
Свищут потные погонщики,
Подгоняют полонянных,
По пыжну путю-дороженьке
Ставят вехами головушки.
Соходилися боярове,
Суд рядили, споры ладили,
Как смутить им силу вражю,
Соблюсти им Русь кондовую.
Снаряжали побегушника,
Уручали светлой грамотой:
«Ты беги, зови детинушку
На усуду свет Евпатия».
Ой, не колоб в поле катится
На позыв колдуньи с Шехмина, —Проскакал ездок на Пилево,
Да назад опять ворочает.
На полях рязанских светится
Березняк при блеске месяца,
Освещая путь-дороженьку
От Олышан до Швивой Заводи.
Прискакал ездок к Евпатию,
Вынул вязевую грамоту:
«Ой ты, лазушный баторе,
Выручай ты Русь от лихости!»
У Палаги-шинкачерихи
На меду вино развожено,

Кумачовые кумашницы
Душниками занавешены.
Соходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия,
Над сивухой думы думали,
Запивали думы брагою.
Говорил Евпатий бражникам:
«Ой ли, други закадычные,
Вы не пейте зелена вина,
Не губите сметку русскую.
Зелено вино — мыслям пагуба,
Телесам оно — что коса траве, Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!»
Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною —
Бьются соколы-дружинники,
Налетая на татаровье.
Всколыхнулось сердце Батыя:
Что случилось там, приключилося?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное?
А рязанцам стать —
Только спьяну спать;
Не в бою бы быть,
А в снопах лежать.
Скачет хан на бела батыря,
С губ бежит слюна капучая.
И не меч Евпатий вытянул,
А свеча в руках затеплилась.
Не березки-белоличушки
Из-под гоноби подрублены —
Полегли соколя-дружиники
Под татарскими насечками.
Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти, куролесники.
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».

Уж он пьет не пьет, курвяжится

Оглянется да понюхает —

«А всего ты, сила русская,

На тыновье загодилася».

1912

Стихотворения 1913 года

БЕРЕЗА

Белая береза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

На пушистых ветках

Снежную каймой

Распустились кисти

Белой бахромой.

И стоит береза

В сонной тишине,

И горят снежинки

В золотом огне.

А заря, лениво

Обходя кругом,

Обсыпает ветки

Новым серебром.

1913

Стихотворения 1914 года

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны

Под копытом на снегу,

Только серые вороны

Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,

Дремлет лес под сказку сна,

Словно белою косынкой

Подвязалася сосна.

Понагнулась, как старышка,

Оперлася на клюку,

А над самою макушкой

Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,

Валит снег и стелет шаль.

Бесконечная дорога

Убегает лентой вдаль.

1914

СЕЛО

(Из Тараса Шевченко)

Село! В душе моей покой.

Село в Украине дорогой,

И, полный сказок и чудес,

Кругом села зеленый лес.

Цветут сады, белеют хаты,

А на горе стоят палаты,

И перед крашеным окном

В шелковых листьях тополя,

А там все лес, и все поля,

И степь, и горы за Днепром...

И в небе темно-голубом

Сам бог витает над селом.

1914

Колокол дремавший

Разбудил поля,

Улыбнулась солнцу

Сонная земля.

Понеслись удары

К синим небесам,

Звонко раздается

Голос по лесам.

Скрылась за рекою

Белая луна,

Звонко побежала

Резвая волна.

Тихая долина

Отгоняет сон,

Где-то за дорогой

Замирает звон.

1914

КУЗНЕЦ

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унести за даль морей...
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо
Созревают зелена.
Взвейся к солнцу с новой силой, Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой,
Сбрось скорей постыдный страх.

...

1914

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные

И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,

Растрепали шелковые косы.

Шелестят зеленые сережки,

И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива

Обрядилась ярким перламутром

И, качаясь, шепчет шаловливо: «С добрым утром!»

1914

МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни старая избушка, Там перед иконой молится старушка.

Молитва старушки сына поминает, Сын в краю далеком родину спасает.

Молится старушка, утирает слезы, А в глазах усталых расцветают грезы.

Видит она поле, поле перед боем, Где лежит убитым сын ее героем.

На груди широкой брызжет кровь, что пламя, А в руках застывших вражеское знамя.

И от счастья с горем вся она застыла, Голову седую на руки склонила.

И закрыли брови редкие сединки, А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

1914

БОГАТЫРСКИЙ ПОСВИСТ

Грянул гром. Чашка неба расколота.

Разорвалися тучи тесные.

На подвесках из легкого золота

Закачались лампадки небесные.

Отворили ангелы окно высокое, Видят — умирает тучка безглавая, А с запада, как лента широкая, Подымается заря кровавая.

Догадалися слуги божии,

Что недаром земля просыпается, Видно, мол, немцы негожие

Войной на мужика поднимаются.

Сказали ангелы солнышку:

«Разбуди поди мужика, красное, Потрепи его за головушку,

Дескать, беда для тебя опасная».

Встал мужик, из ковша умывается, Ласково беседует с домашней птицею, Умывшись, в лапти наряжается

И достает сошники с палицею.

Думает мужик дорогой в кузницу: «Проучу я харю поганую».

И на ходу со злобы тужится,

Скидает с плечей сермягу рваную.

Сделал кузнец мужику пику вострую, И уселся мужик на клячу брыкучую.

Едет он дорогой пестрою,

Насвистывает песню могучую,

Выбирает мужик дорожку приметнее, Едет, свистит, ухмыляется,

Видят немцы — задрожали дубы столетние, На дубах от свиста листья валяются.

Побросали немцы шапки медные, Испугались посвисту богатырского...

Правит Русь праздники победные, Гудит земля от звона монастырского.

1914

СИРОТКА

(Русская сказка)

Маша — круглая сиротка.

Плохо, плохо Маше жить,

Злая мачеха сердито

Без вины ее бранит.

Неродимая сестрица

Маше места не дает,

Плачет Маша втихомолку

И украдкой слезы льет.

Не перечит Маша брани,

Не теряет дерзких слов,

А коварная сестрица

Отбивает женихов.

Злая мачеха у Маши

Отняла ее наряд,

Ходит Маша без наряда,

И ребята не глядят.

Ходит Маша в сарафане,

Сарафан весь из заплат,

А на мачехиной дочке

Бусы с серьгами гремят.

Сшила Маша на подачки

Сарафан себе другой

И на голову надела

Полушалок голубой.

Хочет Маша понарядней

В церковь божию ходить

И у мачехи сердитой

Просит бусы ей купить.

Злая мачеха на Машу

Засучила рукава,

На устах у бедной Маши

Так и замерли слова.

Вышла Маша, зарыдала,

Только некуда идти,

Побежала б на кладбище,

Да могилки не найти.

Замела седая вьюга

Поле снежным полотном,

По дороженькам ухабы,

И сугробы под окном.

Вышла Маша на крылечко,

Стало больно ей невмочь.

А другом лишь воет ветер,

А кругом лишь только ночь.

Плачет Маша у крылечка,

Притаившись за углом,

И заплаканные глазки

Утирает рукавом.

Плачет Маша, крепнет стужа.

Злится дедушка-мороз,

А из глаз ее, как жемчуг,

Вытекают капли слез.

Вышел месяц из-за тучек,

Ярким светом заиграл.

Видит Маша — на приступке

Кто-то бисер разметал.

От нечаянного счастья

Маша глазки подняла

И застывшими руками

Крупный жемчуг собрала.

Только Маша за колечко

Отворяет дверь рукой, —

А с высокого сугроба

К ней бежит старик седой:

«Эй, красавица, постой-ка,

Замела совсем пурга!

Где-то здесь вот на крылечке

Позабыл я жемчуга».

Маша с тайною тревогой

Робко глазки подняла

И сказала, запинаясь:

«Я их в фартук собрала».

И из фартука стыдливо,

Заслонив рукой лицо,

Маша высыпала жемчуг

На обмерзшее крыльцо.

«Стой, дитя, не сыпь, не надо, —Говорит старик седой, —

Это бисер ведь на бусы,

Это жемчуг, Маша, твой».

Маша с радости смеется,

Закраснелась, стоит,

А старик, склонясь над нею,

Так ей нежно говорит:

«О дитя, я видел, видел,

Сколько слез ты пролила

И как мачеха лихая

Из избы тебя гнала.

А в избе твоя сестрица

Любовалась собой

И, расчесывая косы,

Хохотала над тобой.

Ты рыдала у крылечка,

А кругом мела пурга,

Я в награду твои слезы

Заморозил в жемчуга.

За тебя, моя родная,

Стало больно мне невмочь

И озлобленным дыханьем

Застудил я мать и дочь.

Вот и вся моя награда

За твои потоки слез...

Я ведь, Маша, очень добрый,

Я ведь дедушка-мороз».

И исчез мороз трескучий...

Маша жемчуг собрала

И, прислушиваясь к вьюге,

Постояла и ушла.

Утром Маша рано-рано

Шла могилушку копать,

В это время царедворцы

Шли красавицу искать.

Приказал король им строго

Обойти свою страну

И красавицу собою

Отыскать себе жену.

Увидали они Машу,

Стали Маше говорить,

Только Маша порешила

Прежде мертвых схоронить.

Тихо справили поминки,

На душе утихла боль,

И на Маше, на сиротке,

Повенчался сам король.

1914

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В этот лес замороженный,

По пушинкам серебра,

Я с винтовкой заряженной

На охоту шел вчера.

По дорожке чистой, гладкой

Я прошел, не наследил...

Кто ж катался здесь украдкой?

Кто здесь падал и ходил?

Подойду, взгляну поближе:

Хрупкий снег изломан весь.

Здесь вот когти, дальше — лыжи...

Кто-то странный бегал здесь.

Кабы твердо знал я тайну

Заколдованным речам,

Я узнал бы хоть случайно,

Кто здесь бродит по ночам.

Из-за елки бы высокой

Подсмотрел я на кругу:

Кто глубокий след далекий

Оставляет на снегу?..

1914

УЗОРЫ

Девушка в светлице вышивает ткани, На канве в узорах копьё и кресты.

Девушка рисует мертвых на поляне, На груди у мертвых — красные цветы.

Нежный шелк выводит храброго героя, Тот герой отважный — принц её души.

Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя, И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догорает.

Девушка склонилась. Помутился взор.

Девушка тоскует. Девушка рыдает.

За окошком полночь чертит свой узор.

Траурные косы тучи разметали, В пряди тонких локонов впуталась луна.

В трепетном мерцанье, в белом покрывале

Девушка, как призрак, плачет у окна.

1914

БЕЛЬГИЯ

Побеждена, но не рабыня,

Стоишь ты гордо без доспех,

Осквернена твоя святыня,

Зато душа чиста, как снег.

Кровавый пир в дыму пожара

Устроил грозный сатана,

И под мечом его удара

Разбита храбрая страна.

Но дух свободный, дух могучий

Великих сил не угасил,

Он, как орел, парит за тучей

Над цепью доблестных могил.

И жребий правды совершится:

Падет твой враг к твоим ногам

И будет с горестью молиться

Твоим разбитым алтарям.

1914

ЯМЩИК

За ухабины степные

Мчусь я лентой пустырей.

Эй вы, соколы родные,

Выносите поскорей!

Низкорослая слободка

В повечерешнем дыму.

Заждалась меня красotka

В чародейном терему.

Светит в темень позолотой

Размалевана дуга.

Ой вы, санки-самолеты,

Пуховитые снега!

Звоны резки, звоны гулки,

Бубенцам в шлее не счет.

А как гаркну на проулке,

Выбегает весь народ.

Выйдут парни, выйдут девки

Славить зимни вечера,

Голосатые запевки

Не смолкают до утра.

1914

Зашумели над затоном тростники.

Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.

Расплела волна венок из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной, Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора, —Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют, Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна, Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна, В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.

Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою, Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон.

В роще по березкам белый перезвон.

1914

Край любимый! Сердцу снятся

Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,

Резеда и риза кашки.

И вызванивают в четки

Ивы — кроткие монашки.

Курит облаком болото,

Гарь в небесном коромысле.

С тихой тайной для кого-то

Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,

Рад и счастлив душу вынуть.

Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

1914

Пойду в скуфье смиренным иноком

Иль белобрысым босяком —

Туда, где льется по равнинам

Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,

Доверясь призрачной звезде,

И в счастье ближнего поверить

В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной

Сшибает яблоки зари

Сгребая сено на покосах,

Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел, Я говорю с самим собой:

Счастлив, кто жизнь свою украсил

Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой, Живя без друга и врага,

Пройдет проселочной дорогой,

Молясь на копны и стога.

1914

Шел господь пытатъ людей в любви, Выходил он нищим на кулижку.

Старый дед на пне сухом, в дуброве, Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,

На тропинке, с клюшкою железной, И подумал: «Вишь, какой убогой, —Знать, от голода качается, болезный».

Подошел господь, скрывая скорбь и муку: Видно, мол, сердца их не разбудишь...

И сказал старик, протягивая руку: «На, пожуй... маленько крепче будешь».

1914

Не ветры осыпают пуши,

Не листопад златит холмы.

С голубизны незримой кущи

Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плато, На легкокрылых облаках,

Идет возлюбленная матери

С пречистым сыном на руках.

Она несет для мира снова

Распятый воскресшего Христа:

«Ходи, мой сын, живи вез крова, Зорюй и полднюй у куста».

И в каждом страннике убогом

Я визнавать пойду с тоской,

Не помазуемый ли богом

Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо

И не замечу в тайный час,

Что в елях — крылья херувима, А под пеньком — голодный Спас.

1914

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами;

У порога в дежке квас,

Над печурками точеными

Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,

В печке нитки попелиц,

А на лавке за солонкою —

Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,

Нагибается низко,

Старый кот к махотке крадется

На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные

Над оглоблями сохи,

На дворе обедню стройную

Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,

От пугливой шумоты,

Из углов щенки кудлатые

Заползают в хомуты.

1914

По селу тропинкой кривенькой

В летний вечер голубой

Рекрута ходили с ливенкой

Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые

Да последние деньки:

«Ты прощай, село родимое,

Темна роца и пеньки».

Зори пенились и таяли.

Все кричали, пяча грудь:

«До рекрутства горе маяли,

А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,

В пляс пускались весело.

Девки брякали им бусами,

Зазывали за село.

Выходили парни бравые

За гуменные плетни,

А девчоночки лукавые

Убегали, — догони!

Над зелеными пригорками

Развевались платки.

По полям, бредя с кошелками,

Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками, Под пугливый возглас сов,

Им смеялась роца зыками

С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой, Ободравшись о пеньки,

Рекрута играли в ливенку

Про остальные деньки.

1914

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не чадо рая,
Дайте родину мою».

1914

Я пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.
Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.
Светят зелено в сутемы
Под рососою тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.
Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы

Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,

Сплю на вырублях сучья.

Я молюсь на алы зори,

Причащаюсь у ручья.

1914

Сторона ль моя, сторонка,

Горевая полоса.

Только лес, да посолонка,

Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,

В облака закинув крест.

И забольная кукушка

Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,

В половодье каждый год

С подожочка и котомки

Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,

Веко выглядала даль,

И впилась в худое тело

Спаса кроткого печаль.

1914

Сохнет стаявшая глина,

На сугорьях гниль опенок.

Пляшет ветер по равнинам,

Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.

Синь то дремлет, то вздыхает.

У лесного аналоя

Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге

Средь кустов — как ворох меди.

Кто-то в солнечной сермяге

На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,

Но лицо его туманно.

Никнут сосны, никнут ели

И кричат ему: «Осанна!»

1914

Чую Радуницу Божью —

Не напрасно я живу,

Поклоняюсь придорожью,

Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,

Меж берез кудрявых бус,

Под венком, в кольце иголок,

Мне мерещится Исус.

Он зовет меня в дубровы,

Как во царствие небес,

И горит в парче лиловой

Облаками крытый лес.

Голубиный дух от бога,

Словно огненный язык,

Завладел моей дорогой,

Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья, В сердце радость детских снов, Я поверил от рожденья

В богородицын покров.

1914

По дороге идут богомолки,

Под ногами полынь да комли.

Раздвигая щипульные колки,

На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни, Где-то ржанье и храп табуна,

И зовет их с большой колокольни

Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,

Вяжут девки косницы до пят.

Из подворья с высокой келейки

На платки их монахи глядят.

На ворота монастырские знаки: «Упокою грядущих ко мне»,

А в саду разбрехались собаки, Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,

В дальних рощах аукает звон...

По тени от ветлы-веретенца

Богомолки идут на канон.

1914

Край ты мой заброшенный,

Край ты мой, пустырь,

Сенокос некошенный,

Лес да монастырь.

Избы забоченились,

А и всех-то пять.

Крыши их запенились

В заревую гать.

Под соломой-ризою

Выструги стропил,

Ветер плесень сизую

Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха

Вороны крылом,

Как метель, черемуха

Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике

Жисть твоя и быль,

Что под вечер путнику

Нашептал ковыль?

1914

Заглушила засуха засевки,

Сохнет рожь, и не всходят овсы.

На молебен с хоругвями девки

Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чаши,

Лихоманную грусть затая.

Загузынил дьячишко ледащий:

«Спаси, господи, люди твоя».

Открывались небесные двери,

Дьякон бавкнул из кряжистых сил: «Еще молимся, братья, о вере, Чтобы бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,

Крапал брызгами поп из горстей, Стрекотуньи-сороки, как свахи, Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей, Как холстины ползли облака,

И туманно по быльнице тощей

Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и вздыхая, Говорили промеж мужики:

«Колосилась-то ярь неплохая,

Да сгубили сухие деньки».

На коне — черной тучице в санках —Билось пламя-шлея... синь и дрожь.

И кричали парнишки в еланках: «Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

1914

Черная, потом пропахшая выть!

Как мне тебя не ласкать, не любить?

Выйду на озеро в синюю гать,

К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,

Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы, В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари

Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки, Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...

Грустная песня, ты — русская боль.

1914

Топи да болота,

Синий плат небес.

Хвойной позолотой

Взвенивает лес.

Тенькает синица

Меж лесных кудрей,

Темным елям снится

Гомон косарей.

По лугу со скрипом

Тянется обоз —

Суховатой липой

Пахнет от колес.

Слушают ракиты

Посвист ветряной...

Край ты мой забытый,

Край ты мой родной!..

1914

ЕГОРИЙ

В синих даях плоскогорий,

В лентах облаков

Собирал святой Егорий

Белых волков.

«Ой ли, светы, ратобойцы,

Слушайте мой сказ.

У меня в лихом изгой уж

Есть поклон до вас.

Все волчицы строят гнезда

В муромских лесах.

В их глазах застыли звезды

На ребячий страх.

И от тех ли серолобых

Ваш могучий род,

Как и вы, сгорает в злобах

Грозовой оплот.

Но недавно помирились

С русским мужиком.

Долго злились, долго бились

В пуще вы тайком.

Там с закатных поднебесий

Скачет враг — силен,

Как на эти ли полесья

Затаил полон.

Чую, выйдет лохманида —

Не ужиться вам,

Но уж черная планида

Машет по горам».

Громовень подняли волки:

«Мы ль трусовики!

Когти остры, зубы колки —

Разорвем в клоки!»

Собирались все огулом

Вырядить свой суд.

Грозным криком, дальним гулом

Замирал их гуд.

Как почуяли облаву,

Вышли на бугор.

«Ты веди нас на расправу,

Храбрый наш Егор!»

«Ладно, — молвил им Егорий, —Я вас поведу

Меж далеких плоскогорий,

Укрочу беду».

Скачет всадник с длинной пикой, Распугал всех сов.

И дрожит земля от крика

Волчьих голосов.

1914

МАРФА ПОСАДНИЦА

1

Не сестра месяца из темного болота

В жемчуге кокошник в небо запрокинула, —Ой, как выходила Марфа за ворота, Письменище черное из дулейки вынула.

Раскололся зыками колокол на вече, Замахали кружевом полотнища зорние; Услыхали ангелы голос человечесий, Отворили наскоро окна-ставни горние.

Возговорит Марфа голосом серебряно: «Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!

Грамотой московскою изволью повелено

Выгомонить вольницы бражные загулы!»

Заходила буйница выхвали старинной, Бороды, как молнии, выпячили грозно: «Что нам Московия, — как поставник блинный!

Там бояр-те жены хлыстают загозно!»

Марфа на крылечко праву ножку кинула, Левою помахала каблучком сафьяновым.

«Быть так, — кротко молвила, черны брови сдвинула —Не ручьи — брызгатели выцветням росяновым...»

2

Не чернец беседует с господом в затворе

Царь московский антихриста вызывает: «Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, Новгород мне вольный ног не лобызает!»

Вылез из запечья сатана гадюкой, В пучеглазых бельмах исчаведье ада.

«Побожися душу выдать мне порукой, Иначе не будет с Новгородом слада!»

Вынул он бумаги — облака клоч, Дал ему перо — от молнии стрелу.

Чиркнул царь кинжалищем локоток, Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит антихрист земным гудом: «А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!

Как пойдет на Москву заморский Иуда, Тут тебе с Новгородом и сладу нет!»

«А откуда гроза, когда ветер шумит?» —Задаёт ему царь хитрой спрос.

Говорит сатана зыком черных згит: «Этот ответ с собой ветер унес...»

3

На соборах Кремля колокола заплакали, Собирались стрельцы из дальних слобод; Кони ржали, сабли звякали,

Глас приказный чинно слухал народ.

Закраснели хоругви, образа засверкали, Царь пожаловал бочку с вином.

Бабы подолами слезы утирали, —Кто-то воротится невредим в дом?

Пошли стрельцы, запылили по полю: «Берегись ты теперь, гордый Новград!»

Пики тенькали, кони топали, —Никто не пожалел и не обернулся назад.

Возговорит царь жене своей:

«А и будет пир на красной браге!

Послал я сватать неучтивых семей, Всем подушки голов растелю в овраге».

«Государь ты мой, — шомонит жена, —Моему ль уму судить суд тебе!..

Тебе власть дана, тебе воля дана, Ты челом лишь бьешь одной судьбе...»

4

В зарукавнике Марфа богу молилась, Рукавом горючи слезы утирала; За окошко она наклонилась,

Голубей к себе на колени сзывала.

«Уж вы, голуби, слуги боговы, Солетайте-ко в райский терем, Вертайтесь в земное логово,

Стучитесь к новоградским дверям!»

Приносили голуби от бога письмо, Золотыми письменами рубленное; Села Марфа за расшитую тесьмой: «Уж ты, счастье ль мое загубленное!»

И писал господь своей верной рабе: «Не гони метлой тучу вихристу; Как московский царь на кровавой гульбе

Продад душу свою антихристу...»

5

А и минуло теперь четыреста лет.

Не пора ли нам, ребята, взяться за ум, Исполнить святой Марфин завет: Заглушить удалю московский шум?

А пойдёмте, бойцы, ловить кречетов, Отошлем дикомыта с потребою царю: Чтобы дал нам царь ответ в сечи той, Чтоб не застил он новоградскую зарю.

Ты шуми, певунный Волохов, шуми, Разбуди Садко с Буслаем на-торгаш!

Выше, выше, вихорь, тучи подыми!

Ой ты, Новгород, родимый наш!

Как по больнице тропинка пролегла; А пойдёмте стольный Киев звать!

Ой ли вы, с Кремля колокола,

А пора небось и честь вам знать!

Пропоем мы богу с ветрами тропарь, Вспеним белую попончу,

Загудит нам с веча колокол, как встарь, Тут я, ребята, и покончу.

Сентябрь 1914

РУСЬ

1

Потонула деревня в ухабинах,

Заслонили избенки леса.

Только видно, на кочках и впадинах, Как синеют кругом небеса.

Воят в сумерки долгие, зимние, Волки грозные с тощих полей.

По дворам в погорающем инее

Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками

Смотрят в шали пурги огоньки.

И стоят за дубровными сетками, Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,

Что ни прорубь — везде колдуны.

В злую заморозь в сумерки мгlistые

На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!

А за что — разгадать не могу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою

Слушать вечером гуд комаров.

А как гаркнут ребята тальянкою, Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина, Угли-очи в подковах бровей.

Ой ты, Русь моя, милая родина, Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны:

Грозным бедам широкий простор.

Крутит вихорь леса во все стороны, Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота, Тучи рваные кутают лес.

На подвесках из легкого золота

Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские

Ополченцам идти на войну.

Загыгыкали бабы слободские,

Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари

Без печали, без жалоб и слез, Клади в сумочки пышки на сахаре

И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы

Провожал их огулом народ...

Вот где, Русь, твои добрые молодцы, Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой —Как-то милые в дальнем краю?

Отчего не уведомят весточкой, —Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана, В ветре бластились стучи костей.

И пришли к ним нежданно-негаданно

С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку, С потом вывели всем по письму.

Подхватили тут родные грамотку, За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею

Допытаться любимых речей.

И на корточках плакали, слушая, На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,

Хороши вы в печали своей!

Я люблю эти хижины хилые

С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным, Мир вам, грабли, коса и соха!

Я гадаю по взорам невестиным

На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми, Хоть бы стать мне кустом у воды.

Я хочу верить в лучшее с бабами, Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные, Не спугнет их ни гром и ни тьма.

За сохою под песни заветные

Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,

Выводимые с тяжким трудом,

И от счастья и радости плакали, Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми

В мягких травах, под бусами рос, Им мерещился в даях за дымами

Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая, Лишь к тебе я любовь берегу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

1914

УС

Не белы снега по-над Доном

Заметали степь синим звоном.

Под крутой горой, что ль под тыном, Расставалась мать с верным сыном.

«Ты прощай, мой сын, прощай, чадо, Знать, пришла пора, ехать надо!

Захирел наш дол по-над Доном, Под пятой Москвы, под полоном».

То не водный звон за путиной — Бьет копытом конь под осиною.

Под красневу дремь, под сугредок

Отвечал ей сын напоследок:

«Ты не стой, не плачь на дорогу, Зажигай свечу, молись богу.

Соберу я Дон, вскручу вихорь, Полоню царя, сниму лихо».

Не река в бугор била пеной —

Вынимал он нож с подколена,

Отрезал с губы ус чернявый,

Говорил слова над дубравой:

«Уж ты, мать моя, голубица,

Сбереги ты ус на божнице;

Окропи его красным звоном,

Положи его под икону!»

Гикал-ухал он под туманом,

Подымалась пыль за курганом.

А она в ответ, как не рада:

«Уж ты сын ли мой, мое чадо!»

На крутой горе, под Калугой,

Повенчался Ус с синей вьюгой.

Лежит он на снегу под елью,

С весела-разгула, с похмелья.

Перед ним все знать да бояры, В руках золотые чары.

«Не гнушайся ты, Ус, не злобуй, Подымись, хоть пригубь, попробуй!

Нацедили мы вин красносоких

Из грудей из твоих из высоких.

Как пьяна с них твоя супруга, Белокошая девица-вьюга!»

Молчит Ус, не кинет взгляда, —Ничего ему от земли не надо.

О другой он земле гадает,

О других небесах вздыхает...

Заждалася сына дряхлая вдовица, День и ночь горюя, сидя под божницей.

Вот прошло-проплыло уж второе лето, Снова снег на поле, а его все нету.

Подошла, взглянула в мутное окошко...

«Не одна ты в поле катишься, дорожка!»

Свищет сокол-ветер, бредит тихим Доном.

«Хорошо б прижаться к золотым иконам...»

Села и прижалась, смотрит кротко-кротко...

«На кого ж похож ты, светлоглазый отрок?..

А! — сверкнули слезы над увядшим усом. —Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!»

Радостью светит она из угла.

Песню запела и гребень взяла.

Лик ее старческий ласков и строг.

Встанет, присядет за печь, на порог.

Вечер морозный, как волк, темно-бур...

Кличет цыплят и нахохленных кур: «Цыпушки-цыпы, свет-петушок!..»

Крепок в руке роговой гребешок.

Стала, уставилась лбом в темноту, Чешет волосья младенцу Христу.

1914

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В зимний вечер по задворкам

Разухабистой гурьбой

По сугробам, по пригоркам

Мы идем, бредем домой.

Опостылеют салазки,

И садимся в два рядка

Слушать бабушкины сказки

Про Ивана-дурака.

И сидим мы, еле дышим.

Время к полночи идет.

Притворимся, что не слышим,

Если мама спать зовет.

Сказки все. Пора в постели...

Но а как теперь уж спать?

И опять мы загалдели,

Начинаем приставать.

Скажет бабушка несмело:

«Что ж сидеть-то до зари?»

Ну, а нам какое дело, —

Говори да говори.

1914—1915

ЛЕБЕДУШКА

Из-за леса, леса темного,

Подымалась красна зорюшка,

Рассыпала ясной радугой

Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем

Сосны старые, могучие,

Наряжали сетки хвойные

В покрывала златотканые.
А кругом роса жемчужная
Отливала блески алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шептались.
В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.
Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки.
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.
И от той ли тихой заводи,
Посередь того ли озера,
Пролегла струя далекая
Лентой темной и широкою.
Уплывала лебедь белая
По ту сторону раздольную,
Где к затону молчаливому
Прилегла трава шелковая.
У побережья зеленого,
Наклонив головки нежные,
Перешептывались лилии
С ручейками тихозвонными.
Как и стала звать лебедушка
Своих малых лебежатушек
Погулять на луг пестреющий,
Пощипать траву душистую.
Выходили лебежатушки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осыпались.
А кругом цветы лазоревы
Распускали волны пряные
И, как гости чужедальные,
Улыбались дню веселому.

И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,
А лебедка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.
Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.
Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалася,
Снова бегали-резвилисья.
Но не чуяла лебедушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча черная —
Молодой орел под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.
Видел он у леса темного,
На пригорке у расщелины,
Как змея на солнце выползла
И свилась в колечко, грелася.
И хотел орел со злобою
Как стрела на землю кинуться, Но змея его заметила
И под кочку притаилася.
Взмахом крыл своих под облаком
Он расправил когти острые
И, добычу поджидая,
Замер в воздухе распластанный.
Но глаза его орлиные
Разглядели степь далекую,
И у озера широкого
Он увидел лебедь белую.
Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орел, как точка черная,

Стал к земле спускаться кольцами.

В это время лебедь белая

Оглянула гладь зеркальную

И на небе отражавшемся

Увидала крылья длинные.

Встрепенулася лебедушка,

Закричала лебежатушкам,

Собралися детки малые

И под крылья схоронилися.

А орел, взмахнувши крыльями,

Как стрела на землю кинулся,

И впилися когти острые

Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые

Белоснежная лебедушка

И ногами помертвелыми

Оттолкнула малых детушек.

Побежали детки к озеру,

Понеслись в густые заросли,

А из глаз родимой матери

Покатились слезы горькие.

А орел когтями острыми

Раздирал ей тело нежное,

И летели перья белые,

Словно брызги, во все стороны.

Колыхалось тихо озеро,

Камыши, склонясь, шепталися,

А под кочками зелеными

Хоронились лебежатушки.

1914–1915

КОРОЛЕВА

Пряный вечер. Гаснут зори.

По траве ползет туман,

У плетня на косогоре

Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева

Обомлели тополя.

Знаю, ждешь ты, королева,

Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий

Плавно по небу скользит.

Там, за рощей, по дороге

Раздается звон копыт.

Скачет всадник загорелый,

Крепко держит повод.

Увезет тебя он смело

В чужедальни города.

Пряный вечер. Гаснут зори.

Слышен четкий храп коня.

Ах, постой на косогоре

Королевой у плетня.

1914–1915

УДАЛЕЦ

Ой, мне дома не сидится,

Размахнуться б на войне.

Полечу я быстрой птицей

На саврасом скакуне.

Не ревите, мать и тетка,

Слезы сушат удалца.

Подарила мне красotka

Два серебряных кольца.

Эх, достану я ей пикой

Душегрейку на меху.

Пусть от радости великой

Ходит ночью к жениху.

Ты гори, моя зарница,

Не страшён мне вражий стан.

Зацелует баловница,

Как куплю ей сарафан.

Отчего вам хныкать, бабы,

Домекнуться не могу.

Али руки эти слабы,

Что пешню согнут в дугу.

Буду весел я до гроба,

Удалая голова.

Провожай меня, зазноба,

Да держи свои слова.

1914—1915

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.

Осень — рыжая кобыла — чешет гривы.

Над речным покровом берегов

Слышен синий ляг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным

Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту

Язвы красные незримому Христу.

1914—1916

Вечер, как сажа,

Льется в окно.

Белая пряжа

Ткет полотно.

Пляшет гасница,

Прыгает тень.

В окна стучится

Старый плетень.

Липнет к окошку

Черная гать.

Девочку-крошку

Байкает мать.

Взрыкает зыбка

Сонный тропарь:

«Спи, моя рыбка,

Спи, не гутарь».

1914—1916

Прячет месяц за овинами

Желтый лик от солнца ярого.

Высоко над луговинами

По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,

Словно глубь очей невестиных.

Прибрела весна, как странница, С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой

Серьги звонкие повесила

И с рассветом в сад сиреневый

Мотыльком порхнула весело.

1914—1916

«По лесу леший кричит на сову...»

По лесу леший кричит на сову, Прячутся мошки от птичек в траву.

Ау!

Спит медведиха, и чудится ей: Колет охотник острой детей.

Ау!

Плачет она и трясет головой:

— Детушки-дети, идите домой.

Ау!

Звонкое эхо кричит в синеву:

— Эй ты, откликнись, кого я зову!

Ау!

1914—1916

МОЛОТЬБА

Вышел зараня дед

На гумно молотить:

«Выходи-ка, сосед,

Старику подсобить».

Положили гурьбой

Золотые снопы.

На гумне вперевой

Зазвенели цепи.

И ворочает дед

Немолоченый край:

«Постучи-ка, сосед,

Выбивай каравай».

И под сильной рукой

Вылетает зерно.

Тут и солод с мукой,

И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой

Эта доля дана.

Тучен колос сухой —

Будет брага хмельна.

1914—1916

Стихотворения 1915 года

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,

Где златятся рогожи в ряд,

Семерых ощенила сука,

Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,

Причесывая языком,

И струился снежок подталый

Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры

Обсиживают щесток,

Вышел хозяин хмурый,

Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,

Поспевая за ним бежать...

И так долго, долго дрожала

Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно, Слизывая пот с боков,

Показался ей месяц над хатой

Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко

Глядела она, скуля,

А месяц скользил тонкий

И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,

Когда бросят ей камень в смех, Покатились глаза собачьи

Золотыми звездами в снег.

1915

ЧЕРЕМУХА

Черемуха душистая

С весною расцвела

И ветки золотистые,

Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная

Сползает по коре,

Под нею зелень пряная

Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,

В траве, между корней,

Бежит, струится маленький

Серебряный ручей.

Черемуха душистая,

Развесившись, стоит,

А зелень золотистая

На солнышке горит.

Ручей волной гремячу

Все ветки обдает

И вкрадчиво под кручею

Ей песенки поет.

1915

О дитя, я долго плакал над судьбой твоей, С каждой ночью я тоскую все сильней, сильней...

Знаю, знаю, скоро, скоро, на закате дня, Понесут с могильным пенем хоронить меня...

Ты увидишь из окошка белый саван мой, И сожмется твое сердце от тоски немой...

О дитя, я долго плакал с тайной теплых слов, И застыли мои слезы в бисер жемчугов...

И связал я ожерелье для тебя из них, Ты надень его на шею в память дней моих!

1915

ПОБИРУШКА

Плачет девочка-малютка у окна больших хором, А в хоромах смех веселый так и льется серебром.

Плачет девочка и стынет на ветру осенних гроз, И ручонкою иззябшей вытирает капли слез.

Со слезами она просит хлеба черствого кусок, От обиды и волненья замирает голосок.

Но в хоромах этот голос заглушает шум утех, И стоит малютка, плачет под веселый, резвый смех.

1915

ГРЕЦИЯ

Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.

Блистательный Патрокл сраженный умирал.

А Гектор меч о траву вытирал

И сыпал на врага цветущие левкои.

Над прахом горестно слетались с плачем сои, И лунный серп сеть туник прорывал.

Усталый Ахиллес на землю припадал, Он нес убитого в родимые покои.

Ах, Греция! мечта души моей!

Ты сказка нежная, но я к тебе нежней, Нежней, чем к Гектору, герою, Андромаха.

Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.

Напомни миру сгинувшую Трои, И для вандалов пусть чернеют меч и плаха.

1915

ПОЛЬША

Над Польшей облако кровавое повисло, И капли красные сжигают города.

Но светит в зареве былых веков звезда.

Под розовой волной, вздымаясь, плачет Висла.

В кольце времен с одним оттенком смысла

К весам войны подходят все года.

И победителю за стяг его труда

Сам враг кладет цветы на чашки коромысла.

О Польша, светлый сон в сырой тюрьме Костюшки, Невольница в осколках ореола.

Я вижу: твой Мицкевич заряжает пушки.

Ты мощною рукой сеть плена распорол.

Пусть горят родных краев опушки, Но слышен звон побед к молебствию костела.

1915

СТАРУХИ

Под окном балякают старухи.

Вязлый хрип их крошит тишину.

С чурбака, как скатный бисер, мухи

Улетают к лесу-щушуну.

Смотрят бабки в черные дубровы, Где сверкают гашники зарниц,

Подтыкают пестрые поневы

И таращат веки без ресниц.

«Быть дождю, — решают в пересуде, — Небо в куреве, как хмаровая близь.

Ведь недаром нонче на посуде

Появилась квасливая слизь,

Не зазря прокисло по махоткам

В погребах парное молоко

И не так гагачится молодкам,

Видно, дышать бедным нелегко».

Говорят старухи о пророке,

Что на небе гонит лошадей,

А кругом в дымнистой заволочке

Веет сырью звонистых дождей.

1915

У крыльца в худой логушке деготь.

Струи черные расхлябились, как змейки.

Ходят куры черных змей потрогать

И в навозе чистят клюв свой клейкий.

В колымаге колкая засорень,

Без колес, как лапы, смотрят оси.

Старый дед прямит на втулке шкворень, Словно косу долбит на покосе.

У погребки с маткой поросята, Рядом с замесью тухлявая лоханка.

Под крылом на былънице измятой

Ловит вшей расхопленная канка.

Под горой на пойло скачет стадо.

Плачут овцы с хлебистой жовкой.

Голосят пастушки над оградой: «Гыть кыря!» — и щелкают веревкой.

1915

ГОРОД

Храня завет родных поверий —

Питать к греху стыдливый страх, Бродил я в каменной пещере,

Как искушаемый монах.

Как муравьи кишели люди

Из щелей выдолбленных глыб,

И, схилясь, двигались их груди, Что чешуя скорузных рыб.

В моей душе так было гулко

В пеленках камня и кремней.

На каждой ленте переулка

Стонал коровий рев теней.

Дриждали дроги, словно стекла, В лицо кнутом грозила даль,

А небо хмурилось и блекло,

Как бабья сношенная шаль.

С улыбкой змеиного грешенья

Девичий смех меня манул,

Но я хранил завет крещенья —

Плевать с молитвой в сатану.

Как об ножи стальной дорогой

Рвались на камнях сапоги,

И я услышал зык от Бога:

«Забудь, что видел, и беги!»

1915

Рюрику Ивневу

Я одену тебя побирушкой,
Подпояшу оструганным лыком.
Упираясь толстою клюшкой,
Уходи ты к лесным повиликам.
У стогов из сухой боровины
Шьет русалка из листьев обновы.
У ней губы краснее малины,
Брови черные круче подковы.
Ты скажи ей: «Я странник усталый, Равнодушный к житейским потерям».
Скинь-покинь свой армяк полинялый, Проходи с нею к зарослям в терем.
Соберутся русалки с цветами,
Заведут под гармони гулянку
И тебя по заре с петухами
Поведут провожать на полянку.
Побредешь ты, воспрянутый духом, Будешь зыкать прибаски на цевне
И навстречу горбатым старухам
Скинешь шапку с поклоном деревне.

29 марта 1915 г.

ДЕВИЧНИК

Я надену красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой подружкой.
Мой жених, угрюмый и ревнивый, Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой, Вы ж пляшите дробней и угарней.
Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической чести.
Ах, подружки, стыдно и неловко: Сердце робкое охватывает стужа.
Тяжело беседовать с золовкой, Лучше жить несчастной, да без мужа.

1915

На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.
Затуманились лощины,

Серебром покрылся мох.

Через прясла и овины

Кажет месяц белый рог.

По дороге лихо, бойко,

Развевая пенный пот,

Скачет бешеная тройка

На поселок в хоровод.

Смотрят девушки лукаво

На красавца сквозь плетень.

Парень бравый, кучерявый

Ломит шапку набекрень.

Ярче розовой рубахи

Зори вешние горят.

Позолоченные бляхи

С бубенцами говорят.

1915

Я странник убогий.

С вечерней звездой

Пою я о Боге

Касаткой степной.

На шелковом блюде

Опада осин,

Послушайте, люди,

Ухлюпы трясин.

Ширком в луговины,

Целуя сосну,

Поют быстровины

Про рай и весну.

Я, странник убогий,

Молюсь в синеву.

На палой дороге

Ложуся в траву.

Покоюся сладко

Меж росновых бус;

На сердце лампадка,

А в сердце Исус.

1915

РАЗБОЙНИК

Стухнут звезды, стухнет месяц, Стихнет песня соловья,

В чернобылье перелесиц

С кистенем засяду я.

У реки под косогором

Не бросай, рыбак, блесну,

По дороге темным бором

Не считай, купец, казну!

Руки цепки, руки хватки,

Не зазря зовусь ухват:

Загребу парчу и кадки,

Дорогой сниму халат.

В темной роще заряница

Чешет елью прядь волос;

Выручай меня, ножница:

Раздается стук колес.

Не дознаться глупым людям,

Где копил-хранил деньгу;

Захотеть — так все добудем

Темной ночью на лугу!

1915

ПЛЯСУНЬЯ

Ты играй, гармонь, под трензель, Отсыпай, плясунья, дробь!

На платке краснеет вензель,

Знай прищелкивай, не робь!

Парень бравый, синеглазый

Загляделся не на смех.

Веселы твои проказы,

Зарукавник — словно снег.

Улыбаются старушки,

Приседают старики.

Смотрят с завистью подружки

На шелковы косники.

Веселись, пляши угарней,

Развевай кайму фаты.

Завтра вечером от парней

Придут свахи и сваты.

1915

РУСИ

Тебе одной плету венки,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся — далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной, И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих, Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

1915

Занеслися залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.
Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.
В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.
А ты из светлого рая,
В ризах белее дня,
Покрестися, как умирая,
За то, что не любила меня.

1915

КОЛДУНЬЯ

Косы растрепаны, страшная, белая, Бегаешь, бегаешь, резвая, смелая.
Темная ночь молчаливо пугается, Шалями тучек луна закрывается.
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую глушь.

Роща грозит еловыми пиками, Прячутся совы с пугливыми криками.

Машет колдунья руками костлявыми.

Звезды моргают из туч над дубравами.

Серьгами змеи под космы привешены, Кружится с вьюгою страшно и бешено.

Пляшет колдунья под звон сосняка.

С черною дрожью плывут облака.

1915

РУСАЛКА ПОД НОВЫЙ ГОД

Ты не любишь меня, милый голубь, Не со мной ты воркуешь, с другою.

Ах, пойду я к реке под горою, Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости,

Я русалкой вернуся весною.

Приведешь ты коня к водопою,

И коня напою я из горсти.

Запою я тебе втихомолку,

Как живу я царевной, тоскую,

Заману я тебя, заколдую,

Уведу коня в струи за холку!

Ой, как терем стоит под водою — Там играют русалочки в жмурки, — Изо льда он, а окна-конурки

В сизых рамах горят под слюдою.

На постель я травы натаскаю,

Положу я тебя с собой рядом.

Буду тешить тебя своим взглядом, Зацелую тебя, заласкаю!

1915

ПОМИНКИ

Заслонили ветлы сиротливо

Косниками мертвые жилища.

Словно снег, белеется коливо — На помин небесным птахам пища.

Тащат галки рис с могилки постный, Вяжут нищие над сумками бечевки.

Причитают матери и крёстные,

Голосят невесты и золовки.

По камням, над толстым слоем пыли, Вьется хмель, запутанный и клейкий.

Длинный поп в худой епитрахили

Подбирает черные копейки.

Под черед за скромным подаяньем

Ищут странницы отпетую могилу.

И поет дьячок за поминаньем:

«Раб усопших, Господи, помилуй».

1915

ДЕД

Сухлым войлоком по стёжкам

Разрыхлел в траве помет,

У гумен к репейным брошкам

Липнет муший хоровод.

Старый дед, согнувши спину,

Чистит вытоптанный ток

И подонную мякину

Загребает в уголок.

Щурясь к облачному глазу,

Подсекает он лопух.

Роет скрябкою по пазу

От дождей обходный круг.

Черепки в огне червонца.

Дед — как в жамковой слюде,

И играет зайчик солнца

В рыжеватой бороде.

1915

Белая свитка и алый кушак,

Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Громко звенит за селом хоровод, Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в сруб: «Что же, красив ты, да сердцу не люб.

Кольца кудрей твоих ветрами жжет, Гребень мой вострый другой бережет».

Знаю, чем чужд ей и чем я не мил: Меньше плясал я и меньше всех пил.

Кротко я с грустью стоял у стены: Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше стыда, В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в гжучее пляски кольцо, Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак,

Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Маком влюбленное сердце цветет...

Только не мне она песни поет.

1915

Наша вера не погасла,

Святы песни и псалмы.

Льется солнечное масло

На зеленые холмы.

Верю, родина, и знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к раю
Богомольная тропа.
Все пути твои — в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.
Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты — казематы
Да железный звон цепей.
Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.

1915

МОЕЙ ЦАРЕВНЕ

<СОНЕТ>

Я плакал на заре, когда померкли дали, Когда стелила ночь росистую постель, И с шепотом волны рыданья замирали, И где-то вдалеке им вторила свирель.

Сказала мне волна: «Напрасно мы тоскуем», —И, сбросив, свой покров, зарылась в берега, А бледный серп луны холодным поцелуем

С улыбкой застудил мне слезы в жемчуга.

И я принес тебе, царевне ясноокой, Кораллы слез моих печали одинокой

И нежную вуаль из пенности волны.

Но сердце хмельное любви моей не радо...

Отдай же мне за все, чего не надо, Отдай мне поцелуй за поцелуй луны.

1915

Туча кружево в роще связала,

Закурился пахучий туман.

Еду грязной дорогой с вокзала

Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума, Виснет темь, как платок, за сосной.

Сердце гложет плакучая дума...

Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,

И поет мой ямщик на-умяк:

«Я умру на тюремной постели,

Похоронят меня кое-как».

1915

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь.
Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.
Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.
За лещужною сурьюю —
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?
Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запелай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.
Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

1915

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.
Там в полях, за синей гущей лога, В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.
Затерялась Русь в Мордве и Чуди, Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.
Все они убийцы или воры,

Как судил им рок.

Полюбил я грустные их взоры

С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах, Их сердца просты,

Но кривятся в почернелых лицах

Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу,

Что я сердцем чист.

Но и я кого-нибудь зарежу

Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,

По тому ль песку,

Поведут с веревкою на шее

Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом

Распрямлю я грудь,

Языком залижет непогода

Прожитой мой путь.

1915

КОРОВА

Дряхлая, выпали зубы,

Свиток годов на рогах.

Бил ее выгонщик грубый

На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,

Мыши скребут в уголке.

Думает грустную луму

О белоногом телке.

Не дали матери сына,

Первая радость не впрок.

И на колу под осиной

Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом сее,

С той же сыновней судьбой,

Свяжут ей петлю на шее

И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще

В землю вопьются рога...

Снится ей белая роща

И травяные луга.

1915

ТАБУН

В холмах зеленых табуны коней

Сдувают ноздрями золотой налет со дней.

С бугра высокого в синеющий залив

Упала смоль качающихся грив.

Дрожит их головы над тихою водой, И ловит месяц их серебряной уздой.

Храпя в испуге на свою же тень

Зазастить гривами они ждут новый день

Весенний день звенит над конским ухом

С приветливым желаньем к первым мухам.

Но к вечеру уж кони над лугами

Брыкаются и хлопают ушами.

Все резче звон, прилипший на копытах, То тонет в воздухе, то виснет на ракигах.

И лишь волна потянется к звезде, Мелькают мухи пеплом по воде.

Погасло солнце. Тихо на лужке.

Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун, Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам, Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту, Тебе, о родина, сложил я песню ту.

1915

Алый мрак в небесной черни

Начертил пожаром грань.

Я пришел к твоей вечерне,

Полевая глухомань.

Нелегка моя кошница,

Но глаза синее дня.

Знаю, мать-земля черница,

Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири

Под лазоревым крылом.

Но сзовет нас из псалтыри

Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам

К правде сошьего креста

Светом книги голубиной

Напоить свои уста.

1915

В лунном кружеве украдкой

Ловит призраки долина.

На божнице за лампадкой

Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный,

Позавидовал улыбке.

Вспучил бельма вечер черный,

И луна — как в белой зыбке.

Разыгралась тройка-вьюга,

Брызжет пот, холодный, терпкий, И плакучая лещуга

Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит бритву...

Вон уж плачет Магдалина.

Помяни мою молитву

Тот, кто ходит по долинам.

1915

МИКОЛА

1

В шапке облачного скола,

В лапоточках, словно тень,

Ходит милостник Микола

Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,

Стягловица в две тесьмы,

Он идет, поет негромко

Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе

Даль холодная впила;

Загораются, как зори,

В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,

Дремлет ряд плакучих ив,

И, как шелковые четки,

Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,

Пот елейный льет с лица:

«Ой ты, лес мой, хороводник,

Прибаюкай пришлеца».

2

Заневестилася кругом

Роща елей и берез.

По кустам зеленым лугом

Льнут охлопя синих рос.

Тучка тенью расколола

Зеленистый косогор...

Умывается Микола

Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,

За сухим посошником,

Утирается берестой,

Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной

По селеньям, пустырям:

«Я, жилец страны нездешной,

Прохожу к монастырям».

Высоко стоит злотравье,

Спорынья кадит туман:

«Помолюсь схожу за здравье

Православных христиан».

3

Ходит странник по дорогам,

Где зовут его в беде,

И с земли гуторит с Богом

В белой туче-бороде.

Говорит Господь с престола,

Приоткрыв окно за рай:

«О мой верный раб, Микола,

Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах

Скорбью вытерзанный люд.

Помолись с ним о победах

И за нищий их уют».

Ходит странник по трактирам,

Говорит, завидя сход:

«Я пришел к вам, братья, с миром —Исцелить печаль забот.

Ваши души к подорожью

Тянет с посохом сума.

Собирайте милость Божью

Спелой рожью в закрома».

4

Горек запах черной гари,

Осень рощи подожгла.

Собирает странник тварей,

Кормит просом с подола.

«Ой, прощайте, белы птахи,

Прячьтесь, звери, в терему,

Темный бор, — щекочут свахи,—Сватай девицу-зиму.

Всем есть место, всем есть логов, Открывай, земля, им грудь!

Я — слуга давнишний Богов,

В Божий терем правлю путь».

Звонкий мрамор белых лестниц

Протянулся в райский сад;

Словно космица кудесниц,

Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче

В алых ризах кроткий Спас.

«Миколае-чудотворче,

Помолись ему за нас».

5

Крюют зори райский терем,

У окошка Божья Мать

Голубей сзывает к дверям

Рожь зернистую клевать.

«Клюйте, ангельские птицы:

Колос — жизненный полет».

Ароматней медуницы

Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,

Ели словно купина.

По лошинам черных пашен —

Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,

Пахаря трясут лузгу,

В честь угодника Миколы

Сеют рожью на снегу.

И, как по траве окосья

В вечеряющий покос,

На снегу звенят колосья

Под косницами берез.

1915

ЛИСИЦА

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла, У норы свернулася в кольцо.

Тонкой прошвой кровь отмежевала

На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел, Колыхалась в глазах лесная топь.

Из кустов косматый ветер взбыстрил

И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась, Мокрый вечер липок был и ал.

Голова тревожно подымалась,

И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром, На губах — как прелая морковь...

Пахло инеем и глиняным угаром, А в ощур сочилась тихо кровь.

1915

За темной прядью перелесиц,

В неколебимой синеве,

Ягненок кудрявый — месяц

Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой

Бодаются его рога, —

И кажется с тропы далекой —

Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым

Кадит черемуховый дым

И за долинами по склонам

Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пуци,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.
И ты, как я, в печальной требе, Забыв, кто друг тебе и враг,

О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири

Пугливо кажет темнота

И кандалы твоей Сибири,

И горб Уральского хребта.

1915–1916

Стихотворения 1916 года

Устал я жить в родном краю

В тоске по гречневым просторам, Покину хижину мою,

Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня

Искать убогое жилище.

И друг любимый на меня

Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу

Обвита желтая дорога,

И та, чье имя берегу,

Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,

Чужою радостью утешусь,

В зеленый вечер под окном

На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня

Нежнее головы наклонят.

И необмытого меня

Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,

Роняя весла по озерам...

И Русь все так же будет жить, Плясать и плакать у забора.

1916

За горами, за желтыми долами

Протянулась тропа деревень.

Вижу лес и вечернее полымя,

И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами

Голубеет небесный песок,

И звенит придорожными травами

От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною

Дорога мне зеленая ширь —

Полюбил я тоской журавлиною

На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится, Как повиснет заря на мосту,

Ты идешь, моя бедная странница, Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя, Жадно слушаешь ты ектенью,

Помолись перед ликом спасителя

За погибшую душу мою.

1916

Месяц рогом облако бодает,

В голубой купается пыли.

В эту ночь никто не отгадает, Отчего кричали журавли.

В эту ночь к зеленому затону

Прибегла она из тростника.

Золотые космы по хитону

Разметала белая рука.

Прибегла, в ручей взглянула прыткий, Опустилась с болью на пенек.

И в глазах завяли маргаритки, Как болотный гаснет огонек.

На рассвете с вьющимся туманом

Уплыла и скрылася вдали...

И кивал ей месяц за курганом, В голубой купался пыли.

1916

Опять раскинулся узорно

Над белым полем багрянец,

И заливаётся задорно

Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой

Ты кажешь девичью красу,

И треплет ветер под косыночкой

Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заморозит, не обмашет
Твой разукрашенный рукав.
Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.
Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.
И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе — в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.
Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины —
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

1916

МЕЧТА

(Из книги «Стихи о любви»)

1

В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.
Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая, Тихо плачет на болоте выпь.
В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.
Много лет я не был здесь и много
Встреч веселых видел и разлук, Но всегда хранил в себе я строго

Нежный сгиб твоих туманных рук.

2

Тихий отрок, чувствующий кротко, Голубей целующий в уста, —Тонкий стан с медлительной походкой

Я любил в тебе, моя мечта.

Я бродил по городам и селам,

Я искал тебя, где ты живешь,

И со смехом, резвым и веселым, Часто ты меня манила в рожь.

За оградой монастырской кроясь, Я вошел однажды в белый храм: Синею водою солнце моясь,

Свой орарь мне кинуло к ногам.

Я стоял, как инок, в блеске алом, Вдруг сдавила горло тишина...

Ты вошла под черным покрывалом

И, поникнув, стала у окна.

3

С паперти под колокол гудящий

Ты ходила в благовоньи свеч.

И не мог я, ласково дрожащий, Не коснуться рук твоих и плеч.

Я хотел сказать тебе так много, Что томило душу с ранних пор, Но дымилась тихая дорога

В незакатном полыме озер.

Ты взглянула тихо на долины,

Где в траве ползла кудряво мгла...

И упали редкие седины

С твоего увядшего чела...

Чуть бледнели складки от одежды, И, казалось в русле темных вод, —Уходя, жевал мои надежды

Твой беззубый, шамкающий рот.

4

Но недолго душу холод мучил.

Как крыло, прильнув к ее ногам, Новый короб чувства я навьючил

И пошел по новым берегам.

Безо шва стянулась в сердце рана, Страсть погасла, и любовь прошла.

Но опять пришла ты из тумана

И была красива и светла.

Ты шепнула, заслонясь рукою:

«Посмотри же, как я молода.

Это жизнь тебя пугала мною,

Я же вся как воздух и вода».

В голосах обкошенного луга

Слышу я знакомый сердцу зов.

Ты зовешь меня, моя подруга,

Погрустить у сонных берегов.

1916

Синее небо, цветная дуга,

Тихо степные бегут берега,

Тянется дым, у малиновых сел

Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв

С красною глиной и сучьями ив, Грезит над озером рыжий овес, Пахнет ромашкой и медом от ос.

Край мой! Любимая Русь и Мордва!

Притчею мглы ты, как прежде, жива.

Нежно под трепетом ангельских крыл

Звонят кресты безымянных могил.

Многих ты, родина, ликом своим

Жгла и томила по шахтам сырым.

Много мечтает их, сильных и злых, Выкусить ягоды персей твоих.

Только я верю: не выжить тому, Кто разлюбил твой острог и тюрьму...

Вечная правда и гомон лесов

Радуют душу под звон кандалов.

1916

Прощай, родная пуща,

Прости, златой родник.

Плывут и рвутся тучи

О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,

А я хочу грустить.

За голенищем ножик

Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка

В глухую ночь не спать

И радостию звонкой

Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,

Не миновать утрат,

Чтоб прозвенеть в лазури

Кольцом незримых врат.

1916

Слушай, поганое сердце,

Сердце собачье мое.

Я на тебя, как на вора,

Спрятал в руках лезвие.

Рано ли, поздно всажу я

В ребра холодную сталь.

Нет, не могу я стремиться

В вечную сгнившую даль.

Пусть поглупее болтают,

Что их загрызла мета;

Если и есть что на свете —

Это одна пустота.

3 июля 1916

Мальвине Мироновне — С. Есенин

В глазах пески зеленые

И облака.

По кружеву крапленому

Скользит рука.

То близкая, то дальняя,

И так всегда.

Судьба ее печальная —

Моя беда.

9 июля 1916

Небо сметаной обмазано,

Месяц как сырный кусок.

Только не с пищею связано

Сердце, больной уголок.

Хочется есть, да не этого,

Что так шуршит на зубу.

Жду я веселого, светлого,

Как молодую судьбу.

Жгуче желания множат

Душу больную мою,

Но и на гроб мне положат

С квасом крутую кутью.

9 июля 1916

ИСУС МЛАДЕНЕЦ

Собрала Пречистая

Журавлей с синицами

В храме:

«Пойте, веселитесь

И за всех молитесь

С нами!»

Молятся с поклонами

За судьбу греховную,

За нашу;

А маленький Боженька,

Подобравши ноженьки,

Ест кашу.

Подошла синица,

Бедовая птица,

Попросила:

«Я Тебе, Боженька,

Притомив ноженьки,

Молилась».

Журавль и скажи враз:

«Тебе и кормить нас,

Коль создал».

А Боженька наш

Поделил им кашу

И отдал.

В золоченой хате

Смотрит Божья Мати

В небо.

А сыночек маленький

Просит на завалинке

Хлеба.

Позвала Пречистая

Журавлей с синицами,

Сказала:

«Приносите, птицы,

Хлеба и пшеницы

Не мало».

Замешкались птицы —

Журавли, синицы —

Дождь прочат.

А Боженька в хате

Все теребит Мати,

Есть хочет.

Вышла Богородица

В поле, за околицу,

Кличет.

Только ветер по полю,

Словно кони, топает,

Свищет.

Боженька Маленький

Плакал на завалинке

От горя.

Плакал, обливаясь...

Прилетал тут аист

Белоперый.

Взял он остороженько

Красным клювом Боженьку,

Умчался.

И Господь на елочке,

В аистовом гнездышке,

Качался.

Ворочалась к хате

Пречистая Мати —

Сына нету.

Собрала котомку

И пошла сторонкой

По свету.

Шла, несла не мало,

Наконец сыскала

В лесочке:

На спине катается

У Белого аиста

Сыночек.

Позвала Пречистая

Журавлей с синицами,

Сказала:

«На вечное время

Собирайте семя

Не мало.

А Белому аисту,

Что с Богом катается

Меж веток,

Носить на завалинки

Синеглазых маленьких

Деток».

1916

В багровом зареве закат шипуч и пенен, Березки белые горят в своих венцах.

Приветствует мой стих молодых царевен

И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки, Они тому, кто шел страдать за нас, Протягивают царственные руки, Благословляя их к грядущей жизни час.

На ложе белом, в ярком блеске света, Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...

И вздрагивают стены лазарета

От жалости, что им сжимает грудь.

Все ближе тянет их рукой неодолимой

Туда, где скорбь кладет печать на лбу.

О, помолись, святая Магдалина, За их судьбу.

1916

Без шапки, с лыковой котомкой, Стирая пот свой, как елей,

Бреду дубравною сторонкой

Под тихий шелест тополей.

Иду, застегнутый веревкой,

Сажусь под копны на лужок.

На мне дырявая поддевка,

А поводырь мой — подонок.

Пою я стих о светлом рае,

Довольный мыслью, что живу,

И крохи сочные бросаю

Лесным камашкам на траву.

По лопуху промяты стежки,

Вдали озерный купорос,

Цепляюсь в клейкие сережки

Обвисших до земли берез.

И по кустам межи соседней,

Под возглашенья гулких сов,

Внимаю, словно за обедней,

Молебну птичьих голосов.

1916

День ушел, убавилась черта,

Я опять подвинулся к уходу.

Легким взмахом белого перста

Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы

Накипи холодной бьется пена,

И кладет печать немого плена

Складку новую у сморщенной губы.

С каждым днем я становлюсь чужим

И себе, и жизнь кому велела.

Где-то в поле чистом, у межи, Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,

Взяв мои изогнутые плечи.

Где-нибудь она теперь далече

И другого нежно обняла.

Может быть, склоняясь к нему, Про меня она совсем забыла

И, вперившись в призрачную тьму, Складки губ и рта переменяла.

Но живет по звуку прежних лет, Что, как эхо, бродит за горами.

Я целую синими губами

Черной тенью тиснутый портрет.

1916

Я снова здесь, в семье родной, Мой край, задумчивый и нежный!

Кудрявый сумрак за горой

Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня

Плывут всклокоченные мимо,

И грусть вечерняя меня

Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав

Тень от зари упала ниже.

О други игрищи забав,

Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,

Вослед и вы ушли куда-то.

И лишь по-прежнему вода

Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,

Под звон надломленной осоки,

Молюсь дымящейся земле

О невозвратных и далеких.

1916

В зеленой церкви за горой,

Где вербы четки уронили,

Я поминаю просфорой

Младой весны молодые были.

А ты, склонившаяся ниц,

Передо мной стоишь незримо,

Шелка опущенных ресниц

Колыщут крылья херувима.

Не омрачен твой белый рок

Твоей застывшею порою,

Все тот же розовый платок

Затянут смуглою рукою.

Все тот же вздох упруго жмет

Твои надломленные плечи

О том, кто за морем живет

И кто от родины далече.

И все тягуче память дня

Перед пристойным ликом жизни.

О, помолись и за меня,

За бесприютного в отчизне.

Июнь 1916

Константиново

Даль подернулась туманом,

Чешет тучи лунный гребень.

Красный вечер за куканом

Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких вётел

Перепёльи звоны ветра.

Тихий сумрак, ангел теплый,

Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно

Хлебным духом сеет притчи.

На сухой соломе в дровнях

Слаще мёда пот мужичий.

Чей-то мягкий лих за лесом,

Пахнет вишнями и мохом...

Друг, товарищ и ровесник,

Помолись коровьим вздохам.

Июнь 1916

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,

Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа

И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук, Но остался в складках смятой шали

Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот, Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер, Что была ты песня и мечта,

Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

1916

О красном вечере задумалась дорога, Кусты рябин туманной глубины.

Изба-старуха челюстью порога

Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко

Крадется мглой к овсяному двору; Сквозь синь стекла желтоволосый отрок

Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети

Зола зеленая из розовой печи.

Кого-то нет, и тонкогубый ветер

О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам

Щерблennyй лист и золото травы.

Тягучий вздох, ныряя звоном тощим, Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема, Дорога белая узорит скользкий ров...

И нежно охает ячменная солома, Свисая с губ кивающих коров.

1916

ГОЛУБЕНЬ

В прозрачном холоде заголубели доли, Отчетлив стук подкованных копыт, Трава поблекшая в расстеленные полы

Сбирает медь с обветренных ракии.

С пустых лощин ползет дугою тощей

Сырой туман, курчаво свившись в мох, И вечер, свесившись над речкою, полощет

Водою белой пальцы синих ног.

Осенним холодом расцветены надежды, Бредет мой конь, как тихая судьба, И ловит край махающей одежды

Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою, Влекут меня незримые следы,

Погаснет день, мелькнув пятой златою, И в короб лет улягутся труды.

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге

Холмы плешивые и слегшийся песок, И пляшет сумрак в галочьей тревоге, Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села, Но ветра нет, есть только легкий звон.

И дремлет Русь в тоске своей веселой, Вцепивши руки в желтый кругосклон.

Манит ночлег, недалеко до хаты, Укропом вялым пахнет огород.

На грядки серые капусты волноватой

Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба

И с хрустом мысленно кусаю огурцы, За ровной гладью вздрогнувшее небо

Выводит облако из стойла под уздцы.

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома

Твоя попутная разымчивость в крови, Хозяйка спит, а свежая солома

Примята ляжками вдовеющей любви.

Уже светает, краской тараканьей

Обведена божница по углу,

Но мелкий дождь своей молитвой ранней

Еще стучит по мутному стеклу.

Опять передо мною голубое поле, Качают лужи солнца рдяный лик.

Иные в сердце радости и боли, И новый говор липнет на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взорах, Бредет мой конь, откинув удила, И горстью смуглою листвы последний ворох

Кидает ветер вслед из подола.

1916

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.
Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольню крестится рука.
О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.
Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —Я научиться не могу.
И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном, Когда звенят родные степи

Молитвословным ковылем.

1916

Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая вьюга
Расщелканным кнутом.
Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.
Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок,
Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.
И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завялый труп.

1916–1917

О товарищах веселых,
О полях посеребрённых

Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.
Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.
Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парaguш квельый
Курит люльку на излуке.
Легким дымом и дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.
Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

1916

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.
У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.
Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.
И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

1916

Еще не высох дождь вчерашний —В траве зеленая вода!

Тоскуют брошенные пашни,

И вянет, вянет лебеда.

Брожу по улицам и лужам,

Осенний день пуглив и дик.

И в каждом встретившемся муже

Хочу постичь твой милый лик.

Ты все загадочней и краше

Глядишь в неясные края.

О, для тебя лишь счастье наше

И дружба верная моя.

И если смерть по Божьей воле

Смежит глаза твои рукой,

Клянусь, что тенью в чистом поле

Пойду за смертью и тобой.

1916

На память Мише Мурашеву

Сегодня синели лужи

И легкий шептал ветерок.

Знай, никому не нужен

Неба зеленый песок.

Жили и были мы в яви,

Всюду везде одни.

Ты, как весну по дубраве,

Пьешь свои белые дни.

Любишь ты, любишь, знаю,

Нежные души ласкать,

Но не допустит нас к раю

Наша земная печать.

Вечная даль перед нами,

Путь наш задумчив и прост.

Даст нам приют за холмами

Грязью покрытый погост.

15 марта 1916

Гаснут красные крылья заката, Тихо дремлют в тумане плетни.

Не тоскуй, моя белая хата,

Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше

Обоймённые синью рога.

Не пошел я за ней и не вышел

Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.

Эта боль, как и годы, пройдет.

И уста, и невинную душу

Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит, Только гордые в силе живут.

А другой изомнет и забросит,

Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю, Будет злобно крутить пороша.

И придет она к нашему краю

Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,

Примостится со мной у огня...

И спокойно и ласково скажет,

Что ребенок похож на меня.

1916

НИЩИЙ С ПАПЕРТИ

Глаза — как выцветший лопух,

В руках зажатые монеты.

Когда-то славный был пастух,

Теперь поет про многи лета.

А вон старушка из угла,

Что слезы льет перед иконой,

Она любовь его была

И пьяный сок в меже зеленой.

На свитках лет сухая пыль.

Былого нет в заре куканьшей.

И лишь обгрызанный костыль

В его руках звенит, как раньше.

Она чужда ему теперь,

Забыла звонкую жалеюку.

И как пойдет, спеша, за дверь, Подаст в ладонь ему копейку.

Он не посмотрит ей в глаза,

При встрече глаз больнее станет, Но, покрестясь на образа,

Рабу по имени помянет.

1916

Прощай, родная пуща,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.
Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.
Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.
И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

1916

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.
Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.
Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.
Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.
Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожжи

Все теплей и теплей...

Помяну тебя в дождик

Я, Есенин Сергей.

1916

Твой глас незримый, как дым в избе.

Смиренным сердцем молюсь тебе.

Овсяным ликом питаю дух,

Помощник жизни и тихий друг.

Рудою солнца посеян свет,

Для вечной правды названья нет.

Считает время песок мечты,

Но новых зерен прибавил ты.

В незримых пашнях растут слова, Смешалась с думой ковыль-трава.

На крепких сгибах вздетых рук

Возводит церкви строитель звук.

Есть радость в душах — топтать твой цвет, На первом снеге свой видеть след.

Но краше кротость и стихший пыл

Склонивших веки пред звоном крыл.

1916

Там, где вечно дремлет тайна, Есть нездешние поля.

Только гость я, гость случайный

На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,

Крепок взмах воздушных крыл.

Но века твои и годы

Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,

Не с тобой мой связан рок.

Новый путь мне уготован

От захода на восток.

Суждено мне изначально

Возлететь в немую тьму.

Ничего я в час прощальный

Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной, В тот покой, где спит гроза,

В две луны зажгу над бездной

Незакатные глаза.

1916

Тучи с ожереба

Ржут, как сто кобыл.

Плещет надо мною

Пламя красных крыл.

Небо словно вымя,

Звезды как сосцы.

Пухнет божье имя

В животе овцы.

Верю: завтра рано,

Чуть забрезжит свет,

Новый под туманом

Вспыхнет Назарет.

Новое восславят

Рождество поля,

И, как пес, пролает

За горой заря.

Только знаю: будет

Страшный вопль и крик,

Отрекутся люди

Славить новый лик.

Скрежетом булата

Вздыбят пасть земли...

И со щек заката

Спрыгнут скулы-дни.

Побегут, как лани,

В степь иных сторон,

Где вздымает длани

Новый Симеон.

1916

За рекой горят огни,

Погорают мох и пни.

Ой, купало, ой, купало,

Погорают мох и пни.

Плачет леший у сосны —

Жалко летошней весны.

Ой, купало, ой, купало,

Жалко летошней весны.

А у наших у ворот

Пляшет девок корогод.

Ой, купало, ой, купало,

Пляшет девок корогод.

Кому радость, кому грех,

А нам радость, а нам смех.

Ой, купало, ой, купало,

А нам радость, а нам смех.

1916

Скупилась звезды в невидимом бредне, Жутко и страшно проснувшейся бредне.

Пьяно кружуся я в роще помятой, Хочется звезды рукою памяти.

Блестятся гусли веселого лада, В озере пенистом моется лада.

Грудь упруги, как сочные дули, Ластится к вихрям, чтоб в кости ей дули.

Тает, как радуга, зорька вечерня, С тихую радостью в сердце вечерня.

1916

Не в моего ты Бога верила,

Россия, родина моя!

Ты как колдунья дали мерила,

И был как пасынок твой я.

Боец забыл отвагу смелую,

Пророк одрях и стал слепой.

О, дай мне руку охладелую —

Идти единою тропой.

Пойдем, пойдем, царевна сонная, К веселой вере и одной,

Где светит радость испоконная

Неопалимой купиной.

Не клонь главы на грудь могутную

И не пугайся вещим сном.

О, будь мне матерью напутною

В моем паденье роковом.

1916

Закружилась пряжа снежистого льна, Панихидный вихорь плачет у окна.

Замело дорогу вьюжным рукавом, С этой панихидой век свой весь живем.

Пойте и рыдайте, ветры, на тропу, Нечем нам на помин заплатить попу.

Слушай мое сердце, бедный человек, Нам за гробом грусти не слышать вовек.

Как помрем — без пенья, под ветряный звон

Понесут нас в церковь на мирской канон.

Некому поплакать, некому кадить, Есть ли им охота даром приходиться.

Только ветер резвый, озорник такой, Запоет разлуку вместо упокой.

1916

То не тучи бродят за овином

И не холод.

Замесила божья мать сыну

Колоб.

Всякой снадобью она поила жито

В масле.

Испекла и положила тихо

В ясли.

Заигрался в радости младенец, Пал в дрему,

Уронил он колоб золоченый

На солому.

Покатился колоб за ворота

Рожью.

Замутили слезы душу голубую

Божью.

Говорила божья мать сыну

Советы:

«Ты не плачь, мой лебеденочек, Не сетуй.

На земле все люди человеки,

Чада.

Хоть одну им малую забаву

Надо.

Жутко им меж темных

Перелесиц,

Назвала я этот колоб —

Месяц».

1916

Проплясал, проплакал дождь весенний, Замерла гроза.

Скучно мне с тобой, Сергей Есенин, Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным древом

Взмах незримых крыл:

Не разбудишь ты своим напевом

Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово

Даль твоих времен.

Не в ветрах, а, зная, в томах тяжелых

Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи, Вытянет персты.

Близок твой кому-то красный вечер, Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока, Востормошит других.

Но все так же день взойдет с востока, Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,

Не стряхнут листа...

Навсегда твои пригвождены ко древу

Красные уста.

Навсегда простер глухие длани

Звездный твой Пилат.

Или, Или, лама савахфани,

Отпусти в закат.

1916–1917

Стихотворения 1917 года

Под красным вязом крыльцо и двор, Луна над крышей, как злат бугор.

На синих окнах накапан лик:

Бредет по туче седой Старик.

Он смуглой горстью меж тихих древ

Бросает звезды — озимый сев.

Взрастает нива, и зерна душ

Со звоном неба спадают в глушь.

Я помню время, оно, как звук, Стучало клювом в древесный сук.

Я был во злаке, но костный ум

Уж верил в поле и водный шум.

В меже под елью, где облак-тын, Мне снились реки золотых долин.

И слышал дух мой про край холмов, Где есть рожденье в посеве слов.

1917

О муза, друг мой гибкий,

Ревнивица моя.

Опять под дождик сыпкий

Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом

Приветствует нас дол,

Младенцем завернула

Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра

И нежное баю —

За то, что ты окрепла,

За то, что праздник светлый

Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо

Вишневым соком стих

За отческую щедрость

Наставников твоих.

О мед воспоминаний!

О звон далеких лип!

Звездой нам пел в тумане

Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме

Игривых дум и сил

Апостол нежный Клюев

Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей

И весом тяжелей...

Но не заглушит трелью

Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый

Его не смоеет в нас,

Чтоб звон твоей лампы

Под ветром не погас.

1917

Снег, словно мед ноздреватый, Лег под прямой частокол.

Лижет теленок горбатый

Вечера красный подол.

Тихо. От хлебного духа

Снится кому-то апрель.

Кашляет бабка-старуха,

Грудью склоняясь на кудель.

Рыжеволосый внучонок

Щупает в книжке листы.

Стан его гибок и тонок,

Руки белей бересты.

Выпала бабке удача,

Только одно невдомек:

Плохо решает задачи

Выпитый ветром умок.

С глазу ль, с немилого ль взора

Часто она под удой

Поит его с наговором

Преполовенской водой.

И за глухие поклоны

С лика упавших седин

Пишет им числа с иконы

Божий слуга — Дамаскин.

1917

Колокольчик среброзвонный,

Ты поешь? Иль сердцу снится?

Свет от розовой иконы

На золотых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок

В голубином крыльев плеске,

Сон мой радостен и кроток

О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы,

Слову с тайной не обняться.

Научи, чтоб можно было

Никогда не просыпаться.

1917

К теплому свету, на отчий порог, Тянет меня твой задумчивый вздох.

Ждут на крылечке там бабка и дед

Резвого внука подсолнечных лет.

Строен и бел, как березка, их внук, С медом волосьев и бархатом рук.

Только, о друг, по глазам голубым — Жизнь его в мире пригрезилась им.

Шлет им лучистую радость во мглу

Светлая дева в иконном углу.

С тихой улыбкой на тонких губах

Держит их внука она на руках.

1917

Есть светлая радость под сенью кустов

Поплакать о прошлом родных берегов

И, первую проседь лаская на лбу, С приятною болью пенять на судьбу.

Ни друга, ни думы о бабьих губах

Не зреет в ее тихомудрых словах, Но есть в ней, как вера, живая мечта

К незримому свету приблизить уста.

Мы любим в ней вечер, над речкой овес,—И отроков резвых с медынью волос.

Стряхая с бровей своих призрачный дым, Нам сладко о тайнах рассказывать им.

Есть нежная кротость, присев на порог, Молиться закату и лику дорог.

В обсыпанных рощах, на сжатых полях

Грустит наша дума об отрочьих днях.

За отчею сказкой, за звоном стропил

Несет ее шорох неведомых крыл...

Но крепко в равнинах ковыльных лугов

Покоится правда родительских снов.

1917

О Русь, взмахни крылами,

Поставь иную крепь!

С иными именами

Встает иная степь.

По голубой долине,

Меж телок и коров,

Идет в златой ряднине

Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,

Уста — вишневый сок.

И вызвездило небо

Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,

Из монастырских врат,

Идет одетый светом

Его середний брат.

От Вытегры до Шуи

Он избраздил весь край

И выбрал кличку — Клюев,

Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,

Он весь в резьбе молвы,

И тихо сходит пасха

С бескудрой головы.
А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.
Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.
Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.
За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.
Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.
Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.
Довольно гнить и ноешь,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.
Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.
1917
Заря над полем — как красный тын.
Плывет на тучке превечный сын.
Вот вышла бабка кормить цыплят.

Горит на небе святой оклад.

— Здорово, внучек!

— Здорово, свет!

— Зайди в избушку.

— А дома ль дед?

— Он чинит невод ловить ершей.

— А много ль деду от роду дней?

— Уж скоро девять десятков зим.—И вспорхнул внучек, как белый дым.

С душою деда поплыл в туман,

Где зреет полдень незримых стран.

1917

Небо ли такое белое

Или солью выцвела вода?

Ты поешь, и песня оголтелая

Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты

Водяные зерна на муку.

Голубой простор и золото

Опоясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою

Загорелый взмах твоей руки.

Все равно — Архангельском иль Умбою

Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой

Видишь ты погорбившийся скит.

Подпевает тебе жалоба

Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню свеситься

Над водою, спихивая день...

Но спокойно светит вместо месяца

Отразившийся на облаке тюлень.

1917

Не от холода рябинушка дрожит, Не от ветра море синее кипит.

Напоили землю радостью снега, Снятся деду иорданские брега.

Видит в долах он озера да кусты, Через озера перекинуты мосты.

Как по мостику, кудряв и желторус, Бродит отрок, сын Иосифа, Исус.

От восхода до заката в хмаре вод

Кличет утиц он и рыбешек зовет: «Вы сходитесь ко мне, твари, за корму, Научите меня разуму-уму».

Как по бережку, меж вымоин и гор, Тихо льется их беседа-разговор.

Мелка рыбешка, сплеснувшись на песок, Подает ли свой подводный голосок: «Уж ты, чадо, мило дитяtko, Христос, Мы пришли к тебе с поклоном на допрос.

Ты иди учиcь в пустынях да лесах; Наша тайна отразилась в небесах».

1917

ПРОПАВШИЙ МЕСЯЦ

Облак, как мышь,

подбежал и взмахнул

В небо огромным хвостом.

Словно яйцо,

расколовшись, скользнул

Месяц за дальним холмом.

Солнышко утром в колодезь озер

Глянуло —

месяца нет...

Свесило ноги оно на бугор,

Кликнуло —

месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыболов, Вздумал старик подшутить.

Отраженье от солнышка

с утренних вод

Стал он руками ловить.

Выловил.

Крепко скрутил бечевой,

Уши коленом примял.

Вылез и тихо на луч золотой

Солнечных век

привязал.

Солнышко к небу глаза подняло

И сказало:

«Тяжек мой труд!»

И вдруг солнышку

что-то веки свело,

Оглянулося —

месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах

Запрыгала радость...

Но вдруг...

Луч оборвался,

и по скользким холмам

Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...

А старый дед,

Смеясь, грохотал, как гром.

И голубем синим

вечерний свет

Махал ему в рот крылом.

1917

Ночь и поле, и крик петухов...

С златной тучки глядит Саваоф.

Хлесткий ветер в равнинную синь

Катит яблоки с тощих осин.

Вот она, невеселая рябь

С журавлиной тоской сентября!

Смолкшим колоколом над прудом

Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда, Те же реки и те же стада.

Только ивы над красным бугром

Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму, Уж кому-то не петь на холму.

Мирно грезит родимый очаг

О погибших во мраке плечах.

Тихо-тихо в божничном углу,

Месяц месит кутью на полу...

Но тревожит лишь помином тишь

Из запечья пугливая мышь.

1917

О край дождей и непогоды,

Кочующая тишина,

Ковригой хлебною под сводом

Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой

Малиновая лебеда.

На ветке облака, как слива,

Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,

Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.
Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

1917

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.
Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.
Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

1917

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.
С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.
Не гнетет немая млечность
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность
Как родительский очаг.
Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба

Рвется образ с языка:

Отелившееся небо

Лижет красного телка.

1917

Заметает пурга

Белый путь,

Хочет в мягких снегах

Потонуть.

Ветер резвый уснул

На пути;

Ни проехать в лесу,

Ни пройти.

Забежала коляда

На село,

В руки белые взяла

Помело.

Гей вы, нелюди-люди,

Народ,

Выходите с дороги

Вперед!

Испугалась пурга

На снегах,

Побежала скорей

На луга.

Ветер тоже спросонок

Вскочил

Да и шапку с кудрей

Уронил.

Утром ворон к березыньке

Стук...

И повесил ту шапку

На сук.

1917

Свищет ветер под крутым забором, Прячется в траву.

Знаю я, что пьяницей и вором

Век свой доживу.

Тонет день за красными холмами, Кличет на межу.

Не один я в этом свете шляюсь, Не один брожу.

Размахнулось поле русских пашен, То трава, то снег.

Все равно, литвин я иль чувашин, Крест мой как у всех.

Верю я, как ликам чудотворным, В мой потайный час

Он придет бродягой подзаборным, Нерушимый Спас.

Но, быть может, в синих ключьях дыма

Тайноводных рек

Я пройду его с улыбкой пьяной мимо, Не узнав навек.

Не блеснет слеза в моих ресницах, Не вспугнет мечту.

Только радость синей голубицей

Канет в темноту.

И опять, как раньше, с дикой злостью

Запоет тоска...

Пусть хоть ветер на моем погосте

Пляшет трепака.

1917

О РОДИНА!

О родина, о новый

С златою крышей кров,

Труби, мычи коровой,

Ревя телком громов.

Брожу по синим селам,

Такая благодать.

Отчаянный, веселый,

Но весь в тебя я, мать.

В училище разгула

Крепил я плоть и ум.

С березового гула

Растет твой вешний шум.

Люблю твои пороки,

И пьянство, и разбой,

И утром на востоке

Терять себя звездой.

И всю тебя, как знаю,

Хочу измять и взять,

И горько проклиная

За то, что ты мне мать.

1917

Там, где вечно дремлет тайна, Есть нездешние поля.

Только гость я, гость случайный

На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,

Крепок взмах воздушных крыл.

Но века твои и годы

Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,

Не с тобой мой связан рок.

Новый путь мне уготован

От захода на восток.

Суждено мне изначально

Возлететь в немую тьму.

Ничего я в час прощальный

Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной, В тот покой, где спит гроза,

В две луны зажгу над бездной

Незакатные глаза.

1917

Где ты, где ты, отчий дом,

Гревший спину под бугром?

Синий, синий мой цветок,

Неприхоженный песок.

Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.

Там стада стерег пастух,

И светились из воды

Три далекие звезды.

За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом

Опускает за селом

Месяц маятником в рожь

Лить часов незримый дождь.

Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел

В тучах дом мой завертел,

Синий подкосил цветок,

Золотой примял песок.

Этот дождик с сонмом стрел.

1917

Песни, песни, о чем вы кричите?

Иль вам нечего больше дать?

Голубого покоя нити

Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.

Я молчанью у звезды учусь.

Хорошо ивняком при дороге

Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень

Бродить по траве одному

И собирать на дороге колосья

В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.

Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..

Золотистой метелкой вечер

Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей

Замирающий в ветре крик:

«Будь же холоден ты, живущий, Как осеннее золото лип».

1917

О Русь, взмахни крылами,

Поставь иную крепь!

С иными именами

Встает иная степь.

По голубой долине,

Меж телок и коров,

Идет в златой ряднине

Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,

Уста — вишневый сок.

И вызвездило небо

Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,

Из монастырских врат,

Идет, одетый светом,
Его средний брат.
От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиранный Миколай.
Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.
А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.
Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.
Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.
За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.
Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.
Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.
Довольно гнить и ноесть,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами

Ее немая крепь!

С иными именами

Встает иная степь.

1917

Гляну в поле, гляну в небо —

И в полях и в небе рай.

Снова тонет в копнах хлеба

Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных

Неизбывные стада,

И струится с гор зеленых

Златоструйная вода.

О, я верю — знать, за муки

Над пропащим мужиком

Кто-то ласковые руки

Проливает молоком.

1917

Разбуди меня завтра рано,

О моя терпеливая мать!

Я пойду за дорожным курганом

Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще

След широких колес на лугу.

Треплет ветер под облачной кущей

Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится, Шапку-месяц пригнув под кустом, И игриво взмахнет кобылица

Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,

Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану

Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,

Нашу печь, петуха и кров...

И на песни мои прольется

Молоко твоих рыжих коров.

1917

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?
За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.
Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.
Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.
Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.
Срок ночи долг.
В них спит Твой Сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.
Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.
И да взыграет

В ней, славя день,

Земного рая

Святой Младень.

1917

О пашни, пашни, пашни,

Коломенская грусть,

На сердце день вчерашний,

А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут версты

Из-под копыт коня.

И брызжет солнце горстью

Свой дождик на меня.

О край разливов грозных

И тихих вешних сил,

Здесь по заре и звездам

Я школу проходил.

И мыслил и читал я

По библии ветров,

И пас со мной Исая

Моих золотых коров.

1917

Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком

Запрягался в наши сани.

1917

Я по первому снегу бреду,

В сердце ландыши вспыхнувших сил.

Вечер синею свечкой звезду

Над дорогой моей засветил.
Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.
Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.
О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

1917

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О верю, верю, счастье есть.
Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.
Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.
Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень

Бродить по траве одному

И собирать на дороге колосья

В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.

Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..

Золотистой метелкой вечер

Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей

Замирающий в ветре крик:

«Будь же холоден ты, живущий, Как осеннее золото лип».

1917

ТОВАРИЦ

Он был сыном простого рабочего, И повесть о нем очень короткая.

Только и было в нем, что волосы как ночь

Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера

Гнул спину, чтоб прокормить крошку; Но ему делать было нечего,

И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,

Ни мышей, ни мух не слышала,

А Христос сидел на руках у матери

И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.

Грустно стучали дни, словно дождь по железу.

И только иногда за скудным обедом

Учил его отец распевать марсельезу.

«Вырастешь, — говорил он, — поймешь...

Разгадаешь, отчего мы так нищи!»

И глухо дрожал его щербатый нож

Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым

Окном —

Два ветра взмахнули

Крылом;

То с вешнею полымью

Вод

Взметнулся российский

Народ...

Ревут валы,

Поет гроза!

Из синей мглы

Горят глаза.

За взмахом взмах,

Над трупом труп;

Ломает страх

Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,

Все крик и крик!

В бездонный рот

Бежит родник...

И вот кому-то пробил

Последний, грустный час..

Но верьте, он не сробел

Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,

Бесстрашна и крепка,

И тянется к надежде

Бескровная рука.

Он незадаром прожил,

Недаром мял цветы;

Но не на вас похожи

Угасшие мечты...

Нечаянно, негаданно

С родимого крыльца

Донесся до Мартина

Последний крик отца.

С потухшими глазами,

С пугливой синью губ,

Упал он на колени,

Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,

Протер рукой глаза,

Вбежал обратно в хату

И стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь?»

Ты видишь? Я один.

Тебя зовет и кличет

Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый,

Но он не пал, как трус.

Я слышу, он зовет нас,

О верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,

Где бьется русский люд,

Велит стоять за волю,

За равенство и труд!..»

И, ласково приемля

Речей невинных звук,

Сошел Исус на землю

С неколебимых рук.

Идут ручка с рукою,

А ночь черна, черна!..

И пыжится бедою

Седая тишина.

Мечты цветут надеждой

Про вечный, вольный рок.

Обоим нежит вежды

Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули...

Залаял медный груз.

И пал, сраженный пулей,

Младенец Исус.

Слушайте:

Больше нет воскресенья!

Тело его предали погребенью

Он лежит

На Марсовом

Поле.

А там, где осталась мать,

Где ему не бывать

Боле,

Сидит у окошка

Старая кошка,

Ловит лапой луну...

Ползает Мартин по полу:

«Соколы вы мои, соколы,

В плену вы,

В плену!»

Голос его все глуше, глуше,

Кто-то давит его, кто-то душит, Палит огнем.

Но спокойно звенит

За окном,

То погаснув, то вспыхнув

Снова,

Железное

Слово:

«Ре-эс-пуу-ублика!»

1917

ПЕВУЩИЙ ЗОВ

Радуйтесь!

Земля предстала

Новой купели!

Догорели

Синие метели,

И змея потеряла

Жало.

О Родина,

Мое русское поле,

И вы, сыновья ее,

Остановившие

На частоколе

Луну и солнце, —

Хвалите бога!

В мужичьих яслях

Родилось пламя

К миру всего мира!

Новый Назарет

Перед вами.

Уже славят пастыри

Его утро.

Свет за горами...

Сгинь ты, английское юдо,

Расплещися по морям!

Наше северное чудо

Не постичь твоим сынам!

Не познать тебе Фавора,

Не расслышать тайный зов!

Отуманенного взора

На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней

Ловит рот твой темноту.

Нет, не дашь ты правды в яслях

Твоему сказать Христу!

Но знайте,

Спящие глубоко:

Она загорелась,

Звезда Востока!

Не погасить ее Ироду

Кровью младенцев...

«Пляши, Саломея, пляши!»

Твои ноги легки и крылаты.

Целуй ты уста без души, —

Но близок твой час расплаты!

Уже встал Иоанн,

Изможденный от ран,

Поднял с земли

Отрубленную голову,

И снова гремят

Его уста,

Снова грозят

Содому:

«Опомнитесь!»

Люди, братья мои люди,

Где вы? Отзовитесь!

Ты не нужен мне, бесстрашный, Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,

Дани мне не надо!

Все мы — яблони и вишни

Голубого сада.

Все мы — гроздья винограда

Золотого лета,

До кончины всем нам хватит

И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,

Все себе подобя,

Всех живущих греет песней,

Мертвых — сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит

Постигать и мерить.

Не губить пришли мы в мире,

А любить и верить!

Апрель 1917,

Петроград

ОТЧАРЬ

1

Тучи — как озера,

Месяц — рыжий гусь.

Пляшет перед взором

Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,

Закипел родник.

Здравствуй, обновленный

Отчарь мой, мужик!

Голубые воды —

Твой покой и свет,

Гибельной свободы

В этом мире нет.

Пой, зови и требуй

Скрытые берега;

Не сорвется с неба

Звездная дуга!

Не обронит вечер

Красного ведра;

Могутные плечи —

Что гранит-гора.

2

Под облачным древом

Верхом на луне

Февральской метелью

Ревешь ты во мне.

Небесные дщери

Куделят кремник;

Учил тебя вере

Седой огневик.

Он дал тебе пику,

Грозовый ятаг

И силой Аники

Отметил твой шаг.

Заря — как волчиха

С ослабленным ртом;

Но гонишь ты лихо

Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку

Иль склонишь ты лик,

Кладешь ей краюху

На желтый язык.

И чуется зверю

Под радугой слов:

Алмазные двери

И звездный покров.

3

О чудотворец!

Широкоскулый и красноротый,

Приявший в корузные руки

Младенца нежного, —

Укачай мою душу

На пальцах ног своих!

Я сын твой,

Выросший, как ветла

При дороге,

Научился смотреть в тебя,

Как в озеро.

Ты несказанен и мудр.

По сединам твоим

Узнаю, что был снег

На полях

И поемах.

По глазам голубым

Славлю

Красное

Лето.

4

Ах, сегодня весна, —

Ты выиграл, как поток!

Гладит волны челнок,

И поет тишина.

Слышен волховский звон

И Буслаев разгул,

Задружились под гул

Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал

Выставляет клыки,

Но кадят Соловки

В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,

Тепля клич, как свечу,

Прижимаешь к плечу

Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,

Синь и песня в речах,

И горит на плечах

Необъемлемый шар!..

5

Закинь его в небо,

Поставь на столпы!

Там лунного хлеба

Златятся снопы.

Там голод и жажда

В корнях не поют,

Но зреет однаждыный
Свет ангельских юрт.
Там с вызвоном блюда

Прохлада куста,

И рыжий Иуда

Целует Христа.

Но звон поцелуя

Деньгой не гремит,

И цепь Акатуя —

Тропа перед скит.

Там дряхлое время,

Бродя по лугам,

Все русское племя

Сзывает к столам.

И, славя отвагу

И гордый твой дух,

Сыченою брагой

Обносит их круг.

1917

ОКТОИХ

Гласом моим Пожру Тя, Господи.

Ц.О.

1

О родина, счастливый

И неисходный час!

Нет лучше, нет красивей

Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам

И овцам на полях,

Несу, как сноп овсяный,

Я солнце на руках.

Святись преполовеньем

И рождеством святись,

Чтоб жаждущие бдения

Извечьем напились.

Плечьми трясем мы небо,

Руками зыбим мрак

И в тощий колос хлеба

Вдыхаем звездный знак.

О Русь, о степь и ветры,

И ты, мой отчий дом!

На золотой повети

Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,

Молитвой поим дол,

И пашню голубую

Нам пашет разум-вол.

И не единый камень,

Через пращу и лук,

Не подобьет над нами

Подъятье божьих рук.

2

«О дево

Мария! —

Поют небеса. —

На нивы златые

Пролей волоса.

Омой наши лица

Рукою земли.

С за-гор вереницей

Плывут корабли.

В них души усопших

И память веков.

О, горе, кто ропщет,

Не снявши оков!

Кричащему в мраке

И бьющему лбом

Под тайные знаки

Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел

И узрел лишь миг!

Мы облачной крышей

Придавим слепых».

3

О боже, боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.
Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.
Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.
И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

4

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.
Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.
И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.
С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...»
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.
Не долетает голос
В его далекий брег...

Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:
«Восстань, прозри и вижди!
Неосказуем рок.
Кто все живит и зиждет —
Тот знает час и срок.
Вострубят божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил девой,
Взойдет в корабль звезды».

1917

ПРИШЕСТВИЕ

А. Белому

1

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.
За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о боже мой,
Предстает твой сын.
По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет свой крест.
Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников.

2

О Русь, приснодева,
Поправшая смерть!

Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.
На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.
Возри же на нивы,
На сжатый овес, —
Под снежную ивой
Упал твой Христос!
Опять его вои
Стегают плетьюми
И бьют головою
О выступы тьмы...

3
Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья

Поет петух.
О други, где вы?
Уж близок срок.

Темно ты, чрево,
И крест высок.

Вот гор воитель
Ощупал мглу.

Христа рачитель
Сидит в углу.

«Я видел: с ним он
Нам сеял мрак!»

«Нет, я не Симон...
Простой рыбак».

Вздохнула плесень,
И снег потух...

То третью песню
Пропел петух.

4
Ей, господи,

Царю мой!

Дьяволы на руках

Укачали землю.

Снова пришествию его

Поднят крест.

Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума

Точит копья.

Лестница к саду твоему

Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней

С кровью на отцах и братьях?

Тянет меня земля,

Оцепили пески.

На реках твоих

Сохну.

5

Симоне, Петр...

Где ты? Приди.

Вздогнули ветлы:

«Там, впереди!»

Симоне, Петр...

Где ты? Зову!

Шепчется кто-то:

«Кричи в синеву!»

Крикнул — и громко

Вздыбился мрак.

Вышел с котомкой

Рыжий рыбак.

«Друг... Ты откуда?»

«Шел за тобой...»

«Кто ты?» — «Иуда!» —

Шамкнул прибой.

Рухнули гнезда

Облачных риз.

Ласточки-звезды

Канули вниз.

6

О Саваофе!

Покровом твоим рек и озер

Прикрой сына!

Под ивой бьют его вои

И голгофят снега твои.

О ланиту дождей

Преломи

Лезвие заката...

Трубами вьюг

Возвести языки...

Но не в суд или во осуждение.

7

Явись над Елеоном

И правде наших мест!

Горстьми златых затонов

Мы окропим твой крест.

Холмы поют о чуде,

Про рай звенит песок.

О верю, верю — будет

Телиться твой восток!

В моря овса и гречи

Он кинет нам телка...

Но долог срок до встречи,

А гибель так близка!

Уйми ты ржанье бури

И топ громов уйми?

Пролей ведро лазури

На ветхое деньми!

И дай дочерпать волю

Медведицей и сном,

Чтоб вытекшей душою

Удобрить чернозем...

Октябрь 1917

Серебристая дорога,

Ты зовешь меня куда?

Свечкой чисточетверговой

Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?

Иль к безумью правишь бег?

Помоги мне сердцем вешним

Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,

Ветку вербы на узду.

Может быть, к вратам господним

Сам себя я приведу.

1917

Отвори мне, страж заоблачный, Голубые двери дня.

Белый ангел этой полночью

Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,

Конь мой — мощь моя и крепь.

Слышу я, как ржет он жалобно, Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется, Тербя тугой аркан,

И летит с него, как с месяца, Шерсть буланая в туман.

1917

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разумнику Иванову

1

Облаки лают,

Ревет златозубая высь...

Пою и взываю:

Господи, отелись!

Перед воротами в рай

Я стучусь:

Звездами спеленай

Телицу Русь.

За тучи тянется моя рука,

Бурею шумит песнь,

Небесного молока

Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,

Чудится плеск крыл.

Новый Содом

Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,

По ниве вод

Новый из красных врат

Выходит Лот.

2

Не потому ль в березовых

Кустах поет сверчок

О том, как ликом розовым

Окапал рожь восток;

О том, как Богородица,

Накинув синий плат,

У облачной околицы

Скликает в рай телят.

С утра над осенницею

Я слышу зов трубы.

Теленькает синицею

Он про глагол судьбы.

«О веруй, небо вспенится,

Как лай, сверкнет волна.

Над рощею оцѣнится

Златым щенком луна.

Иной травой и чащею

Отенит мир вода.

Малиновкой журчащею

Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,

Как рой, пшеничный знак,

Чтобы пчелиным голосом

Озлатонивить мрак...»

3

Ей, россияне!

Ловцы вселенной,

Неводом зари зачерпнувшие небо,—Трубите в трубы.

Под плугом бури

Ревет земля.

Рушит скалы златоклыкий

Омеж.

Новый сеятель

Бредет по полям,

Новые зерна

Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам

Едет.

По тучам бежит

Кобылица.

Шлея на кобыле —

Синь.

Бубенцы на шлее —

Звезды.

4

Стихи, ветер,

Не лай, водяное стекло.

С небес через красные сети

Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,

Вязью колося поля,

Над тучами, как корова,

Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,

Зиждитель щедрый,

Ризою над землею

Свесивший небеса.

Ныне

Солнце, как кошка,

С небесной вербы

Лапкою золотою

Трогает мои волоса.

5

Зреет час преображенья,

Он сойдет, наш светлый гость, Из распятого терпенья

Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня

Под поющий в небе гром,

Словно ведра, наши будни

Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.
А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды,—
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Ноябрь 1917

Стихотворения 1918 года

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?
Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.
И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.
Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.
И так, вдохнувши глубоко.

Сказал под звон ветвей:

«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей»».

15 августа 1918

И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже, Ложноклассическая Русь.

Не огражу мой тихий кров
От радости над умираьем,
Но жаль мне, жаль отдать страданью

Езекиильский глас ветров.
Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,

И в солнца золотые мрежи
Сгоняй серебристых окуней.

1918

Не стану никакую

Я девушку ласкать.

Ах, лишь одну люблю я,

Забыв любовь земную,

На небе Божью Мать.

В себе я мыслить волен,

В душе поет весна.

Ах, часто в келье темной

Я звал ее с иконы

К себе на ложе сна.

И в час, как полночь било,

В веселый ночи мрак

Она как тень сходила

И в рот сосцы струила

Младенцу на руках.

И, сев со мною рядом,

Она шептала мне:

«Смирись, моя услада,

Мы встретимся у сада

В небесной стороне».

1918

КАНТАТА[1]

1

Сквозь туман кровавый смерти, Через страданье и печаль

Мы провидим, — верьте, верьте —Золотую высь и даль.

Всех, кто был вчера обижен,

Обойден лихой судьбой,

С дымных фабрик, черных хижин

Мы скликаем в светлый бой.

Пусть последней будет данью

Наша жизнь и тяжкий труд.

Верьте, верьте, там за гранью

Зори новые цветут.

2

Спите, любимые братья,

Снова родная земля

Неколебимые рати

Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,

Зарево красных зарниц...

Спите, любимые братья,

В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью

Стражей стоит у ворот...

Спите, любимые братья,

Мимо вас движется ратью

К зорям вселенским народ.

3

Сойди с креста, народ распятый, Преобразись, проклятый враг,

Тебе грозит судьба расплатой

За каждый твой неверный шаг.

В бою последнем нет пощады,

Но там, за гранями побед,

Мы вас принять в объятья рады, Простив неволю долгих лет.

Речи, земля, последней бурей, Сзывай на бой, скликай на пир.

Пусть светит новый день в лазури, Преображая старый мир.

1918

Вот оно, глупое счастье

С белыми окнами в сад!

По пруду лебедем красным

Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье,

С тенью березы в воде!

Галочья стая на крыше

Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,

Там, где калина цветет,

Нежная девушка в белом

Нежную песню поет.

Стелется синею рясой

С поля ночной холодок...

Глупое, милое счастье,

Свежая розовость щек!

1918

Я покинул родимый дом,

Голубую оставил Русь.

В три звезды березняк над прудом

Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна

Распласталась на тихой воде.

Словно яблонный цвет, седина

У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!

Долго петь и звенеть пурге.

Стережет голубую Русь

Старый клен на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нем

Тем, кто листьев целует дождь, Оттого, что тот старый клен

Головой на меня похож.

1918

Хорошо под осеннюю свежесть

Душу-яблоню ветром стряхать

И смотреть, как над речкою режет

Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела

Накаляющий песни гвоздь.

И в одежде празднично белой

Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем

Цвет черемух в глазах беречь, Только в скупости чувства греются, Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница, Что ни лист, то свеча заре.

Никого не впусти я в горницу,

Никому не открою дверь.

1918

Закружилась листва золотая

В розоватой воде на пруду,

Словно бабочек легкая стая

С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер, Близок сердцу желтеющий дол.

Отрок-ветер по самые плечи

Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлады, Синий сумрак как стадо овец,

За калиткою смолкшего сада

Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо

Так не слушал разумную плоть, Хорошо бы, как ветками ива,

Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,

Мордой месяца сено жевать...

Где ты, где, моя тихая радость —Все любя, ничего не желать?

1918

Клюеву

Теперь любовь моя не та.

Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь

О том, что лунная метла

Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,

Спадающей тебе на брови,

Ты сердце выпеснил избе,

Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,

Прошел, как прежде, мимо крова.

О друг, кому ж твои ключи

Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть

В окошко не увидеть рая.

Так мельница, крылом махая,

С земли не может улететь.

1918

ИНОНИЯ

Пророку Иеремии

1

Не устрашуся гибели,

Ни копий, ни стрел дождей,—

Так говорит по Библии

Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,

Не страшен мне лязг кнута.

Тело, Христово тело,

Выплываю изо рта.

Не хочу воспринять спасения

Через муки его и крест:

Я иное постиг учение

Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие —

Где не пляшет над правдой смерть.

Как овцу от поганой шерсти, я

Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,

Раскушу его, как орех.

Не хочу я небес без лестницы, Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться

На озерах зари лицо.

Я сегодня снесся, как курица, Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою

Готов повернуть весь мир...

Грозовой расплескались вьюгою

От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью грозный — Это плачут стены Кремля.

Ныне на пики звездные

Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города, Млечный прокушу покров.

Даже Богу я выщиплю бороду

Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую

И скажу ему голосом вьюг:

Я иным тебя, Господи, сделаю, Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа

И все лощины его дорог.

Я хочу, чтоб на бездонном вытяже

Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я

Лики мучеников и святых.

Обещаю вам град Инонию,

Где живет Божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!

Новый пришел Индикоплов.

Все молитвы в твоём часослове я

Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования, Дам ему веру и мощь,

Чтобы плугом он в зори ранние

Распахивал с солнцем ночь.

Чтобы поле его словесное

Выращало ульями злак,

Чтобы зерна под крышей небесною

Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,

Твои пятки и все следы!

Ты огня золотого залежи

Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьим лающим, Словно стая злющих волков,

Всех зовущих и всех дерзающих

Прободала копьем клыков.

Твое солнце коггистыми лапами

Прокоггялось в душу, как нож.

На реках вавилонских мы плакали, И кровавый мочил нас дождь.

Ныне ж бури воловьим голосом

Я кричу, сняв с Христа штаны: Мойте руки свои и волосы

Из лоханки второй луны.

Говорю вам — вы все погибнете, Всех задушит вас веры мох.

По-иному над нашей выгибью

Вспух незримой коровой Бог.

И напрасно в пещеры селятся

Те, кому ненавистен рев.

Все равно — он иным отелится

Солнцем в наш русский кров.

Все равно — он спалит телением, Что ковало реке берега.

Развоздят мировое кипение

Золотые его рога.

Новый сойдет Олипий

Начертать его новый лик.

Говорю вам — весь воздух выпью

И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,

Раскую с вас подковы мук...

В оба полюса снежнорогие

Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор

И, под бури и вихря плач,

Пополам нашу землю-мать

Разломлю, как златой калач.

И в провал, отененный бездною, Чтобы мир весь слышал тот треск, Я главу свою власозвездную

Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,

Как четыре бочки с горы,

Золотые рассыпав обручи,

Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,

Отколотая половина земли,—

Страшись по морям безверия

Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой

Нив и гранитом — рек.

Только водью свободной Ладоги

Просверлит бытие человек!

Не вбивай руками синими

В пустошь потолок небес:

Не построить шляпками гвоздинами

Сияние далеких звезд.

Не залить огневого брожения

Лавой стальной руды.

Нового вознесения

Я оставлю на земле следы.

Пятками с облаков свесюсь,

Прокопытю тучи, как лось;

Колесами солнце и месяц

Надены на земную ось.

Говорю тебе — не пой молебствия

Проволочным твоим лучам.

Не осветят они пришествия,

Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок еще

Пустить в его грудь стрелу.

Словно полымя, с белой шерсти его

Брызнет теплая кровь во мглу.

Звездами золотые копытца

Скатятся, взбороздив ночь.

И опять замелькает спицами

Над чулком ее черным дождь.

Возгремлю я тогда колесами

Солнца и луны, как гром;

Как пожар, размечу волосья

И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,

Копьями вытяну ковыль.

Все тыны твои, все заборы

Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки

Нив твоих новой сохой;

Золотой пролетит сорокой

Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям

Крыл колосистых звон.

И, как жерди золотые, вытянет

Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны

На ладонях твоих полей.

И, как белки, желтые вёсны

Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжат реки,

Просверлив все преграды глыб.

И заря, опуская веки,

Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе — будет время,

Отплещут уста громов;

Прободят голубое темя

Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестницы, Оглашая поля и луг,

Проклевавшись из сердца месяца, Кукарекнув, взлетит петух.

4

По тучам иду, как по ниве, я, Свесясь головою вниз.

Слышу плеск голубого ливня

И светил тонноклювых свист.

В синих отражаюсь затонах

Далеких моих озер.

Вижу тебя, Инония,

С золотыми шапками гор.

Вижу нивы твои и хаты,

На крылечке старушку мать;

Пальцами луч заката

Старается она поймать.

Прищепит его у окошка,

Схватит на своем горбе,—

А солнышко, словно кошка,

Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,

Прибрежному эху в подол,

Каплями незримой свечки

Капает песня с гор:

«Слава в вышних Богу

И на земле мир!

Месяц синим рогом

Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся

Из яйца звезды —

Светлого Иисуса

Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,

Без креста и мук,

Натянул на небе

Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,

Проливай свой свет!

Новый в небосклоне

Вызрел Назарет.

Новый на кобыле

Едет к миру Спас.

Наша вера — в силе.

Наша правда — в нас!»

Январь 1918

СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ

Вл. Чернявскому

1

О солнце, солнце,

Золотое, опущенное в мир ведро, Зачерпни мою душу!

Вынь из кладезя мук

Страны моей.

Каждый день,

Ухватившись за цепь лучей твоих, Карабкаюсь я в небо.

Каждый вечер

Срываюсь и падаю в пасть заката.

Тяжко и горько мне...

Кровью поют уста...

Снеги, белые снеги —

Покров моей родины —

Рвут на части.

На кресте висит

Ее тело,

Голени дорог и холмов

Перебиты...

Волком воет от запада

Ветер...

Ночь, как ворон,

Точит клюв на глаза-озёра.

И доскою надкрестною

Прибита к горе заря:

ИСУС НАЗАРЯНИН

ЦАРЬ

ИУДЕЙСКИЙ

2

О месяц, месяц!

Рыжая шапка моего деда,

Закинутая озорным внуком на сук облака, Спади на землю...

Прикрой глаза мои!

Где ты...

Где моя родина?

Лыками содрала твои дороги

Буря,

Синим языком вылизал снег твой —Твою белую шерсть —

Ветер...

И лежишь ты, как овца,

Дрыгая ногами в небо,

Путая небо с яслями,

Путая звезды

С овсом золотистым.

О, путай, путай!

Путай все, что видишь...

Не отрекусь принять тебя даже с солнцем, Похожим на свинью...

Не испугаюсь просунутого пяточка его

В частокол

Души моей.

Тайна твоя велика есть.

Гибель твоя миру купель

Предвечная.

3

О красная вечерняя заря!

Прости мне крик мой.

Прости, что спутал я твою Медведицу

С черпаком водовоза.

Пастухи пустыни —

Что мы знаем?..

Только ведь приходское училище

Я кончил,

Только знаю Библию да сказки, Только знаю, что поет овес при ветре...

Да еще

По праздникам

Играть в гармошку.

Но постиг я...

Верю, что погибнуть лучше,

Чем остаться

С содранною

Кожей.

Гибни, край мой!

Гибни, Русь моя,

Начертательница

Третьего

Завета.

4

О звезды, звезды,

Восковые тонкие свечи,

Капающие красным воском

На молитвенник зари,

Склонитесь ниже!

Нагните пламя свое,

Чтобы мог я,

Привстав на цыпочки,

Погасить его.

Он не понял, кто зажег вас,

О какой я пропел вам

Смерти.
Радуйся,
Земля!
Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...
Имя ему —
Израмистил.
Пой и шуми, Волга!
В синие ясли твои опрокинет она
Младенца.
Не говорите мне,
Что это
В полном круге
Будет всходить
Луна...
Это он!
Это он
Из чрева Неба
Будет высовывать
Голову...

1918

ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА

1

Земля моя, золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.
То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.
А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,

Всему есть час и брег.

Ветра стекают в песню,

А песня канет в век.

2

Небо — как колокол,

Месяц — язык,

Мать моя родина,

Я — большевик.

Ради вселенского

Братства людей

Радуюсь песней я

Смерти твоей.

Крепкий и сильный,

На гибель твою,

В колокол синий

Я месяцем бью.

Братья-миряне,

Вам моя песнь.

Слышу в тумане я

Светлую весть.

3

Вот она, вот голубица,

Севшая ветру на длань,

Снова зарею клубится

Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,

Звездами вбитая высь.

Снова до отчего рая

Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,

С стадом буланных коней.

С дудкой пастушеской в ивах

Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,

Там, на окраине села,

Мати Пречистая Дева

Розгой стегают осла.

4

Братья мои, люди, люди!

Все мы, все когда-нибудь

В тех благих селеньях будем,

Где протоптан Млечный Путь.

Не жалейте же ушедших,

Уходящих каждый час,—

Там на ландышах расцветших

Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви — судьба-мздоимец

Счастье пестует не век.

Кто сегодня был любимец —

Завтра нищий человек.

5

О новый, новый, новый,

Прорезавший тучи день!

Отроком солнцеголовым

Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья

Гребнем луны расчесать.

Этим обычаем — гостя

Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии

Родственна нашим холмам,

Дождиком в нивы златые

Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,

Тихо склонись ко плечу.

Синюю звездочку свечкой

Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,

Славить твою Иордань...

Вот она, вот голубица,

Севшая ветру на длань.

20–23 июня 1918

Константиново

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

1

Гей вы, рабы, рабы!

Брюхом к земле прилипли вы.

Нынче луну с воды

Лошади выпили.

Листьями звезды льются

В реки на наших полях.

Да здравствует революция

На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,

Сеем пурговый свист.

Что нам слюна иконная

В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы

Белого стада горилл?

Взвихренной конницей рвется

К новому берегу мир.

2

Если это солнце

В заговоре с ними,—

Мы его всей ратью

На штыках подыдем.

Если этот месяц

Друг их черной силы,—

Мы его с лазури

Камнями в затылок.

Разметем все тучи,

Все дороги взмесим.

Бубенцом мы землю

К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,

Мать земля сырая,

О полях и рощах

Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты —

Сверкающий бич над смерчком.

Кто хочет свободы и братства, Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною,

Кому ненавистен туман,

Тот солнце корявой рукою

Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам

Лить зов над озерами сил —

На тени церквей и острогов,

На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин

Почуют свой чаемый град,

И черное небо хвостами,

Хвостами коров вспламят.

4

Верьте, победа за нами!

Новый берег недалек.

Волны белыми когтями

Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний

Миллионом брызнет лун.

Сердце — свечка за обедней

Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной

Мы идем сплотить весь мир.

Мы идем, и пылью вьюжной

Таает облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,

Сквозь белесость и туман

Наш небесный барабанщик

Лупит в солнце-барабан.

1918

Стихотворения 1919 года

В час, когда ночь воткнет

Луну на черный палец,—

Ах, о ком? Ах, кому поет

Про любовь соловей-мерзавец?

Разве можно теперь любить,

Когда в сердце стирают зверя?

Мы идем, мы идем продолбить

Новые двери.

К черту чувства. Слова в навоз, Только образ и мощь порыва!

Что нам солнце? Весь звездный обоз —Золотая струя коллектива.

Что нам Индия? Что Толстой?

Этот ветер что был, что не был.

Нынче мужик простой

Пялится ширше неба.

Январь 1919

Вот такой, какой есть,

Никому ни в чем не уважу,

Золотою плету я песнь,

А лицо иногда в сажу.

Говорят, что я большевик.

Да, я рад зауздать землю.

О, какой богомаз мой лик

Начертил, грозовице внемля?

Пусть Америка, Лондон пусть...

Разве воды текут обратно?

Это пляшет российская грусть, На солнце смывая пятна.

Февраль 1919

Ветры, ветры, о снежные ветры, Заметите мою прошлую жизнь.

Я хочу быть отроком светлым

Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший

Умереть для себя и для всех.

Колокольчики звездные в уши

Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его, Когда топит он боль в пурге.

Я хотел бы стоять, как дерево, При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы

Обниматься с соседним кустом.

Подымайте ж вы, лунные лапы,

Мою грусть в небеса ведром.

1919–1920

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной, И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

1919

О боже, боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.
Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.
Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.
Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящую восток
Пролей на нашу плоть.
Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

1919

ПАНТОКРАТОР

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится, Кто хоронит тоску в плече —Лошадиную морду месяца

Схватить за узду лучей.

Тыщи лет те же звезды славятся, Тем же медом струится плоть.

Не молиться тебе, а лаяться

Научил ты меня, Господь.

За седины твои кудрявые,

За копейки с золотых осин

Я кричу тебе: «К черту старое!» —Непокорный разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,

Что сочишь ты дождями в мать, О, какими, какими метлами

Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,

Средь небесных тополей,

Опрокинулся над нами

Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури,

Как из бочки черпаком.

В небо вспрыгнувшая буря

Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,

Молоко дымящий сад.

Вижу, дед мой тянет вершей

Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука

Услыхал в сей скорбный срок?

Знать, недаром в сердце мукал

Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,

Чекань твоих дней серебро!

Я понял, что солнце из выси —В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу

Отчалить и мне суждено.

Я сам положу мою душу

На это горящее дно.

Но знаю — другими очами

Умершие чувят живых.

О, дай нам с земными ключами

Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей

Засовы чугунные сбить,

С разбега по ровному полю

Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!

Впрягись в земли оглобли.

Нам горьким стало молоко

Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой

Твое глухое ржанье

И колокольчиком-звездой

Холодное сиянье.

Мы радугу тебе — дугой,

Полярный круг — на сбрую.

О, вывези наш шар земной

На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,

С зари отчалься гривой.

За эти тучи, эту высь

Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле

Нас пьют лампадой в небе,

Увидят со своих полей,

Что мы к ним в гости едем.

Февраль 1919

КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ

1

Если волк на звезду завыл,

Значит, небо тучами изглодано.

Рваные животы кобыл,

Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь

Из пургового кашля-смирада;

Облетает под ржанье бурь

Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?

Это грабли зари по пущам.

Веслами отрубленных рук

Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!

Лейте с радуги крик вороний!

Скоро белое дерево сронит

Головы моей желтый лист.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?

Или снится мне сон веселый —

Синей конницей скачет рожь,

Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по? полю стужа, Окна выбиты, настезь двери.

Даже солнце мерзнет, как лужа, Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?

Чей черпак в снегов твоих накупь?

На дорогах голодным ртом

Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда»,

Здесь, с людьми бы теплей ужиться.

Бог ребенка волчице дал,

Человек съел дитя волчицы.

3

О, кого же, кого же петь

В этом бешеном зареве трупов?

Посмотрите: у женщин третий

Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,

Не увидит ли помясистей кости.

Видно, в смех над самим собой

Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же ты? Где еще одиннадцать, Что светильники сисек жгут?

Если хочешь, поэт, жениться,

Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью, Тепли песней словесный воск.

Злой октябрь осыпает перстни

С коричневых рук берез.

4

Звери, звери, приидите ко мне

В чашки рук моих злобу выплакать!

Не пора ль перестать луне

В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,

Я, как вы, у людей в загоне.

Не нужны мне кобыл корабли

И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен

Вцепится в мои волоса,—

Половину ноги моей сам съем,

Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,

Лучше вместе издохнуть с вами, Чем с любимой поднять земли

В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!

Не обижу ни козы, ни зайца.

Если можно о чем скорбеть,

Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,

И разбойный нам близок свист.

Срежет мудрый садовник-осень

Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,

Сгложет рощи октябрьский ветер.

Все познать, ничего не взять

Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,

Слушать сердцем овсяный хруст.

Глубже, глубже, серпы стихов!

Сыпь черемухой, солнце-куст!

Сентябрь 1919

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит

Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охапками листьев, —Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,

Как с тяжелой походкой воны,

Животами, листвой хрипящими,

По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!

Кто ж воспеть его лучше мог?

Вижу, вижу, как сумерки лижут

Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!

Я один твой певец и глашатай.

Звериных стихов моих грусть

Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин

Зачерпнуть молока берез!

Словно хочет кого придушить

Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам, Злобу вора струит в наш сад,

Только сам я разбойник и хам

И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит

Кипяченных черемух рать?

Мне бы в ночь в голубой степи

Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,

Засосал меня песенный плен.

Осужден я на каторге чувств

Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,

Плюй спокойно листвой по лугам.

Не сотрет меня кличка «поэт», Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919

Стихотворения 1920 года

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.
Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.
На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый, Соберет его черная горсть.
Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.
Будет ветер сосать их ржанье, Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

1920
По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.
Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу, Сядет в редкие кудри сына.
Скоро мне без листвы холодеть, Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.
Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

1920
СОРОКОУСТ
А. Мариенгофу

Трубит, трубит погибельный рог!

Как же быть, как же быть теперь нам

На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,

Не хотите ль пососать у мерина?

Полно кротостью мордищ праздниться, Любо ль, не любо ль, знай бери.

Хорошо, когда сумерки дразнятся

И всыпают вам в толстые задницы

Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит

Тот поселок и эти луга.

Никуда вам не скрыться от гибели, Никуда не уйти от врага.

Вот он, вот он с железным брюхом, Тянет к глоткам равнин пятерню, Водит старая мельница ухом,

Навострив мукомольный нюх.

И дворовый молчальник бык,

Что весь мозг свой на телок пролил, Вытирая о прясло язык,

Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом

Так плачет жалостно гармоника: Таля-ля-ля, тили-ли-гом

Висит над белым подоконником.

И желтый ветер осенницы

Не потому ль, синь рябью тронув, Как будто бы с коней скребницей, Очесывает листья с кленов.

Идет, идет он, страшный вестник, Пятой громоздкой чащи ломит.

И все сильней тоскуют песни

Под лягушиный писк в соломе.

О, электрический восход,

Ремней и труб глухая хватка,

Се изб древенчатый живот

Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,

Как бежит по степям,

В туманах озерных кроясь,

Железной ноздрей храпя,

На лапах чугунных поезд?

А за ним

По большой траве,

Как на празднике отчаянных гонок, Тонкие ноги закидывая к голове, Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей, Ну куда он, куда он гонится?

Неужель он не знает, что живых коней

Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в полях бессиянных

Той поры не вернет его бег,

Когда пару красивых степных россиянок

Отдавал за коня печенег?

По-иному судьба на торгах перекрасила

Наш разбуженный скрежетом плес, И за тысячи пудов конской кожи и мяса

Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный гость!

Наша песня с тобой не сживется.

Жаль, что в детстве тебя не пришлось

Утопить, как ведро в колодце.

Хорошо им стоять и смотреть,

Красить рты в жестяных поцелуях,—Только мне, как псаломщику, петь

Над родимой страной «аллилуйя».

Оттого-то в сентябрьскую склень

На сухой и холодный суглинок, Головой разможась о плетень, Облилась кровью ягод рябина.

Оттого-то выросла тужиль

В переборы тальянки звонкой.

И соломой пропахший мужик

Захлебнулся лихой самогонкой.

Август 1920

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,

Не каждому дано яблоком

Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь, Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа, на плечах.

Ваших душ безлиственную осень

Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда каменья брани

Летят в меня, как град рыгающей грозы.

Я только крепче жму тогда руками

Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать

Заросший пруд и хриплый звон ольхи, Что где-то у меня живут отец и мать, Которым наплевать на все мои стихи, Которым дорог я, как поле и как плоть, Как дождик, что весной взрыхляет зелена.

Они бы вилами пришли вас заколоть

За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!

Вы, наверно, стали некрасивыми, Так же боитесь Бога и болотных недр.

О, если б вы понимали,

Что сын ваш в России

Самый лучший поэт!

Вы ль за жизнь его сердцем не индевели, Когда босые ноги он в лужах осенних макал?

А теперь он ходит в цилиндре

И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки

Деревенского озорника.

Каждой корове с вывески мясной лавки

Он кланяется издалека.

И, встречаясь с извозчиками на площади, Вспоминая запах навоза с родных полей, Он готов нести хвост каждой лошади, Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.

Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.

Приятны мне свиной испачканные морды

И в тишине ночной звенящий голос жаб.

Я нежно болен вспоминаьем детства, Апрельских вечеров мне снится хмарь и сыр.

Как будто бы на корточки погреться

Присел наш клен перед костром зари.

О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих, Карабкаясь по сучьям, воровал!

Все тот же ль он теперь, с верхушкою зеленой?

По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,

Верный пегий пес?!

От старости ты стал визглив и слеп

И бродишь по двору, влача обвисший хвост, Забыв чутьем, где двери и где хлев.

О, как мне дороги все те проказы, Когда, у матери стянув краюху хлеба, Кусали мы с тобой ее по разу, Ни капельки друг другом не погребав.

Я все такой же.

Сердцем я все такой же.

Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.

Стеля стихов злаченые рогожи, Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!

Всем вам спокойной ночи!

Отзвенела по траве сумерок зари коса...

Мне сегодня хочется очень

Из окошка луну обоссать.

Синий свет, свет такой синий!

В эту синь даже умереть не жаль.

Ну так что ж, что кажусь я циником, Прицепившим к заднице фонарь!

Старый, добрый, заезженный Пегас, Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Я пришел, как суровый мастер, Воспеть и прославить крыс.

Башка моя, словно август,

Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом

В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

Стихотворения 1921 года

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,

Где весь смысл — страдания людей!

Режет серп тяжелые колосья,

Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо

С августовской дрожью поутру.

Перевязана в снопы солома,

Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках, Их везут в могильный склеп — овин.

Словно дьякон, на кобылу гаркнув, Читит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости, Головами стелют по земле

И цепами маленькие кости

Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет, Что солома — это тоже плоть!..

Людоедке-мельнице — зубами

В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто, Выпекают груды вкусных яств...

Вот тогда-то входит яд белесый

В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек одрасив, Грубость жнущих сжав в духмяный сок, Он вкушающим соломенное мясо

Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень, Шарлатан, убийца и злодей...

Оттого что режет серп колосья, Как под горло режут лебедей.

1921

Мир таинственный, мир мой древний, Ты, как ветер, затих и присел.

Вот сдавили за шею деревню

Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель

Заметалась звенящая жуть.

Здравствуй ты, моя черная гибель, Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой

Окрестил нас как падаль и мразь.

Стынет поле в тоске волоокой, Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи, И легка ей чугунная гать.

Ну, да что же? Ведь нам не впервые

И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко, Это песня звериных прав!..

... Так охотники травят волка,

Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр

Кто-то спустит сейчас курки...

Вдруг прыжок... и двуногого недруга

Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!

Ты не даром даешься ножу!

Как и ты — я, отвсяду гонимый, Среди железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове, И хоть слышу победный рожок,

Но отпробует вражеской крови

Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель

Упаду и зарююсь в снегу...

Все же песню отмщенья за гибель

Пропоят мне на том берегу.

1921

Сторона ль ты моя, сторона!

Дождевое, осеннее олово.

В черной луже продрогший фонарь

Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть, Чтобы вдруг не увидеть худшего.

Я на всю эту ржавую мреть

Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.

Посмотри: меж скелетов домов, Словно мельник, несет колокольня

Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым.

Коль несчастен — то весел и рад.

Только лишь не гляди открыто, Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал, Но увы! Все одно и то ж!

Видно, слишком привыкло тело

Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих, Не один я в миру живой!

А фонарь то мигнет, то захохочет

Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой

Шепчет мне, посетившему твердь: «Друг мой, друг мой, прозревшие вежды

Закрывает одна лишь смерть».

1921

Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком,

И страна березового ситца

Не заманит шпаться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже

Расшевеливаешь пламень уст

О моя утраченная свежесть,

Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях, Жизнь моя? иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны, Тихо льется с кленов листьев медь...

Будь же ты вовек благословенно, Что пришло процвести и умереть.

1921

Стихотворения 1922 года

ПРОЩАНИЕ С МАРИЕНГОФОМ

Есть в дружбе счастье оголтелое

И судорога буйных чувств —

Огонь растапливает тело,

Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне руки —Я по-иному не привык, —

Хочу омыть их в час разлуки

Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли, В который миг, в который раз —Опять, как молоко, застыли

Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах лунных

Дождусь ли радостного дня?

Среди прославленных и юных

Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе

Мы встретимся, быть может, вновь...

Мне страшно, — ведь душа проходит, Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.

Не потому ли — в лад речам —

Мои рыдающие уши,

Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лунных

Не зреть мне радостного дня,

Но все ж средь трепетных и юных

Ты был всех лучше для меня.

1922

Все живое особой метой

Отмечается с ранних пор.

Если не был бы я поэтом,

То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,

Средь мальчишек всегда герой, Часто, часто с разбитым носом

Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме

Я цедил сквозь кровавый рот:

«Ничего! Я споткнулся о камень, Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла

Этих дней кипятковая вязь,

Беспокойная, дерзкая сила

На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная гряда,

И над каждой строкой без конца

Отражается прежняя удаль

Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый, Только новью мой брызжет шаг...

Если раньше мне били в морду, То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,

А в чужой и хохочущий сброд:

«Ничего! Я споткнулся о камень, Это к завтраму все заживет!»

1922

Не ругайтесь. Такое дело!

Не торговец я на слова.

Запрокинулась и отяжелела

Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу, Как же смог я ее донести?

Брошу все. Отпущу себе бороду

И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,

Перекину за плечи суму,

Оттого что в полях забулдыге

Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком

И, тревожа вечернюю гладь,

Буду громко сморкаться в руку

И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,

Лишь забыться и слушать пургу, Оттого что без этих чудачеств

Я прожить на земле не могу.

1922

Я обманывать себя не стану,

Залегла забота в сердце мгlistом.

Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом, Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь

Головой кивает мне навстречу.

Для зверей приятель я хороший, Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —В глупой страсти сердце жить не в силе, —В нем удобней, грусть свою уменьшив, Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею, Я иному покорился царству.

Каждому здесь кобелю на шею

Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.

Прояснилась омут в сердце мгlistом.

Оттого прослыл я шарлатаном,

Оттого прослыл я скандалистом.

1922

Да! Теперь решено. Без возврата

Я покинул родные поля.

Уж не будут листвою крылатой

Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссугулится, Старый пес мой давно исдох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,

Пусть обрюзг он и пусть одрях.

Золотая дремотная Азия

Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,

Когда светит... черт знает как!

Я иду, головою свесясь,

Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком, Но всю ночь напролет, до зари, Я читаю стихи проституткам

И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще, И уж я говорю невпопад:

«Я такой же, как вы, пропащий, Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссухлится, Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне бог.

1922

Снова пьют здесь, дерутся и плачут

Под гармоники желтую грусть.

Проклинают свои неудачи,

Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,

Заливаю глаза вином,

Чтоб не видеть в лицо роковое, Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.

Май мой синий! Июнь голубой!

Не с того ль так чадит мертвячиной

Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам, Самогонного спирта — река.

Гармонист с провалившимся носом

Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных, Непокорное в громких речах.

Жалко им тех дурашливых, юных, Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?

Ярко ль светят вам наши лучи?

Гармонист спиртом сифилис лечит, Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять.

Бесшабашность им гнилью дана.

Ты, Рассея моя... Рас... сея...

Азиатская сторона!

1922

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...

Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мною, паршивая сука,

Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —

Невтерпеж.

Что ж ты смотришь так синими брызгами?

Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,

Пугать ворон.

До печенок меня замучила

Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.

Пей, выдра, пей.

Мне бы лучше вон ту, сисястую, —Она глупей.

Я среди женщин тебя не первую...

Немало вас,

Но с такой вот, как ты, со стервою

Лишь в первый раз.

Чем вольнее, тем звонче,

То здесь, то там.

Я с собой не покончу,

Иди к чертям.

К вашей своре собачьей

Пора простыть.

Дорогая, я плачу,

Прости... прости...

1922

Пой же, пой. На проклятой гитаре

Пальцы пляшут твои в полукруг.

Захлебнуться бы в этом угаре, Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья

И с плечей ее льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья, А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза, Я не знал, что любовь — чума.

Подошла и прищуренным глазом

Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Наведай мне снова

Нашу прежнюю буйную рань.

Пусть целует она другова,

Молодая красивая дрянь.

Ах постой. Я ее не ругаю.

Ах, постой. Я ее не кляню.

Дай тебе про себя я сыграю

Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.

В сердце снов золотых сума.

Много девушек я перещупал,

Много женщин в углах прижимал.

Да! есть горькая правда земли, Подсмотрел я ребяческим оком: Лижут в очередь кобели

Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.

Так чего ж мне болеть такому.

Наша жизнь — простыня да кровать.

Наша жизнь — поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе

Этих рук роковая беда.

Только знаешь, пошли их ...

Не умру я, мой друг, никогда.

1922

Стихотворения 1923 года

Грубым дается радость,

Нежным дается печаль.

Мне ничего не надо,

Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,

Жалко бездомных собак.

Эта прямая дорога

Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?

Иль я не сын страны?

Каждый из нас закладывал

За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна,

В сердце тоска и зной.

Катится, в солнце измокнув,

Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.

Воздух поджарен и сух.

Мальчик такой счастливый

И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,

Суй туда палец весь,

Только вот с эфтой силой

В душу свою не лезь.

Я уж готов... Я робкий...

Глянь на бутылок рать!

Я собираю пробки —

Душу мою затыкать.

1923

ПАПИРОСНИКИ

Улицы печальные,

Сугробы да мороз.

Сорванцы отчаянные

С лотками папирос.

Грязных улиц странники

В забаве злой игры,

Все они — карманники,

Веселые воры.

Тех площадь — на Никитской,

А этих — на Тверской.

Стоят с тоскливым свистом

Они там день-деньской.

Снуют по всем притонам

И, улучив досуг,

Читают Пинкертон

За кружкой пива вслух.

Пускай от пива горько,

Они без пива — вдрызг.

Все бредят Нью-Йорком,

Всех тянет в Сан-Франциск.

Потом опять печально

Выходят на мороз

Сорванцы отчаянные

С лотками папирос.

1923

Эта улица мне знакома,

И знаком этот низенький дом.

Проводов голубая солома

Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,

Годы буйных, безумных сил.

Вспомнил я деревенское детство, Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя, Я с тщетой этой славы знаком.

А сейчас, как глаза закрою,

Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых каплях,

Тихо август прилег ко плетню.

Держат липы в зеленых лапах

Птичий гомон и щелбетню.

Я любил этот дом деревянный,

В бревнах теплилась грозная морщь, Наша печь как-то дико и странно

Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный, Как о ком-то погибшем, живом.

Что он видел, верблюду кирпичный, В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны, Сон другой и цветущей поры,

Золотые пески Афганистана

И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —

Сам немалый прошел там путь.

Только ближе к родимому краю

Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,

Все истлело в дыму голубом.

Мир тебе — полевая солома,

Мир тебе — деревянный дом!

1923

Я усталым таким еще не был.

В эту серую морозь и слизь

Мне приснилось рязанское небо

И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,

Да и сам я любил не одну,

Не от этого ль темная сила

Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи

И в разгуле тоска не впервые!

Не с того ли глаза мне точит, Слово синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,

И не радуется легкость побед, — Тех волос золотое сено

Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,

Когда цедит осенняя муть.

Мне не жаль вас, прошедшие годы, — Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно, И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело

Ковылять из притона в притон, Как в смирительную рубашку,

Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам, Умиряется бешеный пыл.

Но и все же отношусь я с поклоном

К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом, Где резвился на желтой траве, — Шлю привет воробьям, и воронам, И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:

«Птицы милые, в синюю дрожь

Передайте, что я отскандалил, — Пусть хоть ветер теперь начинает

Под микитки дубасить рожь».

1923

Мне осталась одна забава:

Пальцы в рот — и веселый свист.

Прокатилась дурная слава,

Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!

Все сжигает житейская мреть.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать, Роковая на нем печать.

Розу белую с черною жабой

Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились —Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,

Отправляясь с ней в край иной, Я хочу при последней минуте

Попросить тех, кто будет со мной, —Чтоб за все за грехи мои тяжкие, За неверие в благодать

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать.

1923

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад, Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только посмотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут, И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,

Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган,

Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923

Ты такая ж простая, как все,

Как сто тысяч других в России.

Знаешь ты одинокий рассвет,

Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,

Я по-глупому мысли занял.

Твой иконный и строгий лик

По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,

Чтил я грубость и крик в повесе, А теперь вдруг растут слова

Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,

Слишком многое телу надо.

Что ж так имя твое звенит,

Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал

И умею расслышать за пылом:

С детства нравиться я понимал

Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег

Для тебя, для нее и для этой.

Невеселого счастья залог —

Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,

Словно в листья в глаза косые...

Ты такая ж простая, как все,

Как сто тысяч других в России.

1923

Пускай ты выпита другим,

Но мне осталось, мне осталось

Твоих волос стеклянный дым

И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне

Дороже юности и лета.

Ты стала нравиться вдвойне

Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,

И потому на голос чванства

Бестрепетно сказать могу,

Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной

И непокорною отвагой.

Уж сердце наполнилось иной,

Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал

Сентябрь багряной веткой ивы, Чтоб я готов был и встречал

Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь

Без принужденья, без утраты.

Иною кажется мне Русь,

Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг

И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль, Что ты одна, сестра и друг,

Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,

Воспитываясь в постоянстве,

Пропеть о сумерках дорог

И уходящем хулиганстве.

1923

Дорогая, сядем рядом,

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,

Эта прядь волос белесых —

Все явилось, как спасенье

Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,

Где цветут луга и чащи.

В городской и горькой славе

Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше

Вспоминало сад и лето,

Где под музыку лягушек

Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...

Клен и липы в окна комнат,

Ветки лапами забросив,

Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.

Месяц на простом погосте

На крестах лучами метит,

Что и мы придем к ним в гости, Что и мы, отжив тревоги,

Перейдем под эти кущи.

Все волнистые дороги

Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу.

1923

Мне грустно на тебя смотреть, Какая боль, какая жалость!

Знать, только ивовая медь

Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли

Твое тепло и трепет тела.

Как будто дождик моросит

С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.

Иная радость мне открылась.

Ведь не осталось ничего,

Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег

Для тихой жизни, для улыбок.

Так мало пройдено дорог,

Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.

Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад

В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы

И отшумим, как гости сада...

Коль нет цветов среди зимы,

Так и грустить о них не надо.

1923

Ты прохладой меня не мучай

И не спрашивай, сколько мне лет, Одержимый тяжелой падучей,

Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья

Я мечтал по-мальчишески — в дым, Что я буду богат и известен

И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.

Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка

С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже, —

От Москвы по парижскую рвань

Мое имя наводит ужас,

Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы как жель.

Знаю, чувство мое перезрело,

А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,

Ну, а если есть грусть — не беда!

Золотей твоих кос по курганам

Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность, Чтоб под шум молодой лебеды

Утонуть навсегда в неизвестность

И мечтать по-мальчишески — в дым.

Но мечтать о другом, о новом, Непонятном земле и траве,

Что не выразить сердцу словом

И не знает назвать человек.

1923

Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек,

Слушать песни дождей и черемух, Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,

Что терзали меня, губя.

Облик ласковый! Облик милый!

Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,

Но и с нею, с любимой, с другой, Расскажу про тебя, дорогую,

Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была...

Голова ль ты моя удалая,

До чего ж ты меня довела?

1923

Стихотворения 1924 года

Годы молодые с забубенной славой, Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли, Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.

В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю на ощупь: Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабым!

Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели

Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»

Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.

Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать модрую повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый, Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли, —Синие твои глаза в кабаках промокли».

1924

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!

Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу, Загрустила шибко обо мне,

Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке

Часто видится одно и то ж:

Будто кто-то мне в кабацкой драке

Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.

Это только тягостная бредь.

Не такой уж горький я пропойца, Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный

И мечтаю только лишь о том,

Чтоб скорее от тоски мятежной

Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви

По-весеннему наш белый сад.

Только ты меня уж на рассвете

Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось, Не волнуй того, что не сбылось, —Слишком раннюю утрату и усталость

Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!

К старому возврата больше нет.

Ты одна мне помощь и отрада,

Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу, Не грусти так шибко обо мне.

Не ходи так часто на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

1924

Издатель славный! В этой книге

Я новым чувствам предаюсь,

Учусь постигнуть в каждом миге

Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело

Шептал бумаге карандаш,

Душа спросонок хрипло пела,

Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта

Прочтешь не в буквах, а в другом, Что в той стране, где власть Советов, Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,

Меня насмешке не предашь,—

Лишь потому так неумело

Шептал бумаге карандаш.

1924

НА КАВКАЗЕ

Издревле русский наш Парнас

Тянуло к незнакомым странам,

И больше всех лишь ты, Кавказ, Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне

Слагал душой своей опальной:

«Не пой, красавица, при мне

Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,

Нам рассказал про Азамата,

Как он за лошадь Казбича

Давал сестру заместо злата.

За грусть и жёлчь в своем лице

Кипенья желтых рек достоин,

Он, как поэт и офицер,

Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,

Как наша дань персидской хмари, В подножии большой горы

Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь

Пришел, не ведая причины:

Родной ли прах здесь обрыдать

Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум

О них, ушедших и великих.

Их исцелял гортанный шум

Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов

И от друзей сюда бежали,

Чтоб только слышать звон шагов

Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед

Бежал, навек простясь с богемой, Зане созрел во мне поэт

С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.

Есть Маяковский, есть и кроме, Но он, их главный штабс-маляр, Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,

Его стихи как телогрейка,

Но я их вслух вчера прочел,

И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,

Они под хладным солнцем зреют, Бумаги даже замарать

И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них

Тебе промолвил ненароком,

Ты научи мой русский стих

Кизиловым струиться соком,

Чтоб, воротясь опять в Москву, Я мог прекраснейшей поэмой

Забыть ненужную тоску

И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране

Я мог твердить в свой час прощальный: «Не пой, красавица, при мне

Ты песен Грузии печальной».

Сентябрь 1924

Тифлис

ПАМЯТИ БРЮСОВА

Мы умираем,

Сходим в тишь и грусть,

Но знаю я —

Нас не забудет Русь.

Любили девушек,

Любили женщин мы

И ели хлеб

Из нищенской сумы.

Но не любили мы

Продажных торгашей.

Планета, милая, —

Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые

Раз сорок повторим.

Пускать сумеем

Гоголя и дым.

Но все же были мы

Всегда одни.

Мой милый друг,

Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,

Но порем и мы,—

Не выпросить нам дней

Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались

Мы в нищю суму.

Валерий Яклевич!

Мир праху твоему!

1924

«ЗАРЯ ВОСТОКА»

Так грустно на земле,

Как будто бы в квартире,

В которой год не мыли, не мели.

Какую-то хреновину в сем мире

Большевики нарочно завели.

Из книг мелькает лермонтовский парус, А в голове паршивый сэр Керзон.

«Мне скучно, бес!»

«Что делать, Фауст?»

Таков предел вам, значит, положен.

Ирония! Вези меня! Вези!

Рязанским мужиком прищуривая око, Куда ни заверни — все сходятся стези

В редакции «Зари Востока».

Приятно видеть вас, товарищ Лившиц, Как в озеро, смотреть вам в добрые глаза, Но, в гранки мокрые вцепившись, Засекретарился у вас Кара-Мурза.

И Ахобадзе...! Други, будьте глухи, Не приходите в трепет, ни в восторг,—Финансовый маэстро Лопатухин

Пускается со мной за строчки в торг.

Подохнуть можно от незримой скуки.

В бумажном озере навек бы утонуть!

Мне вместо Карпов видятся все щуки, Зубами рыбьими тревожа мозг и грудь.

Поэт! Поэт!

Нужны нам деньги. Да!

То туфли лопнули, то истрепалась шляпа, Хотя б за книжку тысячу дал Вирап, Но разве тысячу сдерешь с Вирапа.

Вержбицкий Коля!

Тоже друг хороший,—

Отдашь стихи, а он их в самый зад, Под объявления, где тресты да галоши, Как будто я галошам друг и брат.

Не обольщаюсь звоном сих регалий, Не отдаюсь ни славе, ни тцете, В душе застрял обиженный Бен-Гали

С неизлечимой дыркой в животе.

Дождусь ли дня и радостного срока, Поправятся ль мои печальные дела?

Ты восхитительна, «Заря Востока», Но «Западной» ты лучше бы была.

1924

ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот,

Не тот октябрь теперь.

В стране, где свищет непогода, Ревел и выл

Октябрь, как зверь,

Октябрь семнадцатого года.

Я помню жуткий

Снежный день.

Его я видел мутным взглядом.

Железная витала тень

«Над омраченным Петроградом».

Уже все чуяли грозу.

Уже все знали что-то.

Знали,

Что не напрасно, звать, везут

Солдаты черепах из стали.

Рассыпались...

Уселись в ряд...

У публики дрожат поджилки...

И кто-то вдруг сорвал плакат

Со стен трусливой учредилки.

И началось...

Метнулись взоры,

Войной гражданской горя,

И дымом пушечным с «Авроры»

Взошла железная заря.

Свершилась участь роковая,

И над страной под вопли «матов»

Взметнулась надпись огневая:

«Совет Рабочих Депутатов».

1924

ЛЬВУ ПОВИЦКОМУ

Старинный друг!

Тебя я вижу вновь

Чрез долгую и хладную

Разлуку.

Сжимаю я

Мне дорогую руку

И говорю, как прежде,

Про любовь.

Мне любо на тебя

Смотреть.

Взгрустни

И приласкай немного.

Уже я не такой,

Как впрעדь —

Бушуйный,

Гордый недотрога.

Перебесились мы,

Чего скрывать?

Уж я не я...

А ты ли это, ты ли?

По берегам

Морская гладь —

Как лошадь

Загнанная, в мыле.

Теперь влюблен

В кого-то я,

Люблю и тщетно

Призываю,

Но все же

Точкой корабля

К земле любимой

Приплываю.

1924

ЦВЕТЫ

I

Цветы мне говорят прощай,

Головками кивая низко.

Ты больше не увидишь близко

Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!

Я видел вас и видел землю,

И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.

Ну как же не любить мне вас,

Как не любить мне вас, цветы?

Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.

С моей душой стряслась беда.

С душой моей стряслась беда.

Шуми, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл

Мне в душу песней позвонил

И рассказал, что васильки

Очей любимых далеки.

Не пой! Не пой мне! Пощади.

И так огонь горит в груди.

Она пришла, как к рифме «вновь»

Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! Не всякий мог

Узнать, что сердцем я продрог, Не всякий этот холод в нем

Мог растопить своим огнем.

Не всякий, длани кто простер, Поймать сумеет долю злую.

Как бабочка — я на костер

Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,

Не называю их цветами.

Хоть прикасаюсь к ним устами, Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,

Который врос корнями в землю.

Его люблю я и приемлю,

Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,

Цветы — предшественники ягод, Они на землю градом лягут,

Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.

Цветы рябин другое дело.

Они как жизнь, как наше тело, Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! Прости, прости.

Ничто не обошел я мимо.

Но мне милее на пути,

Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.

Помрем — за нас придут другие.

Но это все же не такие —

Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,

Головками кивая низко,

Что не увидеть больше близко

Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидеть.

Я поражен другим цветеньем

И потому словесным пеньем

Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?

О милая, почувствуй ты,

Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,

А эта разве голова

Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и в стыть

Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,

И сердцем стал с тех пор добрей, Когда узнал, что в этом мире

То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом, И красный цвет был всех бойчей.

Их больше падало под вьюгой,

Но все же мощностью упругой

Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!

Мне страшно жаль

Те красные цветы, что пали.

Головку розы режет сталь,

Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!

Они и сталь сразят почище,

Из стали пустят корабли,

Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,

Что мир мне не монашья схима, Я ласково влагаю в стих,

Что все на свете повторимо.

И потому, что я пою,

Пою и вовсе не впусую,

Я милой голову мою

Отдам, как розу золотую.

1924

БАТУМ

Корабли плывут

В Константинополь.

Поезда уходят на Москву.

От людского шума ль

Иль от скопа ль

Каждый день я чувствую

Тоску.

Далеко я,

Далеко заброшен,

Даже ближе

Кажется луна.

Пригоршнями водяных горошин

Плещет черноморская

Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальной
В очарованную даль.
Может быть, из Гавра
Иль Марсея
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе — нет.
Запах моря в привкус
Дымно-горький.
Может быть,
Мисс Митчел
Или Клод
Обо мне вспомнят
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.
Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?
Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий

Окрик журавлей.

Не она ли это?

Не она ли?

Ну да разве в жизни

Разберешь?

Если вот сейчас ее

Догнали

И умчали

Брюки клеш.

Каждый день

Я прихожу на пристань,

Провожая всех,

Кого не жаль,

И гляжу все тягостней

И пристальней

В очарованную даль.

А другие здесь

Живут иначе.

И недаром ночью

Слышен свист,—

Это значит,

С ловкостью собачьей

Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится

Быстри.

Не уйдет подмеченный им

Враг,

Оттого так часто

Слышен выстрел

На морских, соленых

Берегах.

Но живуч враг,

Как ни вздынь его,

Потому синеет

Весь Батум.

Даже море кажется мне

Индиго

Под бульварный

Смех и шум.

А смеяться есть чему

Причина.

Ведь не так уж много

В мире див.

Ходит полоумный

Старичина,

Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,

Я вновь иду на пристань,

Провожая всех,

Кого не жаль,

И гляжу все тягостней

И пристальной

В очарованную даль.

1924

Этой грусти теперь не рассыпать

Звонким смехом далеких лет.

Отцвела моя белая липа,

Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым, Много в сердце теснилось чувств, А теперь даже нежное слово

Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы

Уж не так под луной хороши.

Буераки... пеньки... косогоры

Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,

Водянистая, серая гладь.

Это все мне родное и близкое, От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,

Плач овцы, и вдали на ветру

Машет тощим хвостом лошаденка, Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной, Это все, отчего на ней

Пьют и плачут в одно с непогодиной, Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать

Эту грусть смехом ранних лет.

Отцвела моя белая липа,

Отзвенел соловьиный рассвет.

1924

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть, и скоро мне в дорогу

Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!

Ты, земля! И вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих

Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете

Все, что душу облекает в плоть.

Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал, Много песен про себя сложил,

И на этой на земле угрюмой

Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве

И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи, Не звенит лебязьей шеей рожь.

Оттого пред сонмом уходящих

Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет

Этих нив, златящихся во мгле.

Оттого и дороги мне люди,

Что живут со мною на земле.

1924

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре

Того, кто русской стал судьбой, Стою я на Тверском бульваре,

Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,

В легендах ставший как туман, О Александр! Ты был повеса,

Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы

Не затемнили образ твой,

И в бронзе выкованной славы

Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем, И говорю в ответ тебе:

Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.
Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

1924

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда, —Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.
До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.
Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши, Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.
Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали, Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь, Да ракитник, кривой и безлистый, Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.
Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.
Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда.

26 мая 1924

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака, Что была моей юности друг.
Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен, Но припомнил я девушку в белом, Для которой был пес почтальон.
Не у всякого есть свой близкий, Но она мне как песня была,
Потому что мои записки

Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,

И мой почерк ей был незнаком, Но о чем-то подолгу мечтала

У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...

Не дождался... уехал... И вот

Через годы... известным поэтом

Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,

Но в ту ж масть, что с отливом в синь, С лаем ливисто ошалелым

Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!

Снова выплыла боль души.

С этой болью я будто моложе,

И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,

Но не лай ты! Не лай! Не лай!

Хочешь, пес, я тебя поцелую

За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом

И, как друга, введу тебя в дом...

Да, мне нравилась девушка в белом, Но теперь я люблю в голубом.

31 июля 1924

Отговорила роща золотая

Березовым, веселым языком,

И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.

О всех ушедших грезит конопляник

С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой, А журавлей относит ветер в даль, Я полон дум о юности веселой, Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно, Не жаль души сиреневую цветь.

В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,

От желтизны не пропадет трава, Как дерево роняет тихо листья, Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая, Сгребет их все в один ненужный ком...

Скажите так... что роща золотая

Отговорила милым языком.

1924

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я посетил родимые места,

Ту сельщину,

Где жил мальчишкой,

Где каланчой с березовою вышкой

Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,

В их бедном неприглядном быте.

Какое множество открытий

За мною следовало по пятам.

Отцовский дом

Не мог я распознать;

Приметный клен уж под окном не машет, И на крылечке не сидит уж мать, Кормя цыплят крупитчатую кашей.

Стара, должно быть, стала...

Да, стара.

Я с грустью озираюсь на окрестность: Какая незнакомая мне местность: Одна, как прежняя, белеется гора, Да у горы

Высокий серый камень.

Здесь кладбище!

Подгнившие кресты,

Как будто в рукопашной мертвецы, Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок, Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!

Укажи, дружок,

Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...

Да вон за той избой.

А ты ей что?

Сродни?

Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.

Но что, старик, с тобой?

Скажи мне,

Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,

Добро, что не узнал ты деда!..»

«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа

Слезами теплыми на пыльные цветы.

....

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...

А мне уж девяносто...

Скоро в гроб.

«Давно пора бы было воротиться»,—Он говорит, а сам все морщит лоб.

«Да!.. Время!..

Ты не коммунист?»

«Нет!..»

«А сестры стали комсомолки.

Такая гадость! Просто удавись!

Вчера иконы выбросили с полки, На церкви комиссар снял крест.

Теперь и Богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес, Молюсь осинам...

Может, пригодится...

Пойдем домой —

Ты все увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольной.

Я улыбаюсь пашням и лесам,

А дед с тоской глядит на колокольню.

... .

... .

«Здорово, мать! Здорово!» —

И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова, Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя,—

Но все ж готов упасть я на колени, Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...

Женщина с ребенком.

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!

Не тот ты стал,

Не тот.

Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней, Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона, Я знаю мир...

Люблю мою семью...

Но отчего-то все-таки с поклоном

Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,

Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал», О Марксе,

Энгельсе...

Ни при какой погоде

Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,

Как шустрая девчонка

Меня во всем за шиворот берет...

... .

... .

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

1 июня 1924

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

А.Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На переключке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый, В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница — бревенчатая птица

С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,

А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом, Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

И старые и молодые лица.

Но некому мне шляпой поклониться, Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы: Что родина?

Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый

Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!

Я, гражданин села,

Которое лишь тем и будет знаменито, Что здесь когда-то баба родила

Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит: «Опомнись! Чем же ты обижен?

Ведь это только новый свет горит

Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать, Другие юноши поют другие песни.

Они, пожалуй, будут интересней — Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина, какой я стал смешной!

На щеки впалые летит сухой румянец.

Язык сограждан стал мне как чужой, В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:

Воскресные сельчане

У волости, как в церковь, собрались.

Корявыми немытыми речами

Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой

Закат обрызгал серые поля.

И ноги босые, как телки под ворота, Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным, В воспоминаниях морщина лоб,

Рассказывает важно о Буденном, О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак,—Буржуя энтого... которого... в Крыму...»

И клены морщатся ушами длинных веток, И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол, И под гармонику, наяривая рьяно, Поют агитки Бедного Демьяна,

Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна, Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!

Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен.

Пускай меня сегодня не поют — Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все,

Как есть все принимаю.

Готов идти по выбитым следам, Отдам всю душу октябрю и маю, Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,—

Ни матери, ни другу, ни жене.

Лишь только мне она свои вверяла звуки

И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные, и здоровейте телом!

У вас иная жизнь. У вас другой напев.

А я пойду один к неведомым пределам, Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,

Когда на всей планете

Пройдет вражда племен,

Исчезнет ложь и грусть,—

Я буду воспевать

Всем существом в поэте

Шестую часть земли

С названьем кратким «Русь».

1924

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

С любовью —

прекрасному художнику

Г. Якулову

Пой песню, поэт,

Пой.

Ситец неба такой

Голубой.

Море тоже рокочет

Песнь.

Их было

26.

26 их было,

26.

Их могилы пескам

Не занести.

Не забудет никто

Их расстрел

На 207-ой

Версте.

Там за морем гуляет

Туман.

Видишь, встал из песка

Шаумян.

Над пустыней костлявый

Стук.

Вон еще 50

Рук

Вылезают, стирая

Плесень.

26 их было,

26.

Кто с прострелом в груди,

Кто в боку,

Говорят:

«Нам пора в Баку —

Мы посмотрим,

Пока есть туман,

Как живет

Азербайджан».

..

..

Ночь, как дыню,

Катит луну.

Море в берег

Струит волну.

Вот в такую же ночь

И туман

Расстрелял их

Отряд англичан.

Коммунизм —

Знамя всех свобод.

Ураганом вскипел

Народ.

На империю встали

В ряд

И крестьянин

И пролетарьят.

Там, в России,

Дворянский бич

Был наш строгий отец

Ильич.

А на Востоке

Здесь

Их было

26.

Все помнят, конечно,

Тот,

18-ый, несчастный

Год.

Тогда буржуа

Всех стран

Обстреливали

Азербайджан.

Тяжел был Коммуне

Удар.

Не вынес сей край

И пал,

Но жутче всем было

Весть

Услышать

Про 26.

В пески, что как плавленный

Воск,

Свезли их

За Красноводск,

И кто саблей,

Кто пулей в бок —

Всех сложили на желтый

Песок.

26 их было,

26.

Их могилы пескам

Не занести.

Не забудет никто

Их расстрел

На 207-ой

Версте.

Там за морем гуляет

Туман.

Видишь, встал из песка

Шаумян.

Над пустыней костлявый

Стук.

Вон еще 50

Рук

Вылезают, стирая

Плесень.

26 их было,

26.

..

Ночь как будто сегодня

Бледней.

Над Баку

26 теней.

Теней этих

26.

О них наша боль

И песнь.

То не ветер шумит,

Не туман.

Слышишь, как говорит

Шамян:

«Джапаридзе!

Иль я ослеп?

Посмотри:

У рабочих хлеб.

Нефть как черная

Кровь земли.

Паровозы кругом...

Корабли...

И во все корабли,

В поезда

Вбита красная наша

Звезда».

Джапаридзе в ответ:

«Да, есть.

Это очень приятная

Весть.

Значит, крепко рабочий

Класс

Держит в цепких руках

Кавказ.

Ночь, как дыню,

Катит луну.

Море в берег

Струит волну.

Вот в такую же ночь

И туман

Расстрелял нас

Отряд англичан».

Коммунизм —

Знамя всех свобод.

Ураганом вскипел

Народ.

На империю встали

В ряд

И крестьянин

И пролетарьят.

Там, в России,

Дворянский бич

Был наш строгий отец

Ильич.

А на Востоке,

Здесь,

26 их было,

26.

..

Свет небес все синей

И синей.

Молкнет говор

Дорогих теней.

Кто в висок прострелен,

А кто в грудь.

К Ахч-Куйме

Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,

Пой,

Ситец неба такой

Голубой.

Море тоже рокочет

Песнь —

26 их было,

26.

Сентябрь 1924

Баку

СТАНСЫ

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте

Много знаю.

Стихи — не очень трудные дела.

Но более всего

Любовь к родному краю

Меня томила,

Мучила и жгла.

Стишок писнуть,

Пожалуй, всякий может

О девушке, о звездах, о луне...

Но мне другое чувство

Сердце гложет,

Другие думы

Давят череп мне.

Хочу я быть певцом

И гражданином,

Чтоб каждому,

Как гордость и пример,

Был настоящим,

А не сводным сыном

В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:

С милицией я ладить

Не в сноровке,

За всякий мой пивной скандал

Они меня держали

В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих, Но очень жестко

Спать там на скамейке

И пьяным голосом

Читать какой-то стих

О клеточной судьбе

Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным, Зато в глазах моих

Прозрений дивных свет.

Я вижу все.

И ясно понимаю,

Что эра новая —

Не фунт изюму нам,

Что имя Ленина

Шумит, как ветер по краю,

Давая мыслям ход,

Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!

Для вас обещан прок.

Я вам племянник,

Вы же мне все дяди.

Давай, Сергей,

За Маркса тихо сядем,

Понюхаем премудрость

Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут

В туманную реку.

Мелькают города,

Как буквы по бумаге.

Недавно был в Москве,

А нынче вот в Баку.

В стихию промыслов

Нас посвящает Чагин.

«Смотри, — он говорит,—

Не лучше ли церквей

Вот эти вышки

Черных нефть-фонтанов.

Довольно с нас мистических туманов.

Воспой, поэт,

Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.
Я полон дум об индустриальной мощи, Я слышу голос человеческих сил.

Довольно с нас
Небесных всех светил,
Нам на земле
Устроить это прощье.
И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

1924

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.
Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне, Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.
Я уходящих в грусти не виню,
Ну, где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню

Остались догнывать и осыпаться.

И я, я сам —

Не молодой, не старый,

Для времени навозом обречен.

Не потому ль кабацкий звон гитары

Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,

Звени, звени!

Сыграй, цыганка, что-нибудь такое, Чтоб я забыл отравленные дни, Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,

И потому я на нее в обиде,

Что юность светлую мою

В борьбе других я не увидел.

Что видел я?

Я видел только бой

Да вместо песен

Слышал канонаду.

Не потому ли с желтой головой

Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.

В сонме бурь

Неповторимые я вынес впечатленья.

Вихрь нарядил мою судьбу

В золототканое цветенье.

Я человек не новый!

Что скрывать?

Остался в прошлом я одной ногою, Стремясь догнать стальную рать, Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.

Те

Еще несчастней и забытей,

Они, как отрубы в решетке,

Средь непонятных им событий.

Я знаю их

И подсмотрел:

Глаза печальнее коровьих.

Средь человеческих мирных дел,

Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?

Не троньте!

Будет запах смрада.

Они в самих себе умрут,

Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,

Те, что верят,

Что тянут в будущее робкий взгляд.

Почесывая зад и перед,

Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,

О чем крестьянская судачит оголь: «С Советской властью жить нам по нутрю...

Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,

Чья жизнь в сплошном

Картофеле и хлебе.

Чего же я ругаюсь по ночам

На неудачный горький жребий?

Я тем завидую,

Кто жизнь провел в бою,

Кто защищал великую идею.

А я, сгубивший молодость свою, Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!

Какой большой скандал!

Я очутился в узком промежутке.

Ведь я мог дать

Не то, что дал,

Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,

Звени, звени!

Сыграй, цыганка, что-нибудь такое, Чтоб я забыл отравленные дни, Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине, Не вылечить души

Пустыней и отколом.

Знать, оттого так хочется и мне, Задрав штаны,

Бежать за комсомолом.

2 ноября 1924

РУСЬ БЕСПРИЮТНАЯ

Товарищи, сегодня в горе я,

Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история —
История об Оливере Твисте.
Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравьи молятся
Всех членов Совнаркома.
И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,
Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.
Ирония судьбы!
Мы все остращены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.
И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».
Россия-мать!
Прости меня,

Прости!

Но эту дикость, подлую и злую, Я на своем недлительном пути

Не приголублю

И не поцелую.

У них жилища есть,

У них есть хлеб,

Они с молитвами

И благостны и сыты.

Но есть на этой

Горестной земле,

Что всеми добрыми

И злыми позабыты.

Мальчишки лет семи-восьми

Снуют средь штатов без призора, Бестелыми корявыми костями

Они нам знак

Тяжелого укора.

Товарищи, сегодня в горе я,

Проснулась боль в угасшем скандалисте.

Мне вспомнилась

Печальная история —

История об Оливере Твисте.

Я тоже рос

Несчастный и худой,

Средь жидких,

Тягостных рассветов.

Но если б встали все

Мальчишки чередой,

То были б тысячи

Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин,

Лермонтов,

Кольцов,

И наш Некрасов в них,

В них я,

В них даже Троцкий,

Ленин и Бухарин.

Не потому ль мой грустью

Веет стих,

Глядя на их

Невымытые хари.

Я знаю будущее...

Это их...

Их календарь...

И вся земная слава.

Не потому ль

Мой горький, буйный стих

Для всех других —

Как смертная отрава.

Я только им пою,

Ночующим в котлах,

Пою для них,

Кто спит порой в сортире.

О, пусть они

Хотя б прочтут в стихах,

Что есть за них

Обиженные в мире.

1924

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните,

Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстояньи.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состояньи.
Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гуцу бурь и вьюг
Ее направил величаво.
Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.
Тогда и я
Под дикий шум,
Незрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм, Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.
Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...

...

Теперь года прошли,

Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином: Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,

Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та —

Живете вы

С серьезным, умным мужем;

Что не нужна вам наша маета,

И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

Сергей Есенин.

1924

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Писали раньше

Ямбом и октавой.

Классическая форма

Умерла.

Но ныне, в век наш

Величавый,

Я вновь ей вздернул

Удила.

Земля далекая!

Чужая сторона!

Грузинские кремнистые дороги.

Вино янтарное

В глаза струит луна,

В глаза глубокие,

Как голубые роги.

Поэты Грузии!

Я ныне вспомнил вас.

Приятный вечер вам,

Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,

По перу,

Словесных рек кипение

И шорох,

Я вас люблю,

Как шумную Куру,

Люблю в пирах и в разговорах.

Я — северный ваш друг

И брат!

Поэты — все единой крови.

И сам я тоже азиат

В поступках, в помыслах

И слове.

И потому в чужой

Стране

Вы близки

И приятны мне.

Века всё смелют,

Дни пройдут,

Людская речь

В один язык сольется.

Историк, сочиняя труд,

Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:

В пропасти времен

Есть изысканья и приметы...

Дрались сонмища племен,

Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует

Вещий знак:

Поэт поэту

Есть кунак.

Самодержавный

Русский гнет

Сжимал все лучшее за горло,

Его мы кончили —

И вот

Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,

Своим мотивом и наречьем,

Мы всяк

По-своему поем,

Поддавшись чувствам

Человечьим...

Свершился дивный

Рок судьбы:

Уже мы больше

Не рабы.

Поэты Грузии,

Я ныне вспомнил вас,

Приятный вечер вам,

Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,

По перу,

Словесных рек кипение

И шорох,

Я вас люблю,

Как шумную Куру,

Люблю в пирах и в разговорах.

1924

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

Чего же мне

Еще теперь придумать,

О чем теперь

Еще мне написать?

Передо мной

На столике угрюмом

Лежит письмо,

Что мне прислала мать.

Она мне пишет:

«Если можешь ты,

То приезжай, голубчик,

К нам на святки.

Купи мне шаль,

Отцу купи порты,

У нас в дому

Большие недостатки.

Мне страх не нравится,

Что ты поэт,

Что ты сдружился

С славою плохую.

Гораздо лучше б

С малых лет

Ходил ты в поле за сохой.

Стара я стала

И совсем плоха,

Но если б дома

Был ты изначала,

То у меня

Была б теперь сноха

И на ноге

Внучонка я качала.

Но ты детей

По свету растерял,

Свою жену

Легко отдал другому,

И без семьи, без дружбы,

Без причал

Ты с головой

Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,

Что с тобой?

Ты был так кроток,

Был ты так смиренен.

И говорили все наперебой:

Какой счастливый

Александр Есенин!

В тебе надежды наши

Не сбылись,

И на душе

С того больней и горьше,

Что у отца

Была напрасной мысль,

Чтоб за стихи

Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты

Ни брал,

Ты не пошлешь их в дом,

И потому так горько

Речи льются,

Что знаю я

На опыте твоём:

Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,

Что ты поэт,

Что ты сдружился

С славою плохую.

Гораздо лучше б

С малых лет

Ходил ты в поле за сохой.

Теперь сплошная грусть,

Живем мы, как во тьме.

У нас нет лошади.

Но если б был ты в доме,

То было б все,

И при твоём уме —

Пост председателя

В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,

Никто б нас не тянул,

И ты б не знал

Ненужную усталость.

Я б заставляла

Прясть

Твою жену,

А ты как сын

Покоил нашу старость».

..

Я комкаю письмо,

Я погружаюсь в жуть.

Ужель нет выхода

В моем пути заветном?

Но все, что думаю,

Я после расскажу.

Я расскажу

В письме ответном...

1924

ОТВЕТ

Старушка милая,

Живи, как ты живешь.

Я нежно чувствую

Твою любовь и память.

Но только ты

Ни капли не поймешь —

Чем я живу
И чем я в мире занят.
Теперь у вас зима,
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.
Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.
Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!
Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.
Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!

И лишь о ней

Страдаю и скорблю,

Ее одну

Я жду и призываю!

Но эта пакость —

Хладная планета!

Ее и в триста солнц

Пока не растопить!

Вот потому

С больной душой поэта

Пошел скандалить я,

Озорничать и пить.

Но время будет,

Милая, родная!

Она придет, желанная пора!

Недаром мы

Присели у орудий:

Тот сел у пушки,

Этот — у пера.

Забудь про деньги ты,

Забудь про все.

Какая гибель?!

Ты ли это, ты ли?

Ведь не корова я,

Не лошадь, не осел,

Чтобы меня

Из стойла выводили!

Я выйду сам,

Когда настанет срок,

Когда пальнуть

Придется по планете.

И, воротясь,

Тебе куплю платок,

Ну, а отцу

Куплю я штуки эти.

Пока ж — идет метель.

И тысячей дьячков

Поет она плакидой —

Сволочь-вьюга.

И снег ложится

Вроде пяточков,

И нет за гробом

Ни жены, ни друга.

1924

ПИСЬМО ДЕДУ

Покинул я

Родимое жилище.

Голубчик! Дедушка!

Я вновь к тебе пишу.

У вас под окнами

Теперь метели свищут,

И в дымовой трубе

Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей

Залезло на чердак.

А ты всю ночь не спишь

И дрыгаешь ногою.

И хочется тебе,

Накинув свой пиджак,

Пойти туда,

Избить всех кочергою.

Наивность милая

Нетронутой души!

Недаром прадед

За овса три меры

Тебя к дьячку водил

В заброшенной глуши

Учить: «Достойно есть»

И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.

Отборный корм

Ему любви порука.

И, самого себя

Призвав на суд,

Тому же са?мому

Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой

Не постиг.

И, к горечи твоей,

Ушел в страну чужую.

По-твоему, теперь

Бродягою брожу я,

Слагая в помыслах

Ненужный глупый стих.

Ты говоришь,

Что у тебя украли,

Что я дурак,

А город — плут и мот.

Но только, дедушка,

Едва ли так, едва ли,

Плохую лошадь

Вор не уведет.

Плохую лошадь

Со двора не сгонишь,

Но тот, кто хочет

Знать другую гладь,

Тот скажет:

Чтоб не сгнуть в затоне,

Страну родную

Нужно покидать.

Вот я и кинул.

Я в стране далекой.

Весна.

Здесь розы больше кулака.

И я твоей

Судьбине одинокой

Привет их теплый

Шлю издалека.

Теперь метель

Вовсю свистит в Рязани.

А у тебя

Меня увидеть зуд.

Но ты ведь знаешь —

Никакие сани

Тебя сюда

Ко мне не довезут.

Я знаю —

Ты б приехал к розам,

К теплу.

Да только вот беда:

Твое проклятье

Силе паровоза

Тебя навек

Не сдвинет никуда.

А если я помру?

Ты слышишь, дедушка?

Помру я?

Ты сядешь или нет в вагон,

Чтобы присутствовать

На свадьбе похорон

И спеть в последнюю

Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.

Садись без слез,

Доверься ты

Стальной кобыле.

Ах, что за лошадь,

Что за лошадь паровоз!

Ее, наверное,

В Германии купили.

Чугунный рот ее

Привык к огню,

И дым над ней, как грива,—

Черен, густ и четок.

Такую б гриву

Нашему коню,

То сколько б вышло

Разных швабр и щеток!

Я знаю —

Время даже камень крошит.

И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь.
Поймешь и то,
Что я ушел не даром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.
В стране, объятай вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь
Вор не уведет.
Декабрь 1924
Батум
МЕТЕЛЬ
Прядите, дни, свою былую пряжу, Живой души не перестроить век.
Нет!
Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.
Хочу читать, а книга выпадает, Долит зевота,
Так и клонит в сон...
А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.
Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.
Какой он клен?
Он просто столб позорный —
На нем бы вешать
Иль отдать на слом.
И первого

Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной,
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.
Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночью не голосили.
Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.
Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...
Луну, наверное,
Собаки съели —
Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.
Оглуший кот
Внимает той беседе,

С лежанки свесив

Важную главу.

Недаром говорят

Пугливые соседи,

Что он похож

На черную сову.

Глаза смежаются,

И как я их прищурю,

То вижу въявь

Из сказочной поры:

Кот лапой мне

Показывает дулю,

А мать — как ведьма

С киевской горы.

Не знаю, болен я

Или не болен,

Но только мысли

Бродят невпопад.

В ушах могильный

Стук лопат

С рыданьем дальних

Колоколен.

Себя усопшего

В гробу я вижу.

Под аллилуйные

Стенания дьячка

Я веки мертвому себе

Спускаю ниже,

Кладя на них

Два медных пяточка.

На эти деньги,

С мертвых глаз,

Могильщику теплее станет,—

Меня зарыв,

Он тот же час

Себя сивухой остаканит.

И скажет громко:

«Вот чудак!

Он в жизни

Буйствовал немало...

Но одолеть не мог никак

Пяти страниц

Из «Капитала»».

Декабрь 1924

ВЕСНА

Припадок кончен.

Грусть в опале.

Приемлю жизнь, как первый сон.

Вчера прочел я в «Капитале»,

Что для поэтов —

Свой закон.

Метель теперь

Хоть чертом вой,

Стучись утопленником голым,

Я с отрезвевшей головой

Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,

Да и меня жалеть не нужно,

Коль мог покорно умереть

Я в этой завирухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!

Добрый день!

Не бойся!

Я тебя не трону.

И коль угодно,

На плетень

Садись по птичьему закону.

Закон вращения в мире есть,

Он — отношенье

Средь живущих.

Коль ты с людьми единой кущи, Имеешь право

Лечь и сесть.

Привет тебе,

Мой бедный клен!

Прости, что я тебя обидел.

Твоя одежда в рваном виде,

Но будешь

Новой наделен.

Без ордера тебе апрель

Зеленую отпустит шапку,

И тихо

В нежную охапку

Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,

Водой окатит из колодца,

Чтобы в суровом октябре

Ты мог с метелями бороться.

А ночью

Выплывет луна.

Ее не слопали собаки:

Она была лишь не видна

Из-за людской

Кровавой драки.

Но драка кончилась...

И вот —

Она своим лимонным светом

Деревьям, в зелень разодетым, Сиянье звучное

Польет.

Так пей же, грудь моя,

Весну!

Волнуйся новыми

Стихами!

Я нынче, отходя ко сну,

Не поругаюсь

С петухами.

Земля, земля!

Ты не металл.

Металл ведь

Не пускает почку.

Достаточно попасть

На строчку

И вдруг —

Понятен «Капитал».

Декабрь 1924

Стихотворения 1925 года

Синий май. Заревая теплынь.

Не прозвякнет кольцо у калитки.

Липким запахом веет полынь.

Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна

Вместе с рамами в тонкие шторы

Вяжет взбалмошная луна

На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,

Но чиста. Я с собой на досуге...

В этот вечер вся жизнь мне мила, Как приятная память о друге.

Сад польщит, как пенный пожар, И луна, напрягая все силы,

Хочет так, чтобы каждый дрожал

От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь, Под тальянку веселого мая,

Ничего не могу пожелать,

Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,

Все явись, в чем есть боль и отрада...

Мир тебе, отшумевшая жизнь.

Мир тебе, голубая прохлада.

1925

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне, Такую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне

На тихую, бесшумную погоду.

Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.

Пойми со мной хоть самое простое.

Ведь ты не знаешь, что такое жизнь, Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит, И у него гостей бывает в доме много, И каждый, улыбаясь, норовит

Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив, С такою милою доверчивой приятцей.

И, никого ни капли не спросив, Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей

Так много всяких и невсяких было.

Но та, что всех безмолвней и грустней, Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.

И без меня, в ее уставясь взгляд, Ты за меня лизни ей нежно руку

За все, в чем был и не был виноват.

1925

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз, И душа моя — поле безбрежное — Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,

Но того, что прошло, не кляню.

Словно тройка коней оголтелая

Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.

И пропали под дьявольский свист.

А теперь вот в лесной обители

Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?

Все спокойно впивает грудь.

Стой, душа, мы с тобой проехали

Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели, Что случилось, что стало в стране, И простим, где нас горько обидели

По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было, Только жаль на тридцатом году — Слишком мало я в юности требовал, Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь, Так же гнется, как в поле трава...

Эх ты, молодость, буйная молодость, Золотая сорвиголова!

1925

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки — Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, росла — ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.

Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-стало, сам не понимаю.

Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.

В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.

Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая, Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками, Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?

В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки, Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

Ну, целуй меня, целуй,

Хоть до крови, хоть до боли.

Не в ладу с холодной волей

Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка

Средь веселых не для нас.

Понимай, моя подружка,

На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,

Посмотри: во мгле сырой

Месяц, словно желтый ворон,

Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.

Песню тлен пропел и мне.

Видно, смерть мою почуял

Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!

Умирать так умирать!

До кончины губы милой

Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах, Не стыдясь и не тая,

В нежном шелесте черемух

Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой

Легкой пеной не погас —

Пей и пой, моя подружка:

На земле живут лишь раз!

1925

1 МАЯ

Есть музыка, стихи и танцы,

Есть ложь и лесть...

Пускай меня бранят за стансы —В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая —И поражен.

Готов был сгибнуть, обнимая

Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь

На чье-то «хны»,

Что в солнечной купались пряже

Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь, Не впасть как в дрожь?

Гуляли, пели сорок тысяч

И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!

Простей! Простей!

Мы пили за здоровье нефти

И за гостей.

И, первый мой бокал вздымая,

Одним кивком

Я выпил в этот праздник мая

За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень

Вдрезину лечь,

Я выпил гордо за рабочих

Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,

Как некий хан,

За то, чтоб не сгибалась в хрипе

Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты, Чтоб жизнь губя...

Вот потому я пил четвертый

Лишь за себя.

1925

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

О Дельвиге писал наш Александр, О черепе выласкивал он

Строки.

Такой прекрасный и такой далекий, Но все же близкий,

Как цветущий сад!

Привет, сестра!

Привет, привет!

Крестьянин я иль не крестьянин?!

Ну как теперь ухаживает дед

За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!

Ты их не забыла?

И сколько было у отца хлопот, Чтоб наша тощя

И рыжая кобыла

Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.

Нам был нужен сад.

И сад губили,

Да, губили, душка!

Об этом знает мокрая подушка

Немножко... Семь...

Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,

Звонкий праздник мая.

Цвела черемуха,

Цвела сирень.

И, каждую березку обнимая,

Я был пьяней,

Чем синий день.

Березки!

Девушки-березки!

Их не любить лишь может тот,

Кто даже в ласковом подростковом

Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!

Друзей так в жизни мало!

Как и на всех,

На мне лежит печать...

Коль сердце нежное твое

Устало,

Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.

Саша был хороший.

И Лермонтов

Был Саше по плечу.

Но болен я...

Сиреновой порошей

Теперь лишь только

Душу излечу.

Мне жаль тебя.

Останешься одна,

А я готов дойти

Хоть до дуэли.

«Блажен, кто не допил до дна»[2]

И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..

Сад...

Ведь и по нем весной

Пройдут твои

Заласканные дети.

О!

Пусть они

Помянут невпопад,

Что жили...

Чудаки на свете.

1925

Заря окликает другую,

Дымится овсяная гладь...

Я вспомнил тебя, дорогую,

Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,

Костыль свой сжимая в руке,

Ты смотришь на лунный опорок, Плывающий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,

С тревогой и грустью большой, Что сын твой по отчему краю

Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста

И, в камень уставясь в упор,

Вздыхаешь так нежно и просто

За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.
Довольно скорбеть! Довольно!

И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.
Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне — чем сгнивать на ветках — Уж лучше сгореть на ветру.

1925

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность, Что, любя, проклинал не один.
По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы, Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил.
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.
Мне теперь по душе иное...

И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.
Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь, Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.
И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

1925

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.

Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.

И сердце под рукой теперь больней и ближе, И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!

Хладеет кровь, ослабевают силы.

Но донесу, как счастье, до могилы

И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!

В последний раз я друга обниму...

Чтоб голова его, как роза золотая, Кивала нежно мне в сиреновом дыму.

Май 1925

Я иду долиной. На затылке кепи, В лайковой перчатке смуглая рука.

Далеко сияют розовые степи,

Широко синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.

Только б слушать песни — сердцем подпевать, Только бы струилась легкая прохлада, Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы — Сколько там нарядных мужиков и баб!

Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы...

«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.

Как ты любишь долы, так бы труд любил.

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?

Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо — не грабли, ах, коса — не ручка, — Но косою выводят строчки хоть куда.

Под весенним солнцем, под весенней тучкой

Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.

Что же, дайте косу, я вам покажу — Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.

Хорошо косою в утренний туман

Выводить по долам травяные строчки, Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках — песня, в этих строчках — слово.

Потому и рад я в думах ни о ком, Что читать их может каждая корова, Отдавая плату теплым молоком.

18 июля 1925

Я помню, любимая, помню

Сиянье твоих волос...

Не радостно и не легко мне

Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,

Березовый шорох теней...

Пусть дни тогда были короче,

Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:

«Пройдут голубые года,

И ты позабудешь, мой милый,

С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа

Напомнила чувствам опять,

Как нежно тогда я сыпал

Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь

И грустно другую любя,

Как будто любимую повесть

С другой вспоминает тебя.

1925

Тихий ветер. Вечер сине-хмурый.

Я смотрю широкими глазами.

В Персии такие ж точно куры,

Как у нас в соломенной Рязани.

Тот же месяц, только чуть пошире, Чуть желтее и с другого края.

Мы с тобою любим в этом мире

Одинаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые, — не в воле я, не в силах, Не могу не прославлять, не петь их.

Так же девушки здесь обнимают милых

До вторых до петухов, до третьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знакома, Это чувство знают даже кошки, Только я с отчизной и без дома

От нее собираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду — Есть везде родные сердцу куры, Для меня рассеяны повсюду

Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю

И для них лишь говорю стихами: Оттого, знать, люди любят землю, Что она пропахла петухами.

1925

Море голосов воробьиных.

Ночь, а как будто ясно.

Так ведь всегда прекрасно.

Ночь, а как будто ясно,

И на устах невинных

Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое, —

Светит — хоть кинься в воду.

Я не хочу покоя

В синюю эту погоду.

Ах, у луны такое, —

Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?

Эти уста не устали.

Эти уста, как в струях,

Жизнь утолят в поцелуях.

Милая, ты ли? та ли?

Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.

Близко, а, может, гдей-то

Плачет веселая флейта.

В тихом вечернем гуде

Чту я за лилии груди.

Плачет веселая флейта,

Сам я не знаю, что будет.

1925

Вижу сон. Дорога черная.

Белый конь. Стопа упорная.

И на этом на коне

Едет милая ко мне.

Едет, едет милая,

Только нелюбимая.

Эх, береза русская!

Путь-дорога узкая.

Эту милую, как сон,

Лишь для той, в кого влюблен, Удержи ты ветками,

Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.

Хорошо копытит конь.

Свет такой таинственный,

Словно для единственной —

Той, в которой тот же свет

И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.

От стихов дурак и пьян.

Но и все ж за эту прыть,

Чтобы сердцем не остыть,

За березовую Русь

С нелюбимой помирюсь.

Июль 1925

Спит ковыль. Равнина дорогая, И свинцовой свежести полынь.

Никакая родина другая

Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь, И, пожалуй, всякого спроси —Радуюсь, свирепствуя и мучась, Хорошо живется на Руси?

Свет луны, таинственный и длинный, Плачут вербы, шепчут тополя.

Но никто под окрик журавлиный

Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом

И моей коснулась жизнь судьбы, Все равно остался я поэтом

Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью, Вижу я, как сильного врага,

Как чужая юность брызжет новью

На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый, Я могу прочувственно пропеть: Дайте мне на родине любимой,

Все любя, спокойно умереть!

Июль 1925

Не вернусь я в отчий дом,

Вечно странствующий странник.

Об ушедшем над прудом

Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга

Обо мне поют крапивой, —

Брызжет полночью дуга,

Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,

Даже шапки не докинуть.

Песне тайна не дана,

Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет

В отчий дом ведут дороги.

Повезут глухие дроги

Полугруп, полускелет.

Ведь не даром с давних пор

Поговорка есть в народе:

Даже пес в хозяйский двор

Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —

Жил и не жил бедный странник...

...

В синий вечер над прудом

Прослезится конопляник.

1925

Над окошком месяц. Под окошком ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.

Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку

Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.

Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

Каждый труд благослови, удача!

Рыбаку — чтоб с рыбой невода, Пахарю — чтоб плуг его и кляча

Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов, Из кувшинок также можно пить —Там, где омут розовых туманов

Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой

И, впиваясь в призрачную гладь, Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...

Потому так и светлы всегда

Те, что в жизни сердцем опростели

Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин, И теперь рассказываю сам,

Соглядатай праздный, я ль не странен

Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то, Словно кто-то к родине отвык, И с того, поднявшись над болотом, В душу плачут чибис и кулик.

Июль 1925

Видно, так заведено навеки —

К тридцати годам перебесясь,

Все сильней, прожженные калеки, С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днем.

Оттого и сердцу стало сниться, Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая, И недаром в липовую цветь

Вынул я кольцо у попугая —

Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.

Сняв с руки, я дал его тебе,

И теперь, когда грустит шарманка, Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут, И на сердце изморозь и мгла:

Может быть, кому-нибудь другому

Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета, Он тебя спрашивает сам,

Как смешного, глупого поэта

Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.

Только горько видеть жизни край.

В первый раз такого хулигана

Обманул проклятый попугай.

Июль 1925

Листья падают, листья падают.

Стонет ветер,

Протяжен и глух.

Кто же сердце порадует?

Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками

Я смотрю и смотрю на луну.

Вот опять петухи кукарекнули

В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.

И летающих звезд благодать.

Загадать бы какое желание,

Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею, Проклиная удел свой и дом?

Я хотел бы теперь хорошую

Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми

Только мне —

Не кому-нибудь —

И словами и чувствами новыми

Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под эту белую лунностью, Принимая счастливый удел,

Я над песней не таял, не млеп

И с чужою веселою юностью

О своей никогда не жалел.

Август 1925

Гори, звезда моя, не падай.

Роняй холодные лучи.

Ведь за кладбищенской оградой

Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью

И наполняешь тишь полей

Такой рыдалистою дрожью

Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,

Не то за рощей — за холмом

Я снова чью-то песню слышу

Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,

В березах убавляя сок,

За всех, кого любил и бросил, Листовою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро

Ни по моей, ни чьей вине

Под низким траурным забором

Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,

И сердце превратится в прах.

Друзья поставят серый камень

С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля, Я для себя сложил бы так:

Любил он родину и землю,

Как любит пьяница кабак.

17 Августа 1925

Жизнь — обман с чарующей тоскою, Оттого так и сильна она,

Что своею грубою рукою

Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою, Говорю: «Лишь сердце потревожь, Жизнь — обман, но и она порою

Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу, По луне гадая о судьбе,

Успокойся, смертный, и не требуй

Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге

Думать так, что эта жизнь — стезя

Пусть обманут легкие подруги, Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом, Пусть острее бритвы злой язык, —Я живу давно на все готовым,

Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,

Нет тепла от звездного огня.

Те, кого любил я, отреклись,

Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый, Я, смотря с улыбкой на зарю,

На земле, мне близкой и любимой, Эту жизнь за все благодарю.

17 Августа 1925

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело

Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли, дорога.

Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.

Ей чужая юность ничего не значит.

Ну, а если значит — проживет не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня звяньше.

Все равно не будет то, что было раньше.

За былуп силу, гордость и осанку

Только и осталась песня под тальянку.

8 Сентября 1925

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,

Только, знаешь, в душе затаю

Не в плохой, а в хорошей обиде —Повторяешь ты юность мою.

Ты — мое васильковое слово,

Я навеки люблю тебя.

Как живет теперь наша корова, Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,

Исцеляй меня детским сном.

Отгорела ли наша рябина,

Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?

Я навеки покинул село,

Только знаю — багряной метелью

Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе

Вместо ласки и вместо слез

У ворот, как о сгибшей невесте, Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо, Потому и достался не в срок,

Как любовь, как печаль и отрада, Твой красивый рязанский платок.

13 Сентября 1925

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек, Нам с тобой их не счесть никогда.

Сердцу снится душистый горошек, И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок, Только помню с далекого дня —На лежанке мурлыкал котенок,

Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,

Но под бабкину песню вскок

Он бросался, как юный тигренок, На оброненный ею клубок.

Все прошло. Потерял я бабку,

А еще через несколько лет

Из кота того сделали шапку,

А ее износил наш дед.

13 Сентября 1925

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде

Напевала нам старая мать.

Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.
Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.
Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты, Лишь немного глаза прикрою —Вижу вновь дорогие черты.
Ты мне пой. Ведь моя отрада —Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.
Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.
Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.
Потому так и сердцу не жестко —Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

13 Сентября 1925

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий, Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.
В первый раз я от месяца греюсь, В первый раз от прохлады согрет, И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.
Это сделала наша равнинность, Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.
Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

13 Сентября 1925

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он
С рукой своей воздетой
Сказал, что мир —
Единая семья.
Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.
Не то что мы,
Которым все так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.
Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.
Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский

Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.
Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.
Он — рулевой
И капитан.
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия его —
Матросы.
Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.
Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песни
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.
Он скажет:
«Только тот пловец,

Кто, закалив

В бореньях душу,

Открыл для мира наконец

Никем не виданную

Сушу».

17 января 1925

Батум

Эх вы, сани! А кони, кони!

Видно, черт их на землю принес.

В залихватском степном разгоне

Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая

В далеке, в стороне, в пустыре.

Поддержись, моя жизнь удалая, Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, —Хочешь, сам я тебе подпою

Про лукавые девичьи очи,

Про веселую юность мою.

Эх, бывало заломишь шапку,

Да заложешь в оглобли коня,

Да приляжешь на сена охапку, —Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,

А в полуночную тишину

Разговорчивая тальянка

Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.

Конь издох, опустел наш двор.

Потеряла тальянка голос,

Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,

Так приятны мне снег и мороз, Потому что над всем, что было, Колокольчик хохочет до слез.

19 сентября 1925

Снежная замать дробится и колется, Сверху озябшая светит луна.

Снова я вижу родную околицу,

Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.

То, что далось мне, про то и пою.

Вот я опять за родительским ужином, Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся, Тихо, безмолвно, как будто без мук.

Хочет за чайную чашку взяться — Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная, С думами грустными ты не дружись, Слушай — под эту гармонику снежную

Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал, Много любил я и много страдал, И оттого хулиганил и пьянствовал, Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь, Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.

Снова я ожил и снова надеюсь

Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы, В диком и шумном метельном чаду, Кажется мне — осыпаются липы, Белые липы в нашем саду.

20 сентября 1925

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.

Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив, По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!

Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?

И станцуем вместе под тальянку трое.

3 Октября 1925

Голубая кофта. Синие глаза.

Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?

Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты

Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель, У меня на сердце без тебя метель».

3 Октября 1925

Снежная замять крутит бойко,

По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.

Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким

Вот на такой же бешеной тройке.

4/5 Октября 1925

Вечером синим, вечером лунным

Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо

Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...

Синее счастье! Лунные ночи!

4/5 Октября 1925

Не криви улыбку, руки беребя, Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо — Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно — Просто захотелось заглянуть в окно.

4/5 Октября 1925

Сочинитель бедный, это ты ли

Сочиняешь песни о луне?

Уж давно глаза мои остыли

На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,

Свет такой, хоть выколи глаза...

Ставил я на пиковую даму,

А сыграл бубнового туза.

4/5 Октября 1925

Синий туман. Снеговое раздолье, Тонкий лимонный лунный свет.

Сердцу приятно с тихой болью

Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.

Вот при такой же луне без слов, Шапку из кошки на лоб нахлобучив, Тайно покинул я отчий дров.

Снова вернулся я в край родимый.

Кто меня помнит? Кто позабыл?

Грустно стою я, как странник гонимый, — Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,

Не по душе мне соболий мех.

Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабу, Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем, Как в этой жизни радей не радей, — Вот почему так тянусь я к людям, Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал

И, улыбаясь, душой погас, —

Эту избу на крыльце с собакой

Словно я вижу в последний раз.

24 сентября 1925

Плачет метель, как цыганская скрипка.

Милая девушка, злая улыбка,

Я ль не робею от синего взгляда?

Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи — Ты молодая, а я все прожил.

Юношам счастье, а мне лишь память

Снежную ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.

Сердце метелит твоя улыбка.

4/5 октября 1925

Ах, метель такая, просто черт возьми!

Забивает крышу белыми гвоздями.

Только мне не страшно, и в моей судьбе

Непутевым сердцем я прибит к тебе.

4/5 октября 1925

Снежная равнина, белая луна,

Саваном покрыта наша сторона.

И березы в белом плачут по лесам.

Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

4/5 октября 1925

Свищет ветер, серебряный ветер, В шелковом шелесте снежного шума.

В первый раз я в себе заметил — Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость, Я не жалею, и я не печален.

Мне все равно эта жизнь полюбилась, Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой — Я уж взволнован. Какие плечи!

Тройка ль проскачет дорогой зыбкой — Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!

Счастье людское землей любимо.

Тот, кто хоть раз на земле заплачет, — Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще, Все принимая, что есть на свете.

Вот почему, обалдев, над рощей

Свищет ветер, серебряный ветер.

14 октября 1925

Мелколесье. Степь и дали.

Свет луны во все концы.

Вот опять вдруг зарыдали

Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,

Да любимая навек,

По которой ездил много

Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!

Звоны мерзлые осин.

У меня отец — крестьянин,

Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность

И на то, что я поэт.

Эту чахленькую местность

Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды

Этот край и эту гладь,

Тот почти березке каждой

Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,

Если с венкой в стынь и звень

Будет рядом веселиться

Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,

Знать, с того под этот вой

Не одна лихая слава

Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

Цветы мне говорят — прощай,

Головками склоняясь ниже,

Что я навеки не увижу

Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!

Я видел их и видел землю,

И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —Я говорю на каждый миг,

Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой, Печаль ушедшего не сгложет,

Оставленной и дорогой

Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,

Любимая с другим любимым,

Быть может, вспомнит обо мне

Как о цветке неповторимом.

27 Октября 1925

Клен ты мой опавший, клен заледенелый, Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?

Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче что-то стал нестойкий, Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил, Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску, Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

Какая ночь! Я не могу.

Не спится мне. Такая лунность.

Еще как будто берегу

В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,

Не называй игру любовью,

Пусть лучше этот лунный свет

Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты

Он обрисовывает смело, —

Ведь разлюбить не сможешь ты, Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.

Вот оттого ты мне чужая,

Что липы тщетно манят нас,

В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,

Что в этот отсвет лунный, синий

На этих липах не цветы —

На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,

Ты не меня, а я — другую,

И нам обоим все равно

Играть в любовь недорогою.

Но все ж ласкай и обнимай

В лукавой страсти поцелуя,

Пусть сердцу вечно снится май

И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

Не гляди на меня с упреком,

Я презренья к тебе не таю,

Но люблю я твой свор с поволокой

И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой, И, пожалуй, увидеть я рад,

Как лиса, притворившись мертвой, Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.

Только как бы твой пыл не погас?

На мою охладевшую душу

Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,

Ты лишь отзвук, лишь только тень.

Мне в лице твоём снится другая, У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой

И, пожалуй, на вид холодна,

Но она величавой походкой

Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,

И не хочешь пойти, да пойдешь, Ну, а ты даже в сердце не вранишь

Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,

Я смущенно откроюсь навек:

Если б не было ада и рая,

Их бы выдумал сам человек.

1 декабря 1925

Ты меня не любишь, не жалеешь, Разве я немного не красив?

Не смотря в лицо, от страсти млеешь, Мне на плечи руки опустил.

Молодая, с чувственным оскалом, Я с тобой не нежен и не груб.

Расскажи мне, скольких ты ласкала?

Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени, Не коснувшись твоего огня,

Многим ты садилась на колени, А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи

И ты думаешь о ком-нибудь другом, Я ведь сам люблю тебя не очень, Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,

Легкодумна вспылчивая связь, —Как случайно встретился с тобою, Улыбнись, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой

Распылять безрадостные дни,

Только нецелованных не трогай, Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку

Ты пройдешь, болтая про любовь, Может быть, я выйду на прогулку, И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи

И немного наклонившись вниз,

Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»

Я отвечу: «Добры вечер, miss».

И ничто души не потревожит,

И ничто ее не бросит в дрожь, —Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

Может, поздно, может, слишком рано, И о чем не думал много лет,

Походить я стал на Дон-Жуана, Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?

Каждый день я у других колен.

Каждый день к себе теряю жалость, Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше

Вилось в чувствах нежных и простых, Что ж ищу в очах я этих женщин —Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,

Я всегда отмечен был тобой.

На душе холодное кипенье

И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката, И все то же слышно сквозь туман, —За свободу в чувствах есть расплата, Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,

Вижу я, что мне одно и то ж —Чтить метель за синий цветень мая, Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною случилось, И с того у многих я колен,

Чтобы вечно счастье улыбалось, Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Перстень счастья ищущий во мгле, Эту жизнь живу я словно кстати, Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке, Потому что многих целовал,

И, как будто зажигая спички,

Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек», А в уме всегда одно и то ж,

Если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко

Ни желать, ни требовать огня, Ты, моя ходячая березка,

Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную

И томясь в неласковом плену,

Я тебя нисколько не ревную,

Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Синь очей утративший во мгле, И тебя любил я только кстати, Заодно с другими на земле.

1925

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова, Не грусти и не печаль бровей, —В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей.

1925

МОЙ ПУТЬ

Жизнь входит в берега.

Села давнишний житель,

Я вспоминаю то,

Что видел я в краю.

Стихи мои,

Спокойно расскажите

Про жизнь мою.

Изба крестьянская.

Хомутный запах дегтя,

Божница старая,

Лампады кроткий свет.

Как хорошо,

Что я сберег те

Все ощущенья детских лет.

Под окнами

Костер метели белой.

Мне девять лет.

Лежанка, бабка, кот...

И бабка что-то грустное,

Степное пела,

Порой зевая

И крестя свой рот.

Метель ревела.

Под оконцем

Как будто бы плясали мертвецы.

Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мерещились кресты.
Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.
Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В Бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.
Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.
Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».
Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,

Текли мечтанья

В тайной тишине,

Что буду я

Известным и богатым

И будет памятник

Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет

Взлюбил я до печенок

И сладко думал,

Лишь уединюсь,

Что я на этой

Лучшей из девчонок,

Достигнув возраста, женюсь.

...

Года текли.

Года меняют лица —

Другой на них

Ложится свет.

Мечтатель сельский —

Я в столице

Стал первокласснейший поэт.

И, заболев

Писательскою скукой,

Пошел скитаться я

Средь разных стран,

Не веря встречам,

Не томясь разлукой,

Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,

Что такое Русь.

Я понял, что такое слава.

И потому мне

В душу грусть

Вошла, как горькая отравка.

На кой мне черт,

Что я поэт!..

И без меня в достатке дряни.

Пускай я сдохну,

Только.....

Нет,

Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...

Тоска...

И снисходительность дворянства.

Ну что ж!

Так принимай, Москва,

Отчаянное хулиганство.

Посмотрим —

Кто кого возьмет!

И вот в стихах моих

Забил

В салонный вылощенный

Сброд

Мочой рязанская кобыла.

Не нравится?

Да, вы правы —

Привычка к Лориган

И к розам...

Но этот хлеб,

Что жрете вы,—

Ведь мы его того-с...

Навозом...

Еще прошли года.

В годах такое было,

О чем в словах

Всего не рассказать:

На смену царщине

С величественной силой

Рабочая предстала рать.

Устав таскаться

По чужим пределам,

Вернулся я

В родимый дом.

Зеленокосая,

В юбчонке белой

Стоит береза над прудом.

Уж и береза!

Чудная... А груди...

Таких грудей

У женщин не найдешь.

С полей обрызганные солнцем

Люди

Везут навстречу мне

В телегах рожь.

Им не узнать меня,

Я им прохожий.

Но вот проходит

Баба, не взглянув.

Какой-то ток

Невыразимой дрожи

Я чувствую во всю спину.

Ужель она?

Ужели не узнала?

Ну и пускай,

Пускай себе пройдет...

И без меня ей

Горечи немало —

Недаром лег

Страдальчески так рот.

По вечерам,

Надвинув ниже кепи,

Чтобы не выдать

Холода очей,—

Хожу смотреть я

Скошенные степи

И слушать,

Как звенит ручей.

Ну что же?

Молодость прошла!

Пора приняться мне

За дело,

Чтоб озорливая душа

Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села

Меня наполнит

Новой силой,

Как раньше

К славе привела

Родная русская кобыла.

1925

СКАЗКА О ПАСТУШОНКЕ ПЕТЕ, ЕГО КОМИССАРСТВЕ И КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ

Пастушонку Пете

Трудно жить на свете:

Тонкой хворостиной

Управлять скотиной.

Если бы корова

Понимала слово,

То жилось бы Пете

Лучше нет на свете.

Но коровы в спуске

На траве у леса

Говори по-русски —

Смыслят ни бельмеса.

Им бы лишь мычалось

Да трава качалась.

Трудно жить на свете

Пастушонку Пете.

Хорошо весною

Думать под сосною,

Улыбаясь в дреме,

О родимом доме.

Май всё хорошеет,

Ели всё игольчей;

На коровьей шее

Плачет колокольчик.

Плачет и смеется

На цветы и травы,

Голос раздаётся

Звоном средь дубравы.

Пете-пастушонку

Голоса не новы,
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.
Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу —
Чести не уронит.
Любо хворостиной
Управлять скотиной.
В ночь у перелесиц
Спи и плюй на месяц.
Ну, а если лето —
Песня плохо спета.
Слишком много дела —
В поле рожь поспела.
Ах, уж не с того ли
Дни похорошели,
Все колосья в поле,
Как лебязьи шеи.
Но беда на свете
Каждый час готова,
Заезвася Петя —
В рожь зайдет корова.
А мужик как взглянет,
Разведет ручищей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.
Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.
Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.
Мокрый лист с осины
И дорожных ивоч
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.
Елка ли, кусток ли,

Только вплоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка тоже.
Некому открыться,
Весь как есть пропащий.
Вспуганная птица
Улетает в чашу.
И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке —
Утка улетела.
Рассказать дубровам —
У дубровы опадь.
Рассказать коровам —
Им бы только лопать.
Нет, никто на свете
На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.
Трудно хворостиной
Управлять скотиной.
Мыслил Петя с жаром:
То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.
Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.
А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.
И приснился Пете
Страшный сон на свете.
Все доступно в мире.
Петя комиссаром

На своей квартире
С толстым самоваром.
Чай пьет на террасе,
Ездит в тарангасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.
Но всегда недаром
Служат комиссаром.
Нужно знать все сроки,
Чтоб собирать оброки.
Чай, конечно, сладок,
А с вареньем дважды,
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.
Нужно знать законы,
Ну, а где же Пете?
Он еще иконы
Держит в волсовете.
А вокруг совета
В дождь и непогоду
С самого рассвета
Уймища народу.
Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой.
То построй им школу,
То давай им хлеба.
Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.
Ну, а где же Пете?
Он ведь пас скотину,
Понимал на свете
Только хворостину.
А народ суровый,
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.

С эдаким товаром

Дрянь быть комиссаром.

Взяли раз Петрушу

За живот, за душу,

Бросили в коляску

Да как дали таску...

..

Тут проснулся Петя...

Сладко жить на свете!

Встал, а день что надо,

Солнечный, звенящий,

Легкая прохлада

Овевает чащи.

Петя с кротким словом

Говорит коровам:

«Не хочу и даром

Быть я комиссаром».

А над ним береза,

Веткой утираясь,

Говорит сквозь слезы,

Тихо улыбаясь:

«Тяжело на свете

Быть для всех примером.

Будь ты лучше, Петя,

Раньше пионером».

Малышам в острастку,

В мокрый день осенний,

Написал ту сказку

Я — Сергей Есенин.

7/8 октября 1925

Персидские мотивы (1924–1925)

Улеглась моя былая рана —

Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана

Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами, Чтобы славилась пред русским чайхана, Угощает меня красным чаем

Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.

Много роз цветет в твоём саду.

Незадаром мне мигнули очи,

Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних

На цепи не держим, как собак, Поцелуям учимся без денег,

Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана, Что лицом похожа на зарю,

Подарю я шаль из Хороссана

И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,

Я тебе вовеки не солгу.

За себя я нынче отвечаю,

За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень, Все равно калитка есть в саду...

Незадаром мне мигнули очи,

Приоткинув черную чадру.

1924

Я спросил сегодня у менялы,

Что дает за полтумана по рублю, Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы

Легче ветра, тише Ванских струй, Как назвать мне для прекрасной Лалы

Слово ласковое «поцелуй»?

И ещё спросил я у менялы,

В сердце робость глубже притая, Как сказать мне для прекрасной Лалы, Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:

О любви в словах не говорят,

О любви вздыхают лишь украдкой, Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,

Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуи веют,

Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,

С нею знают радость и беду.

«Ты — моя» сказать лишь могут руки, Что срывали черную чадру.

1924

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли, Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли, Что луна там огромней в сто раз, Как бы ни был красив Шираз,

Он не лучше рязанских раздолий.

Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле, Эти волосы взял я у ржи,

Если хочешь, на палец вяжи —

Я нисколько не чувствую боли.

Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне

По кудрям ты моим догадайся.

Дорогая, шути, улыбайся,

Не буди только память во мне

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа,

Может, думает обо мне...

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

Ты сказала, что Саади

Целовал лишь только в грудь.

Подожди ты, бога ради,

Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Евфратом

Розы лучше смертных дев».

Если был бы я богатым,

То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,

Ведь одна отрада мне —

Чтобы не было на свете

Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,

У меня заветов нет.

Коль родился я поэтом,

То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море, Пыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном, Не возил я шелк туда и хну.

Наклонись своим красивым станом, На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я, Для тебя навеки дела нет,

Что в далеком имени — Россия — Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка, При луне собачий слышу лай.

Разве ты не хочешь, персиянка, Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —

Ты меня, незримая, звала.

И меня твои лебяжьи руки

Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,

И хоть прошлой жизни не клянусь, Расскажи мне что-нибудь такое

Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки, Напой дыханьем свежих чар,

Чтобы я о дальней северянке

Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —

Я тебе придумаю о нем.

Все равно — глаза твои, как море, Голубым колышутся огнем.

1924

Свет вечерний шафранного края, Тихо розы бегут по полям.

Спой мне песню, моя дорогая,

Ту, которую пел Хаям.

Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,

Кружит звезд мотыльковый рой.

Мне не нравится, что персияне

Держат женщин и дев под чадрой.

Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,

Закрывая телесную медь?

Или, чтобы их больше любили,

Не желают лицом загореть,

Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись, Заучи эту заповедь вкратце,

Ведь и так коротка наша жизнь, Мало счастьем дано любоваться.

Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке

Осеньет своя благодать.

Потому и прекрасные щеки

Перед миром грешно закрывать, Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.

Сердцу снится страна другая.

Я спою тебе сам, дорогая,

То, что сроду не пел Хаям...

Тихо розы бегут по полям.

1924

Воздух прозрачный и синий,

Выйду в цветочные чащи.

Путник, в лазурь уходящий,

Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,

Садом — в цветенье диком,

Ты не удержишься взглядом,

Чтоб не припасть к гвоздикам.

Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест —

Нежность, как песни Саади.

Вмиг отразится во взгляде

Месяца желтая прелесть

Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,

Тихий, как флейта Гассана.

В крепких объятиях стана

Нет ни тревог, ни потери,

Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный

Всех, кто в пути устали.

Ветер благоуханный

Пью я сухими устами,

Ветер благоуханный.

1925

Золото холодное луны,

Запах олеандра и левкоя.

Хорошо бродить среди покоя

Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,

Где жила и пела Шахразада.

Но теперь ей ничего не надо.

Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли

Поросли кладбищенской травой.

Ты же, путник, мертвым не внемли, Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо другом:

Губы к розам так и тянет, тянет.

Помиришь лишь в сердце со врагом —И тебя блаженством ошафранит.

Жить — так жить, любить — так уж и влюбляться

В лунном золоте целуйся и гуляй, Если ж хочешь мертвым поклоняться, То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, —

Так вторично скажет листьев медь.

Тех, которым ничего не надо,

Только можно в мире пожалеть.

1925

В Хороссане есть такие двери, Где обсыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.

В Хороссане есть такие двери, Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы, В волосах есть золото и медь.

Голос пери нежный и красивый.

У меня в руках довольно силы, Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.

И зачем? Кому мне песни петь? —Если стала неревнивой Шага,

Коль дверей не смог я отпереть, Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.

Персия! Тебя ли покидаю?

Навсегда ль с тобою расстаюсь

Из любви к родимому мне краю?

Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья, Пусть не смог я двери отпереть, Ты дала красивое страданье,

Про тебя на родине мне петь.

До свиданья, пери, до свиданья.

1925

Голубая родина Фирдуси,

Ты не можешь, памятью простыв, Позабыть о ласковом уресе

И глазах, задумчиво простых,

Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,

Розы, как светильники, горят

И опять мне о далеком крае

Свежестью упругой говорят.

Хороша ты, Персия, я знал.

Я сегодня пью в последний раз

Ароматы, что хмельны, как брага.

И твой голос, дорогая Шага,

В этот трудный расставанья час

Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?

И в моей скитальческой судьбе

Близкому и дальнему мне люду

Буду говорить я о тебе —

И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,

Но на всякий случай твой угрюмый

Оставляю песенку про Русь:

Запевая, обо мне подумай,

И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

Быть поэтом — это значит то же, Если правды жизни не нарушить, Рубцевать себя по нежной коже, Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье, Чтобы было для тебя известней.

Соловей поет — ему не больно, У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —

Жалкая, смешная побрякушка.

Миру нужно песенное слово

Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в коране,

Запрещая крепкие напитки,

Потому поэт не перестанет

Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,

А любимая с другим лежит на ложе, Благою живительной хранимый,

Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,

Будет вслух насвистывать до дома: «Ну и что ж, помру себе бродягой, На земле и это нам знакомо».

Август 1925

Руки милой — пара лебедей —

В золоте волос моих ныряют.

Все на этом свете из людей

Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко

И теперь пою про то же снова, Потому и дышит глубоко

Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,

Сердце станет глыбой золотою, Только тегеранская луна

Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить: Догореть ли в ласках милой Шаги

Иль под старость трепетно тужить

О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:

Что приятно уху, что — для глаза.

Если перс слагает плохо песнь, Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни

Говорите так среди людей:

Он бы пел нежнее и чудесней,

Да сгубила пара лебедей.

Август 1925

«Отчего луна так светит тускло

На сады и стены Хороссана?

Словно я хожу равниной русской

Под шуршащим пологом тумана» —Так спросил я, дорогая Лала,

У молчащих ночью кипарисов,

Но их рать ни слова не сказала, К небу гордо головы завывсив.

«Отчего луна так светит грустно?» —У цветов спросил я в тихой чаще, И цветы сказали: «Ты почувствуй

По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась, Лепестками тайно мне сказала: «Шаганэ твоя с другим ласкалась, Шаганэ другого целовала».

Говорила: «Русский не заметит...

Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело...»

Оттого луна так тускло светит, Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены, Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

...

Но и все ж вовек благословенны

На земле сиреневые ночи.

Август 1925

Глупое сердце, не бойся!

Все мы обмануты счастьем,

Нищий лишь просит участия...

Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары

Льют по каштанам в пролесь.

Лале склонясь на шальвары,

Я под чадрую укроюсь.

Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети.

Часто смеемся и плачем:

Выпали нам на свете

Радости и неудачи.

Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны.

Счастья искал повсюду,

Только удел желанный

Больше искать не буду.

Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.

Новой напьемся силой.

Сердце, ты хоть бы заснуло

Здесь, на коленях у милой.

Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит

Рок, что течет лавиной,

И на любовь ответит

Песнею соловьиной.

Глупое сердце, не бойся.

Август 1925

Голубая да веселая страна.

Честь моя за песню продана.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —Эта песня в сердце отзовется.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Ты — ребенок, в этом спора нет, Да и я ведь разве не поэт?

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.

Много роз бывает на пути,

Много роз склоняется и гнется, Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я —

За такие милые края.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.

Пусть вся жизнь моя за песню продана, Но за Гелию в тених ветвей

Обнимает розу соловей.

1925

Другие редакции

ГУСЛЯР

Темна ноченька, не спится,

Выйду к речке на лужок.

Распоясала зарница

В темных волнах поясок.

На бугре береза-свечка

В ярких перьях серебра.

Выходи, мое сердечко,

Слушать песни гусяра.

Залюбуюсь, загляжусь ли

На девичью красоту,

А пойду плясать под гусли,

Так сорву твою фату.

Уведу тебя под склоны

В шелкопряные поля.

Ой ли гусли-самозвоны,

Псалмопенья ковыля.

ТРОИЦА

Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам зычный перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна, В благовесте ветра хмельная весна.

Пойте в чаще, птихи, я вам подпою, Похороним вместе молодость мою.

Нонче на закате с Божьего крыльца

Стану к аналою подле молодца.

Батюшкина воля, матушкин приказ, Горе да кручина повенчают нас.

Ах, развейтесь кудри, обсекись коса, Без любви погинет девичья краса.

Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам зычный перезвон.

Задымился вечер,

Дремлет кот на бруссе.

Кто-то помолился:

«Господи Исусе».

Полыхают зори,

Курятся туманы.

Над резным окошком

Занавес багряный.

Вьются паутины

С золотой повети.

Где-то мышь скребется

В затворенной клетки...

У лесной поляны —

В свяслах копны хлеба.

Ели, словно копья,

Уперлися в небо.

Закадили дымом

Под рососою рощи.

В сердце почивают

Тишина и мощи.

ИНОК

Пойду в скуфейке, светлый инок, Степной тропой к монастырям;

Сухой кошель из хворостинок

Повешу за плечи к кудрям.

Хочу концы твои измерить,

Родная Русь, я по росе

И в счастье ближнего поверить

На взбороненной полосе.

Иду. В траве звенит мой посох, В лицо махает шаль зари;

Сгребая сено на покосах,

Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел, Одной лишь грезой мыслю я:

Счастливы, кто жизнь свою украсил

Трудом земного бытия.

С улыбкой радостного счастья

Иду в другие берега,

Вкусив бесплотного причастья, Молясь на копны и стога.

Как покладинка лег через ров

Звонкий месяц над синью холмов.

Расплескалася пегая мгла,

Вижу свет голубого крыла.

Снова выплыл из ровных долин

Отчий дом под кустами стремнин.

И обветренный легким дождем,

Конским потом запах чернозем.

Здесь все так же, как было тогда, Те же реки и те же стада...

Только ивы над красным бугром

Обветшалым трясут подолом.

Знаю я, не приснилась судьбе

Песня новая в тихой избе,

И, как прежде, архангельский лик

Веет былью зачитанных книг.

Тихо, тихо в божничном углу,

Месяц месит кутью на полу...

И тревожит лишь помином тишь

Из запечья пугливая мышь.

Ночь и поле, и крик петухов...

С златной тучки глядит Саваоф.

Расплескалася пегая мгла,

Вижу свет голубого крыла.

Тихо выплыл из ровных долин

Отчий дом под кустами стремнин, И, обветренный легким дождем, Конским потом запах чернозем.

Здесь все так же, как было тогда, Те же реки и те же стада.

Только ивы над красным бугром

Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму, Уж кому-то не петь на холму.

Мирно грезит родимый очаг

О погибших во мраке плечах.

Тихо, тихо в божничном углу,

Месяц месит кутью на полу...

Но тревожит лишь помином тишь

Из запечья пугливая мышь.

Песня, луг, реки затоны,—

Эта жизнь мне только снится.

Свет от розовой иконы

На золотых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок,

В плеске крыльев голубиных.

Сон мой радостен и кроток

На руках твоих невинных.

Мне не нужен вздох могилы,

Слову с тайной не обняться.

Научи, чтоб можно было

Никогда не просыпаться.

Алый мрак в небесной черни

Начертил пожаром грань.

Я пришел к твоей вечерне,

Полевая глухомань.

Ой, легка моя кошница,

А глаза синее дня.

Знаю, мать-земля черница,

Все мы — тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири

Под лазоревым крылом.

Но сзовет нас из псалтыри

Заревой заре псалом.

И придем мы с земляникой,

Очертивши темью даль,

У полей родного лика

Позабыть свою печаль.

Дождик мокрыми метлами чистит

Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охалками листьев, Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,

Как с тяжелой походкой волны,

Животами, листвой хрипящими,

По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!

Кто ж воспеть его лучше мог?

Вижу, вижу, как сумерки лижут

Следы человеческих ног.

Тогда видишь, как клен без оглядки

Выходит к стеклу болот

И клененочек маленький матке

Деревянное вымя сосет.

Сыпь, гармоника, — скука, скука...

Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мною, паршивая сука,

Пей со мной!

Излюбили тебя, измызгали

Невтерпеж.

Что ж ты смотришь синими брызгами, Или в морду хошь!?

В огород бы тебя, на чучело,

Пугать ворон!

До печенок меня замучила

Со всех сторон!

Я с тобою из женщин не с первою — Много вас!

Но с такою, как ты, стервою

Лишь в первый раз!

Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая, Пей, выдра, пей!

Мне бы лучше вон ту, сисястую,—Она глупей.

И чем дальше, тем звонче,

То здесь, то там...

Я с собой не покончу,

Иди к чертям!

К вашей своре собачьей

Пора б простыть!..

Дорогая, я плачу...

Прости, прости!

ЛЕНИН Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»

Повстанцы

І

Еще закон не затвердел,

Страна шумит, как непогода.

Хлестнула дерзко за предел

Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!

Душа сжимается от боли.

Петушье пенье, песий лай

Уж десять лет не слышит поле.

Уж десять лет наш тихий быт

Утратил мирные глаголы.

Как оспой, ямами копыт

Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон, Визжат тачанки и телеги.

Ужель я сплю и вижу сон,

Что с копьями со всех сторон

Нас окружают печенеги.

Не сон! Не сон! Я вижу въявь

Ничем не усыпленным взглядом

Как, лошадей пуская вплавь,

Отряды скачут за отрядом.

Куда они? И где война?

Степная река не внемлет слову.

Не знаю, светит ли луна

Иль всадник обронил подкову.

Все спуталось. Но понял взор: Страну родную в край от края, Огнем и саблями сверкая,

Междуусобный рвет раздор.

II

Кто милость сильных не искал, Тот шел всегда напрапалую.

Мой поэтический запал

Я чту, как вольность удалую.

Украина! Страшный чудный звон.

В деревьях тополь, в цвет подснежник.

Откуда закатился он,

Тебя встревоживший мятежник?

Задорный гений! Он меня

Влечет по всей своей фигуре.

Он, ловко вспрыгнув на коня,

[Лет<ит?>]

Но что там за туманной дрожью?

То ветер ли колышет рожью

Иль движется людская рать,
Ужель проснулось Запорожье
Опять на ляхов, воевать,
Ужели голос прежней славы
Расшевелил былую Сечь
Прямым походом на Варшаву,
Чтоб победить иль всем полечь, Иль татарвы набег свирепый
Опять стране наносит брешь,
Или в видении Мазепа
Бежит со шведом за рубеж?
Ни то — ни это.
Страшный год,
Год восемнадцатый в истории.
Тогда маячил пулемет
Чуть не на каждом плоскогорьи, И каждое почти село
С другим селом войну вело.
Здесь в схватках, зверски оголтелых, Рубили красных, били белых
За провиантовый грабеж,
За то, чтоб не топтали рожь.

.....
Крестьяне! Да какое ж дело
Крестьянам в мире до войны.
Им только б поле их шумело,
Чтобы хозяйство было цело,
Как благоденствие страны.
Народ невинный, добродушный,
Он всякой власти непослушный, Он знает то, что город — плут, Где даром пьют, где даром жрут, Куда весь хлеб его везут,
Расправой всякою грозя,
Ему не давши ни гвоздя.
Отрывок из «Гуляй-поле»
Плач несознательный досаден,
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден, Того, кто жил — уж больше нет.
Его уж нет, кто шел со славой, За счастье угнетенных масс,
Кто речью гордой, чуть картавой, Как сокрушающею лавой,
Вселенную до недр потряс...
Была пора жестоких лет,

Нас пестовали злые лапы.

На поприще крестьянских бед

Цвели имперские сатрапы.

Монархия! Зловещий смрад!

Веками шли пиры за пиром,

И продал власть аристократ

Промышленникам и банкирам.

Народ стонал, и в эту жуть

Страна ждала кого-нибудь.

И он пришел.

Он мощным словом

Повел нас всех к истокам новым.

Он нам сказал: «Чтоб кончить муки, Берите всё в рабочьи руки.

Для вас спасенья больше нет,

Как ваша власть и ваш Совет».

И мы пошли, пошли к той цели, Куда глаза его глядели,

Пошли туда, где видел он

Освобожденье всех племен...

И вот он умер.

Плач досаден.

Не славят музы голос бед.

Из меднолающих громадин

Салют последний даден, даден, Того, кто спас нас — больше нет.

Отрывок из поэмы

Еще закон не отвердел,

Страна шумит, как непогода.

Хлестнула дерзко за предел

Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!

Душа сжимается от боли.

Уж сколько лет не слышит поле

Петушьё пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт

Утратил мирные глаголы.

Как оспой, ямами копыт

Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон, Визжат тачанки и телеги...

Ужель я сплю и вижу сон,

Что с копьями со всех сторон

Нас окружают печенеги?

Не сон! Не сон! Я вижу въявь, Ничем не усыпленным взглядом, Как, лошадей пуская вплавь,

Отряды скачут за отрядом.

Куда они? И где война?

Степная водь не внимлет слову.

Не знаю, светит ли луна

Иль всадник обронил подкову...

Все спуталось. Но понял взор: Страну родную в край от края, Огнем и саблями сверкая,

Междуусобный рвет раздор.

.....

.....

Россия! Страшный чудный звон!

В деревьях — березь, в цветь — подснежник.

Откуда закатился он,

Тебя встревоживший мятежник?

Ученый бунтовщик, он в кепи,

Вскормлённый духом чуждых стран, С лицом киргиз-кайсацкой степи

Глядит, как русский хулиган.

Сей образ, вольностью воспетый, И скажем,

Чтоб кто не вспылит:

Хоть не всегда, но есть портреты, В которых он поэтам мил.

Таких мы любим.

Ну, а в общем

Серьезной славы не потопчем.

Суровый гений, он меня

Влечет не по своей фигуре,

Он не садился на коня

И не летел навстречу буре.

Сплеча голов он не рубил,

Не обращал в побег пехоту.

Одно в убийстве он любил —

Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой.

Мы любим тех, что в черных масках, А он с сопливой детворой

Зимой катался на салазках.

И не носил он тех волос,

Что льют успех на женщин томных,—Он с лысиною, как поднос,

Глядел скромней из самых скромных.

Застенчивый, простой и милый, Он вроде сфинкса предо мной.

Я не пойму, какою силой

Сумел потрясть он шар земной?

Но он потряс

.....

Шуми и вей,

Крути свирепей, непогода,

Смывай с несчастного народа

Позор острогов и церквей.

Была пора жестоких лет,

Нас пестовали злые лапы.

На поприще крестьянских бед

Цвели имперские сатрапы.

Монархия! Зловещий смрад!

Веками шли пиры за пиром,

И продал власть аристократ

Промышленникам и банкирам.

Народ стонал, и в эту жуть

Страна ждала кого-нибудь.

И он пришел.....

.....

Он мощным словом

Повел нас всех к истокам новым.

Он нам сказал:

«Чтоб кончить муки,

Берите все в рабочьи руки.

Для вас спасенья больше нет —Как ваша власть и ваш Совет».

И мы пошли под визг метели,

Куда глаза его глядели,

Пошли туда, где видел он

Освобожденье всех племен...

.....

.....

И вот он умер.

Плач досаден.

Не славят Музы голос бед.

Из меднолающих громадин

Салют последний даден, даден, Того, кто спас нас,

Больше нет.

Его уж нет!

А те, кто вживе,

А те, кого оставил он,

Страну в бушующем разливе

Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:

«Ленин умер!»

Их смерть к тоске не привела...

Еще суровой и угрюмой

Они творят его дела.

СКАЗАНИЕ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ, О ХАНЕ БАТЫЕ, ЦВЕТЕ ТРОЕРУЧИЦЕ, О ЧЕРНОМ ИДОЛИЩЕ И СПАСЕ НАШЕМ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

1

За поёмами Улыбыша

Кружат облачные вентери.

Закурилася ковыльница

Подкопытною танагою.

Ой, не зымь лузга-заманница

Запоршила переточкины,—

Подымались злы татарове

На зарайскую сторонушку.

Задрожали губы Трубежа,

Встрепенулись очи-голуби,

И укромы крутоборые

Посолонью зачаведели.

Не ждала Рязань, не чуюла

А и той разбойной допоти,

Под фатой варяжьей засынькой

Коротала ночку темную.

Не совиный ух зашурился,

И не волчья пасть ослабилась,—То Батый с холма Чурилкова

Показал орде на зарево.

Как взглянули звезды-ласточки, Загадали думу-полымя:

Штой-то Русь захолынулася?

Аль не слышит лязга бранного?

Щебетнули звезды месяцу:

«Ай ты, Божие ягнятище!

Ты не мни траву небесную,

Перестань бодаться с тучами.

Подыми-ка глаза-уголья

На святую Русь крещеную,

Да позарься в кутомарии,

Что там го?рами ерошится?».

Как взглянул тут месяц с привязи, А ин жвачка зубы вытерпла,

Поперхнулся с перепужины

И на землю кровью кашлянул.

Ой, текут кровя сугорами,

Стонут пасишные пажити,

Разыгрались злы татарове,

Кровь полониками черпают.

Впереди ль сам хан на выпячи

На коне сидит улыбисто

И жует, слюнявя бороду,

Кус подохлой кобылятины.

Говорит он псиним голосом:

«Ой ли, титники братанове,

Не пора ль нам с пира-пображни

Настремнить коней в Московию?»

2

От Ольги до Швивой Заводи

Знают песни про Евпатия.

Их поют от белой вызнати

До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,

Да ни слову не уважено,

Не сочесть похвал той удали,

Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,

В три ряда на плечи падали.

За гленищем ножик сеченый

Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,

Лошадей ковал да бражничал,
Да пешнёвые угорины
Двумя пальцами вытягивал.
Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.
Только нет угожей засыньки,
Чернокосой побеседнушки.
Не одна краса-зазнобушка
Впотайную по нем плакала,
Не один рукав молодущек
От слезья продырявился.
Да не любы, вишь, удалому
Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Што ль рязанская сторонушка.

3

Как гулял ли, хороводничал
Удалой-те добрый молодец
И Ольгу? ли волноватую
В молоко парное вспенивал.
Собирались злы татарове,
На Москву коней шарахали.
Собегалися боярове
На кулажное устанище.
Наряжали побегушника,
Уручали серой грамотой:
«Ты беги, буди, детинушка,
На усуду свет Евпатия».
Ой, не колоб в поле котится
На позыв колдуньи с Шехмина,—Проскакал ездок на Пилево
Да назад опять ворочает.
Крутозыбы волны белые,
Далеко их видно по лугу.
Так и мечутся, яруются
Укусить седое облако.
Подскакал ездок ко берегу,
Тянет поводы на быстрицу,

Да не лезет конь в сумятицу,
В две луны подковы вытянув.
Как слезал бегун, задумывал:
«Ай, с чего же речка пенится?
Нет ни чичерного сиверка,
Ни того ль лесного шолоха».

4

Да вставал тут добрый молодец, Свет Евпатий Коловратович,
Выходил с воды на посолонь,
Вытирался лопушиною.
Утихала зыбь хлябучая,
Развивались клубы пенные,
И надводные коряжины
По-лягвачьему пузырились.
А и крикнет побегушнице:
«Ой ты, лазушный баторе!..
Ты беги, померяй силушку
За Рязанью над татарами».

5

На узёмном погорелище
За Коломной бабы хныкают.
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.
Хлыщут потные погонщики,
Подгоняют полонянных,
По пыжну путю-дороженьке
Ставят вехами головушки.
У загнетки неба синего
Облака горят, поленища,
На сухменьи ель-ухватище
Пламя-полымя ворочает.
Не кухта в бору замешкалась
И не лышник чешет бороду,
Ходит Спасе, Спас-угодниче
Со опущенной головушкой.
Отворялась Божья гридница
Косятым окном по нудышу,
Выходила Троеручица

На крылечко с горней стражею.

И шумнула мать пелеганцу:

«Ой ты, сыне мой возлюбленный, Помути ты силу вражюю,

Соблюди Урусь кондовую».

Не убластилося Батыю,

Не во сне ему почуялось,

Наяву ему предвиделось —

Дикомыти рвут татаровье.

Повернул коня поганище

На застепное пристанище,

За пожнёвые утырины,

На укрепления ли козельские.

Ой, бахвалятся провытники

Без уёму, без попречины.

За кого же тебя пропили,

Половецкая любовница?

6

У Палаги-шинкачерихи

На меду вино развожено.

Корачевые кумашницы

Рушниками занавешаны.

Не облыжники пеняются,

Не кусомни-поминушники,—

Сходилися товарищи

Свет хороброго Евпатия.

Говорит-гудит детинушка:

«Ой ли, други закадышные,

Не пора ль нам тыквы-головы

Попытать над ятаганами?

Не назря мы, чай, за пожнями

Солнце стрелами утыкали,

Не с безделья в стены райские

Два окошка пробуравили».

Не загулины кувекали,

Не тетерники скликалися,

А удалые головушки

С просулёнами прощалися.

Плачут засыньки по дружникам, По Евпатию ль все Ольговичи.

Улетают молодикочи

Во погоню на потравников.

Ой, не суки в тыне щелятся

Под козельскими корягами,

Налетала рать Евпатия,

Сокрушала сыть поганую.

Защемило сердце Батыя,

Хлябушиной закобонилось.

Не рязанцы ль встали мертвые

На угубу кроволитную?

7

А на райских пашнях побрани — Спорит идолище с Господом:

«Ты отдай победу выкрому,

Правоверу мусульманину».

Говорит Господь узывчиво:

«Ай ты, идолище черное,

У какой ты злюки-матери

Титьку-вишенья высасывал?»

Бьются соколы-дружинники,

А не знают волю сполову.

Как сидеть их белым душенькам

В терему ли, в саде райском.

Стонет идолище черное,

Брови-поросль оторачает.

Как кипеть ли злым татаровьям — Во смоле, котлах кипучих.

Скачет хан на бела батыря,

С губ бежит слюна капучая.

И не меч Евпатий вытянул,

А свеча в руках затеплилась.

Не березки-белопипушки

Из-под гоноби подрублены,

Полегли соколя-дружники

Под татарскими насечками.

Не карачевое гульбище,

Не изюм-кутья поминная —

Разыгрались злы татаровья,

Кровь полониками черпают.

Возговорит лютый ханище:

«Ой ли, черти-куралесники,

Отешите череп батыря

Что ль на чашу на сивушную».

Уж он пьет не пьет, курвяжится, Оглянётся да понюхает:

«А всего ты, сила русская,

На тыновье загодилася».

От Ольги до Швивой Заводи

Знают песни про Евпатия.

Их поют от белой вызнати

До холопного сермяжника.

1912. В<еликий> пост

Стихотворения на случай

Перо не былница,

Но в нем есть звон.

Служи, чернильница,

Лесной канон.

О матери вечная,

Святой покров.

Любовь заречная —

Без слов.

6 октября 1915

Любовь Столица, Любовь Столица, О ком я думал, о ком гадал.

Она как демон, она как львица,—Но лик невинен и зорьно ал.

1915

Дорогой дружнице Миша,

Ты как вихрь, а я как замать, Сбереги под тихой крышей

Обо мне любовь и память.

15 марта 1916

МИНЕ

От берегов, где просинь

Душистей, чем вода.

Я двадцать третью осень

Пришел встречать сюда.

Я вижу сонмы ликов

И смех их за вином,

Но журавлиных криков

Не слышу за окном.

О, радостная Мина,

Я так же, как и ты,

Влюблен в мои долины <?>

Как в детские мечты.

Но тяжелее чарку

Я подношу к губам,

Как нищий злато в сумку,

С слезою пополам.

1917

ЧАСТУШКИ (О поэтах)

Я сидела на песке

У моста высокова.

Нету лучше из стихов

Александра Блокова.

Сделала свистулечку

Из ореха грецкого.

Веселее нет и звонче

Песен Городецкого.

Неспокойная была,

Неспокой оставила.

Успокоили стихи

Кузмина Михаила.

Шел с Орехова туман,

Теперь идет из Зуева.

Я люблю стихи в лаптях

Миколая Клюева.

Дуют ветры от реки,

Дуют от околицы.

Есть и ситец и парча

У Любви Столицы.

Заливается в углу

Таракан, как пеночка.

Не подумай, что растешь,

Таня Ефименочка.

Ах, сыпь, ах, жарь,

Маяковский — бездарь.

Рожа краской питана,

Обокрал Уитмана.

Пляшет Брюсов по Тверской

Не мышом, а крысиной.

Дяди, дяди, я большой,

Скоро буду с лысиной.

Ах, батюшки, ох-ох-ох,

Есть поэт Мариенгоф.

Много кушал, много пил,

Без подштанников ходил.

Квас сухарный, квас янтарный, Бочка старо-новая.

У Васятки у Каменского

Голова дубовая.

1917–1919

Не стихов золотая пена

И не Стенькина молва, —

Пониковская Елена

Тонко вяжет кружева.

Лес в них закутался,

Я — запутался.

1918

АКРОСТИХ

Радость, как плотвица быстрая, Юрко светит и в воде.

Руки могут церковь выстроить

И кукушке и звезде.

Кайся нивам и черемухам,—

У живущих нет грехов.

Из удачи зыбы промаха

Воют только на коров.

Не зови себя разбойником,

Если ж чист, так падай в грязь.

Верь — теленку из подойника

Улыбается карась.

Утро, 21 января 1919

КАК ДОЛЖНА РЕКОМЕНДОВАТЬСЯ МАРИНА

Скажу вам речь не плоскую,

В ней все слова важны:

Мариной Ивановскою

Вы звать меня должны.

Меня легко обраните:

Я маленький портрет.

Сейчас учусь я грамоте,

И скоро мне шесть лет.

Глазенки мои карие

И щечки не плохи.

Ах, иногда в ударе я

Могу читать стихи.

Перо мое не славится,

Подчас пишу не в лад,

Но больше всего нравится

Мне кушать «шыколат».

19 января 1924

Милая Пераскева,

Ведь Вы не Ева!

Всякие штуки бросьте,

Любите Костю.

Дружбой к Вам нежной осенен,

Остаюсь — Сергей Есенин.

P.S.

Пьем всякую штуку.

Жму Вашу руку.

1924

Эх, жизнь моя,

Улыбка девичья.

За Гольдшмита пьем

И за Галькевича.

Будет пуст стакан,

Как и жизнь пуста.

Прижимай, Муран,

Свой бокал к устам.

5 октября 1924

Баку

Тетя Мотя

В розовом капоте,

Дядя Вадя

В праздничном наряде,

Кузина Зина

В плаще резиновом,

Папа

В пижаме,

На маме

Шляпа,

На сынишке Мишке

Новые штанишки —

Делают прогулку

По нашему переулку...

И вдруг явление

Всем на удивление:

Раскрасневшись от жары,

Молодые маляры —

Тит и Вася —

Дом красят.

Разделяют стены

Под розовый оттенок...

Кричит Мишка:

— Ишь, как!

Вот это ловко —

Вместо кисточки спринцовка! —А папа Мише:

— Удивляйся потише!

Разве трудно догадаться,

Что это — механизация?

Скоро научатся даже

Наспринцовывать портреты и пейзажи!

1924

Никогда я не забуду ночи,

Ваш прищур, цилиндр мой и диван.

И как в вас телячьи пучил очи

Всем знакомый Ванька и Иван.

Никогда над жизнью не грустите, У нее корявых много лап,

И меня, пожалуйста, простите

За ночной приبلудный пьяный храп.

19 марта 1925

Пускай я порою от спирта вымок, Пусть сердце слабеет, тускнеют очи, Но, Гурвич! взглянувши на этот снимок, Ты вспомни меня и «Бакинский рабочий».

Не знаю, мой праздник иль худший день их, Мы часто друг друга по-сучьи лаем, Но если бы Фришберг давал всем денег, Тогда бы газета была нам раем.

25 апреля 1925

Баку

Самые лучшие минуты

Были у милой Анюты.

Ее взоры, как синие дверцы,

В них любовь моя,

В них и сердце.

12 июня 1925

И. В. ЕВДОКИМОВУ

На книгу «Березовый ситец». М.: Гос. изд-во, 1925: Сердце вином не вымочу.

Милому Евдокимочу,

Пока я тих,

Эта книга и стих.

1925, 12/VI. С. Есенин

Милый Вова,

Здорово.

У меня не плохая

«Жись»,

Но если ты не женился,

То не женись.

26 июля 1925

*

Пил я водку, пил я виски,

Только жаль, без вас, Быстрицкий.

Нам не нужно адов, раев,

Только б Валя жил Катаев.

Потому нам близок Саша,

Что судьба его как наша.

1925

Примечания

1 Первая часть написана М. Герасимовым, вторая — С. Есениным, третья — С. Клычковым.

2 Слова Пушкина (Прим. С. Есенина).